

ISSN 1819-3137

ВЕСТНИК

Дальневосточного юридического института МВД России

2 (63)
2023

№ 2 (63)
2023

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, профессор;
А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;
А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;
С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;
С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;
С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;
Ю. И. Кулешов,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Г. Шурухнов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

Компьютерная верстка
и дизайн
А. В. Ковалев, О. Ф. Вальченко

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовно-процессуальное право

Петухов Е. Н. Средства обеспечения надлежащего исполнения обязанностей свидетеля в уголовном судопроизводстве / **5**
Маркелов А. Г. Идея компромисса при прекращении уголовного дела или освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности / **12**
Сущенко С. А. Институт свидетельского иммунитета в уголовном процессе России и зарубежных стран: некоторые сравнительно-правовые аспекты / **17**

Уголовное право

Авдеева О. А., Авдеев В. А. Правосубъектность: соотношение теоретико-методологического и отраслевого подходов / **24**
Батоев В. Б. Использование информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: вопросы оценки общественно опасных последствий в виде материального ущерба / **32**
Брагина А. Г. Общая уголовно-правовая характеристика преступлений диверсионной направленности и их соотношение со смежными группами преступлений / **40**
Полтарыхин В. А. Межотраслевое понятие «коррупционное преступление»: теоретико-прикладной анализ / **48**

Криминология

Никитенко И. В. Криминологическая типология преступности: основные подходы, проблемы, перспективы развития / **54**
Мальченкова В. В. Некоторые вопросы преступности несовершеннолетних / **62**
Назмеева А. Р. Незаконное предпринимательство: криминологические аспекты личности преступника / **67**

Криминалистика

Мерецкий Н. Е. Возможности применения криминалистической идентификации в алгоритмизации раскрытия и расследования преступлений / **74**
Попова Е. И. Неверная квалификация преступных посягательств: причины, последствия, выявление / **80**
Небрагено Г. Г., Трубкина О. В. К вопросу о способе вовлечения в преступную деятельность несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации / **86**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научной специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-77679 от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30.06.2023.
Бум. офис. Формат 60×84^{1/8}.
Усл. печ. л. 18,1.
Тираж 300 экз. (1-й завод: 1–50 экз.)
Заказ № 20.
Цена свободная.
Подписной индекс Т6554.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 92–02–59

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2023

Жердев П. А. Некоторые особенности расследования мошенничества в сфере мобильной связи / **94**

Виноградова О. П. Специфика механизма слепообразования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / **100**

Киселёва М. А. Криминалистическая характеристика неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей как систематизированное отражение механизма совершения данных преступлений / **106**

Сидоренко О. В. Маркировочные обозначения как защита товара от фальсификации: криминалистические аспекты / **112**

Судебно-экспертная деятельность

Самуйленко Ф. П. Возможности использования QR-кода для маркировки оружия и изделий, конструктивно сходных с ним / **118**

Абрамов В. А. Возможности использования программ с технологией искусственного интеллекта при производстве портретных экспертиз / **124**

Гречкина Ю. С. Техничко-криминалистическое исследование подлинных денежных знаков, имеющих дефекты / **132**

Самуйленко Л. В. Влияние необычного положения пишущего на проявление идентификационных признаков почерка / **140**

Оперативно-розыскная деятельность

Гамзина А. В. Необходимость участия подразделений по делам несовершеннолетних в оперативно-розыскной деятельности в отношении несовершеннолетних правонарушителей / **146**

Информация для авторов / 155

№ 2 (63)
2023

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher –
Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief

A. V. Ryabtsev,

*kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;*

Deputy Editor-in-Chief

I. V. Nikitenko,

Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary

E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:

E. Yu. Antonova,

Doctor of Law, Professor;

A. M. Baranov,

Doctor of Law, Professor;

A. S. Bakhta,

Doctor of Law, Professor;

S. S. Bezrukov,

Doctor of Law, Associate Professor;

S. I. Davydov,

Doctor of Law, Professor;

N. N. Egorov,

Doctor of Law, Professor;

S. M. Kuznetsova,

*kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;*

Yu. I. Kuleshov,

Doctor of Law, Professor;

N. E. Meretskiy,

Doctor of Law, Professor;

N. G. Shurukhnov,

Doctor of Law, Professor

Managing editor

E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design

A. V. Kovalev, O. F. Valchenko

CONTENTS

Criminal procedure law

Petukhov E. N. Means of ensuring the proper performance of the witness's duties in criminal proceedings / **5**

Markelov A. G. The idea of compromise in the termination of a criminal case or exemption from criminal liability due to the expiration of the statute of limitations / **12**

Sushchenko S. A. Institute of witness immunity in criminal proceedings in Russia and foreign countries: some comparative legal aspects / **17**

Criminal law

Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Legal personality: correlation of theoretical and methodological and sectoral approaches / **24**

Batoev V. B. The use of information and telecommunication technologies for criminal purposes: issues of assessment of socially dangerous consequences in the form of material damage / **32**

Bragina A. G. General criminal and legal characteristics of subversive crimes and their correlation with related groups of crimes / **40**

Poltarykhin V. A. Cross-sectoral concept of "corruption crime": theoretical and applied analysis / **48**

Criminology

Nikitenko I. V. Criminological typology of criminality: main approaches, problems, development prospects / **54**

Malchenkova V. V. Some questions of minor crime / **62**

Nazmeeva L. R. Illegal business: criminological aspects of the personality of the criminal / **67**

Criminalistic

Meretskiy N. E. / Application possibilities forensic identification in the algorithmization of the disclosure and investigation of crimes / **74**

Popova E. I. Misclassification of criminal offenses: causes, consequences, detection / **80**

Nebrateko G. G., Trubkina O. V. To the question of the method of involving into criminal activities minors in a state of frustration / **86**

Zherdev P. A. Some features of the investigation of fraud in the sphere of mobile communications / **94**

Vinogradova O. P. The specifics of the mechanism of trace formation when investigating crimes in the field of computer information / **100**

Kiselyova M. A. Criminalistics characteristic of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents as a systematic reflection of the mechanism of committing these crimes / **106**

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties

5.1.4. Criminal law sciences (legal juridical sciences)

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 30.06.2023.
Format 60×84 ¹/₈. Size 18,1 printer sheets. Circulation 300 copies. (1–50 copies).
Order 20. Free price.
Subscription index T6554.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 920–259

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023.

Sidorenko O. V. Marking designations protection of goods from falsification: forensic aspects / **112**

Forensic expertise activity

Samuilenko F. P. The possibility of using a QR-code to mark weapons and products structurally similar to it / **118**

Abramov V. A. The possibilities of using programs with artificial intelligence technology in producing portrait examinations / **124**

Grechkina Yu. S. Technical and forensic examination of genuine banknotes with defects / **132**

Samuilenko L. V. The impact of the writer's position for the manifestation of identification features of handwriting / **140**

Operative search activity

Gamzina A. V. The need for the participation of juvenile affairs units in operational investigative activities in relation to juvenile offenders / **146**

Information for authors / 155

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).
С. 5–11.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
2(63):5–11.

Научная статья
УДК 343.1

СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Евгений Николаевич Петухов

Алтайский государственный университет, Барнаул
petuchove@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения надлежащего исполнения обязанностей свидетеля в уголовном судопроизводстве. Приводится их перечень. Устанавливаются факторы, влияющие на выбор поведения свидетеля при необходимости исполнения им предписаний законодателя. Рассматриваются средства обеспечения исполнения свидетелем обязанностей. Определяется их достаточность и эффективность для создания необходимых условий исполнения рассматриваемых обязанностей. Формулируются предложения о совершенствовании обеспечительных средств.

Ключевые слова: уголовный процесс, свидетель, обязанности свидетеля, обеспечительные средства

Для цитирования: Петухов Е. Н. Средства обеспечения надлежащего исполнения обязанностей свидетеля в уголовном судопроизводстве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 5–11.

Original article

MEANS OF ENSURING THE PROPER PERFORMANCE OF THE WITNESS'S DUTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Evgeny N. Petukhov

Altai State University, Barnaul
petuchove@mail.ru

© Петухов Е. Н., 2023

Abstract. The article deals with the problem of ensuring the proper performance of witness duties in criminal proceedings. A list of them is provided. The factors influencing the choice of behavior of a witness when it is necessary for him to fulfill the instructions of the legislator are established. The means of ensuring the performance of duties by the witness are considered. Their sufficiency and effectiveness are determined to create the necessary conditions for the performance of the duties under consideration. Proposals are formulated to improve the security means.

Keywords: criminal procedure, witness, witness's duties, means of support

For citation: Petukhov E. N. Means of ensuring the proper performance of the witness's duties in criminal proceedings // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63): 5–11.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством должностные лица и органы государства, осуществляющие производство по уголовным делам, для эффективного решения стоящих перед ними задач достаточно часто привлекают представителей общественности. При этом следует признать, что самыми вовлеченными лицами в уголовное судопроизводство являются свидетели.

Согласно распространенной в науке уголовного процесса позиции, высказанной В. А. Будниковым и поддержанной большинством ученых и правоприменителей, свидетели – это любые физические лица, обладающие информацией о преступлении и способностью сообщить ее следователю или суду во время допроса, которым надлежащим образом разъяснены их права и обязанности [1, с. 7].

Российский законодатель, осознавая важность такого участника, а особенно доказательственную значимость его показаний для процесса расследования преступлений и осуществления правосудия по уголовному делу, предоставил ему достаточное количество прав и установил, как считается, для надлежащего исполнения им обязанностей реальные возможности, при этом также обеспечил охрану его чести и достоинства. Анализ нормы, закрепляющей его процессуальный статус (ст. 56 УПК РФ) и ряда других норм, содержащих гарантии реализации данного статуса, в основном подтверждает эту заботу законодателя о лице, участвующем в уголовном судопроизводстве в качестве свидетеля. Из этих же норм мы видим, что в основе его процессуального статуса и положения лежит общая правовая обязанность – сообщить правдивые сведения об известных ему обстоятельствах, имеющих доказательственное значение по уголовному делу, которые были им восприняты непосредственно (был очевидцем преступления – видел или слышал лично сам) или опосредованным путем (например, ему о них рассказал обвиняемый). Это и есть его самая главная общественная обязанность (общественный долг) – добровольно и добросовестно содействовать правосудию для восстановления справедливости, попорченной совершенным преступлением. Кроме того, свидетель в ходе производства по уголовному делу обязан надлежащим образом исполнять и другие не менее значимые конкретные предписания (обязанности) законодателя: своевременно являться по вызову органов расследования и суда для дачи показаний; подвергнуться освидетельствованию; предоставить образцы для сравнительного исследования; участвовать в проверке показаний на месте, в очной ставке для проверки его показаний и др.

Надлежащее исполнение свидетелем названных обязанностей обеспечивается властными субъектами уголовного судопроизводства путем использования ими существующих в настоящее время в их арсенале организационно-правовых и иного характера средств. Для надлежащего исполнения свидетелем обязанности давать правдивые показания он вызывается властными субъектами для допроса в местонахождение органов расследования или суда, где в служебном кабинете следователя, дознавателя или в зале судебного заседания в деловой и доверительной обстановке может рассказать известные ему сведения. В случае уклонения свидетеля от явки по вызову без уважительных причин, властные субъекты могут

обеспечить его доставление в место допроса, применив принудительный привод. В необходимых случаях свидетелю создаются условия давать показания в месте его нахождения (следователь сам к нему приходит – ч. 1 ст. 187 УПК РФ либо используется система видеоконференцсвязи – ст. 189.1 УПК РФ). Для обеспечения условий, в которых свидетель, участвующий в следственных действиях, будет чувствовать себя более уверенно и защищенно, ему законодательством дополнительно предоставлено право являться на допрос, очную ставку, обыск с адвокатом. Кроме того, для своей защищенности свидетель также может ходатайствовать о применении в отношении его мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Если свидетель не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, то он, согласно ч. 4 ст. 56 УПК РФ, может пользоваться помощью переводчика бесплатно. Кроме того, по заявлению ему гарантируется возмещение сумм, затраченных или недополученных им в связи с исполнением возложенных на него законодателем обязанностей (ст. 131 УПК РФ). Свидетелю даже разрешается по закону не являться по вызову, если он заранее уведомит следователя об уважительных причинах неявки (ч. 3 ст. 188 УПК РФ).

Использование властными субъектами перечисленных правовых средств, несомненно, в большинстве случаев должно создать и создает благоприятствующие условия лицам, участвующим в ходе уголовного судопроизводства в качестве свидетелей, предоставляя им реальную возможность надлежащим образом исполнять возложенные на них законодателем обязанности. При этом критерием оценки исполнения свидетелем обязанности выступит такое его правомерное поведение, когда он добровольно явится по вызову в назначенное место и к назначенному времени и даст правдивые показания, которые будут соответствовать, как верно отметил В. И. Смыслов, истинному положению вещей [2, с. 45]. В основе его правомерного поведения будет находиться мотивация в виде присущих ему лучших качеств человека и гражданина (добросовестность и правдивость).

Если же свидетель уклоняется от добровольного исполнения рассматриваемой обязанности и даже убеждения властных субъектов не имеют эффекта, то далее включаются средства воздействия – право на применение мер процессуального принуждения и угроза привлечения к ответственности. Объем применяемых воздействий в отношении лиц, уклоняющихся от надлежащего исполнения своего свидетельского долга, а значит, неисполнения возложенных на него обязанностей, установлен законодателем в ч. 7–9 ст. 56 УПК РФ и ч. 2 ст. 111 УПК РФ (подвергается приводу; несет ответственность в соответствии со ст. 307, 308 и 310 УК РФ; избирается обязательство о явке; применяется денежное взыскание).

Применение мер воздействия вплоть до угрозы привлечения к уголовной ответственности признается не только оправданным, но и необходимым, так как неисполнение свидетелем императивных предписаний (обязанностей) законодателя существенным образом осложняет расследование уголовных дел, препятствует выяснению всех обстоятельств произошедшего события преступления, подлежащих обязательному установлению по каждому делу (ст. 73 УПК РФ), и, как следствие, принятию законных, обоснованных промежуточных процессуальных решений и итоговых решений по уголовному делу в виде законного, обоснованного и справедливого приговора.

Однако существующие меры процессуального принуждения не в силах разрешить все жизненные ситуации, в которых оказываются свидетели. Конечно, хорошо, если бы свидетель всегда вовремя являлся по вызову и во время допроса всегда давал правдивые показания. Однако в реальной жизни все намного сложнее. Например, может возникнуть в ходе расследования уголовного дела ситуация, в которой свидетель отказывается давать показания, так как опасается за свою жизнь и жизнь своих близких.

Подтверждением такой ситуации является уголовное дело № 1–177/2011 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. На очной ставке между обвиняемым К. и свидетелем В. последняя отказалась отвечать на часть

вопросов, поставленных перед ней следователем. Она объяснила свое поведение тем, что опасается за свою жизнь, так как на нее знакомыми обвиняемого К. оказывается давление с целью принуждения к изменению ранее данных ею показаний. Кроме того, на очной ставке между обвиняемым К. и свидетелем Б. (по этому же уголовному делу) последний также отказался давать показания ввиду опасения за свою жизнь, так как узнал, что обвиняемый К. состоит в организованной преступной группе*.

Могут сложиться и другие ситуации. Например, в качестве свидетелей могут оказаться и близкие родственники обвиняемого, и адвокат, оказывавший ему юридическую помощь, и священнослужитель, который его исповедует, и многие другие лица, занимающие определенные должности и положение в обществе. Таким свидетелям, как правильно отмечает Н. И. Парубов, во время вызова на допрос и самого допроса приходится выбирать, что важнее – родственные (или другие) чувства или общественный долг [3, с. 158].

Чтобы определить баланс указанных мотиваций и найти разумное разрешение данной проблемы, законодатель ввел в закон понятие свидетельского иммунитета в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с п. 40 ст. 5 УПК РФ под свидетельским иммунитетом понимается право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ.

Раскрывая диспозитивный характер свидетельского иммунитета в таком его понимании, В. Г. Даев полагает, что иммунитет в юридическом смысле означает «исключительное право не подчиняться некоторым правилам» [4, с. 48]. Однако, на его взгляд, законодатель слишком обобщил данное понятие, распространив это определение на все случаи преимущественного права свидетеля, закрепленного в УПК РФ, не свидетельствовать.

В такой ситуации, считаем, целесообразно рассматривать два понятия – «иммунитет» и «привилегия». Если мы обратимся к этимологическим корням данных терминов, то увидим, что иммунитет – это предоставленное кому-нибудь исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, а привилегия – это преимущественное право, льгота [5, с. 245, 588].

Заострить внимание на словах «исключительное право», которое, наверное, должно действовать в исключительных случаях и распространяться на ограниченный круг конкретных субъектов, и «льгота», которая, наверное, может распространяться на очень большой круг лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Другими словами, мы предлагаем считать, что свидетельская привилегия – это льгота (право выбора: свидетельствовать или не свидетельствовать), понятием которой, в частности, и охватывается содержание п. 40 ст. 5, а также ч. 4 ст. 56 УПК РФ. А вот в понимание свидетельского иммунитета, на наш взгляд, будут входить те положения УПК РФ, которые носят императивный характер и прямо запрещают производить допрос указанных в них лиц, что и определено в ч. 2 ст. 56 УПК РФ. Полагаем, что для осуществления правоприменителем процесса доказывания данное разграничение имеет существенное значение, т. к. показания, полученные в ходе реализации свидетелем привилегии свидетельствовать, могут быть признаны доказательствами, например, как в случае с обвиняемым, который, согласно п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, «вправе давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний». А вот показания, полученные от лиц, на которых распространяется свидетельский иммунитет, не могут быть признаны доказательствами (они недопустимы).

* Из приговора Центрального районного суда г. Тольятти от 06.04.2011 по уголовному делу № 1–177/2011. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

Характеристика сущности и реализации закрепленных в положениях уголовно-процессуального законодательства процессуальных статусов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве свидетелей, приводит к обоснованному выводу о том, что законодатель им предоставил достаточное количество прав и в основном постарался обеспечить их безопасность закрепленными в законодательстве мерами, однако при этом не уделил достаточного внимания средствам обеспечения надлежащего исполнения возложенных на них обязанностей. В связи с этим необходимо развитие обеспечительных средств, так как имеется потребность в совершенствовании процедуры уголовно-процессуального воздействия на этих субъектов с целью их убеждения или принуждения к правомерному поведению, определенному в предписаниях законодателя.

Исходя из вышеизложенного, с учетом добровольности или нежелания исполнения лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве в качестве свидетелей, возложенных на них законодателем обязанностей, властными субъектами, как мы установили выше, в настоящее время используются в механизме обеспечения достаточно большой и разнообразный арсенал соответствующих складывающейся ситуации обеспечительных средств, с помощью которых они создают таким представителям общественности необходимые условия для исполнения ими уголовно-процессуальных обязанностей. Достигается такой позитивный результат посредством установления эффективного сотрудничества властных субъектов с представителями общественности, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. Вопрос сотрудничества общественности с правоохранительными органами [6], в том числе с органами расследования и судом, всегда находился в поле зрения ученых. Ими постоянно изучалось и изучается отношение граждан к необходимости исполнения своего общественного долга путем добровольного участия в уголовно-процессуальной деятельности. Однако вот уже на протяжении большого количества лет ситуация в этом вопросе остается на уровне малой продуктивности и к лучшему не меняется. Граждане по разным причинам уклоняются от оказания содействия расследованию и правосудию по уголовным делам. Так, например, Л. В. Брусницын, еще в 1997 г. провел по этой проблеме исследование и пришел к выводу, что «незащищенность потерпевших и свидетелей от противоправного воздействия побуждает их, и вполне обоснованно, всячески уклоняться от выполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Более 30 % опрошенных из 40 тысяч человек на вопрос об их действиях в случае, если они станут свидетелями преступления, ответили, что в правоохранительные органы о случившемся не сообщат» [7, с. 36].

Несомненно, отечественный законодатель в последние два десятилетия сделал многое для обеспечения безопасного участия граждан в процессе производства по уголовному делу. Для этого в законодательство включено, на первый взгляд, достаточно правовых средств. В частности, к ним относятся как собственно уголовно-процессуальные меры безопасности, основные из которых перечислены в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, так и внепроцессуальные меры безопасности, установленные в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Однако, как справедливо отмечает Х. П. Пашаев, «само по себе фиксирование в уголовно-процессуальных и иных нормах мер безопасности, как показывает теория и практика обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства, не дает значимого положительного эффекта» [8, с. 303]. Поэтому мы констатируем, что уже довольно продолжительное время ситуация не меняется, граждане по-прежнему по разным причинам уклоняются от оказания содействия расследованию и правосудию по уголовным делам. Убедительным подтверждением нашего вывода являются результаты исследований проблемы исполнения процессуальных обязанностей участниками уголовного процесса, которые провела уже в современной России Н. С. Каштанова. Для наглядности она привела убедительный пример из материалов уголовного дела. Так, свидетели по одному из уголовных дел, находящихся

в архиве Октябрьского районного суда г. Омска, четырежды не являлись в зал судебного заседания, несмотря на своевременное уведомление их под расписку о времени и месте слушания дела. При этом суд трижды выносил постановление о приводе вышеуказанных лиц, поскольку рассмотреть уголовное дело в их отсутствие не представлялось возможным [9, с. 244].

Достаточно много таких примеров мы находим в работах и других исследователей*. Кроме того, нами также установлено достаточно много таких случаев в ходе изучения 937 материалов уголовных дел.

Для изменения сложившейся ситуации в лучшую сторону считаем необходимым повысить защищенность свидетелей путем совершенствования мер безопасности, а также предлагаем ужесточить ответственность таких лиц с целью побуждения их к правомерному поведению и надлежащему исполнению обязанностей, обеспечивающих реализацию их общественного долга.

Для надлежащего исполнения обязанностей свидетелем, возложенных на него законодателем, необходимо прирастить обеспечительные средства, а именно:

1) обеспечить гарантированную защиту свидетелей и иных нуждающихся в обережении участников уголовного процесса посредством применяемой в отношении их на протяжении всего производства по уголовному делу такой меры безопасности, как псевдоним, путем исключения ч. 6 из ст. 278 УПК РФ, которая в настоящее время предусматривает возможность раскрытия судом подлинных сведений о защищаемом лице на основании заявленного ходатайства об этом стороны;

2) закрепить в действующем уголовно-процессуальном законодательстве право на приглашение адвоката для оказания юридической помощи свидетелю не только в случае его участия в допросе, очной ставке и обыске, но также и в любых других процессуальных действиях, предусмотренных УПК РФ;

3) предусмотреть уголовную ответственность в отношении свидетеля за уклонение от исполнения им конкретной обязанности подвергнуться освидетельствованию по решению суда, закрепив ее в ст. 308 УК РФ.

Список источников

1. Будников В. Л. Иммунитет свидетеля в уголовном процессе: лекция. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 32 с.
2. Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1973. – 160 с.
3. Парубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Вышэйш. шк., 1973. – 368 с.
4. Даев В. Г. Иммуниеты в уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 1992. № 3. С. 45– 48.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
6. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен: монография. М.: Проспект, 2022. – 344 с.
7. Брусницин Л. В. Обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей // Законность. 1997. № 1. С. 36–39.
8. Пашаев Х. П. Защита прав и личности участников уголовного процесса: краткий анализ проблемы // Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: сб. статей XX междунар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVIII / под ред. С. И. Давыдова, Е. Н. Петухова, В. В. Полякова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 297–304.
9. Каштанова Н. С. Неисполнения процессуальных обязанностей участниками уголовного процесса как основание наложения денежного взыскания по законодательству РФ и РК // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2014. № 2(39). С. 240–246.

* См., напр.: Соколов Д. С. Основания и уголовно-процессуальные процедуры государственной защиты участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 30 с.

Информация об авторе

Е. Н. Петухов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Information about of the author

E. N. Petukhov – kandidat nauk, degree in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 12–16.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):12–16.

Научная статья
УДК 343.13

ИДЕЯ КОМПРОМИССА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ

Александр Геннадьевич Маркелов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Казань
MarkelovAleksandr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена авторской идее рассмотрения современной технологии прекращения уголовного дела или освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности как оригинального компромисса в контексте разрешения конфликтной ситуации между ее участниками путем уступок ради достижения общественно полезной цели. Автор полагает, что по своему характеру представленная технология содержит в себе диспозитивные начала, которые непосредственно создают специфические условия для компромиссных правоотношений, и в конечном итоге выступает альтернативным инструментом в разрешении отдельных категорий уголовных дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, компромисс, прекращение уголовного дела, сроки давности, освобождение от уголовной ответственности

Для цитирования: Маркелов А. Г. Идея компромисса при прекращении уголовного дела или освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 12–16.

Original article

THE IDEA OF COMPROMISE IN THE TERMINATION OF A CRIMINAL CASE OR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY DUE TO THE EXPIRATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS

Alexander G. Markelov

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan
MarkelovAleksandr@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the author's idea of considering the modern technology of termination of a criminal case or exemption from criminal liability in connection with the expiration of the statute of limitations as an original compromise in the context of resolving a conflict between its participants by concessions in order to achieve a socially useful goal. The author believes that by its nature the presented technology contains dispositive principles that directly create specific conditions for compromise legal relations, and eventually performs as an alternative tool in resolving certain categories of criminal cases.

Keywords: criminal process, compromise, termination of criminal case, statute of limitations, exemption from criminal liability

© Маркелов А. Г., 2023

For citation: Markelov A. G. The idea of compromise in the termination of a criminal case or exemption from criminal liability due to the expiration of the statute of limitations // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):12–16.

Одной из разновидностей освобождения лица (подозреваемого, обвиняемого или подсудимого) от уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ) законодатель называет технологию прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24; п. 2 ч. 1 ст. 27; ч. 1 ст. 212; ст. 239; п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ). Подобная законодательная конструкция, обязывающая правоприменителя отказаться от уголовного преследования, в том числе осуждения и наказания, явно свидетельствует о последовательной государственной политике гуманизации уголовной ответственности и о внедрении оригинальной идеи так называемой *технологии компромисса*. Сущность этой идеи заключается в том, что по некоторым уголовным делам, где имеется лицо, совершившее преступление, законодатель разрешает применять особую технологию компромисса по причине очевидного уменьшения общественной опасности по прошествии значительного промежутка времени с момента совершения преступления. При этом применение технологий компромисса возможно лишь тогда, когда истекли строго установленные сроки привлечения к уголовной ответственности, отсутствуют обстоятельства, нарушающие течение давности, а также получено согласие привлекаемого к уголовной ответственности лица на прекращение уголовного дела.

Следует отметить, что в юридической литературе *под давностью* понимают определенный промежуток времени со дня совершения преступления, по истечении которого привлечь виновного к уголовной ответственности уже не представляется возможным. Одни авторы считают целесообразным ее применение [1, с. 352], другие же, напротив, высказываются о неприемлемости ее использования [2, с. 455]. Так, Х. Д. Аликперов отмечает, что «целями и основаниями данного института нельзя рассматривать как своего рода милость к преступнику или же снисхождение к нему со стороны государства. Просто с истечением длительного времени после совершения преступления существенно затрудняется его расследование, утрачивают или теряют силу собранные доказательства по делу, забываются или искажаются в памяти сведения, известные свидетелям, потерпевшим и т. д. Вследствие этого объективное рассмотрение судом дел этой категории и установление по ним картины преступления часто становится или затруднительным, или даже невозможным» [3, с. 13]. В. С. Савельева также считает, что «угроза уголовной ответственности не может довлеть над человеком в течение всей его жизни. Привлечение к уголовной ответственности по истечении определенного срока превращается в неоправданную месть и поэтому теряется очевидный смысл и необходимость такого привлечения с точки зрения общей и специальной превенции, хотя объективно совершенное лицом деяние полностью не утратило своей общественной опасности» [4, с. 435–436].

Учитывая высокую нравственную концепцию в исследуемой технологии, выраженную в определенном милосердии к преступнику, в прощении за совершенное преступление под предлогом истечения сроков давности, мы приходим к выводу о «добром жесте» со стороны государства и в этом видим проявление так называемого оригинального компромисса. Причем он непреодолим для органов предварительного расследования и суда, так как, даже усматривая в действиях лица определенный состав преступления, в силу требований закона они вынуждены пойти на договорные уступки и отказаться от уголовного преследования по различным возникшим объективным причинам, например: со стороны лица утратилась общественная опасность, изменилась или остыла преступная ситуация в силу времени, поменялась роль лица после совершения преступления (позитивное поведение и заглаживание или возмещение ущерба) и др.

Следует обратить внимание и на цифры статистики применения рассматриваемого компромисса. По итогам 2021 г. в суды поступило 4687 подобных ходатайств, из которых

было реально удовлетворено 1138 просьб*. Кроме того, отметим, что наибольшее количество уголовных дел, которые прекращаются, или лица освобождаются от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, связаны с преступлениями в сфере экономики.

Все установленные законом сроки исковой давности (ст. 78 УК РФ) исчисляются со дня совершения лицом преступления и действуют до вступления в силу приговора суда. «При этом не имеет никакого значения, приходится ли окончание сроков давности на рабочий, выходной или праздничный день. Когда последний день срока давности совпадает с днем вступления приговора в законную силу, лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности, поскольку срок исковой давности еще не истек. Если лицо совершает новое преступление, то сроки давности по каждому составу исчисляются самостоятельно»**.

Справедливо законодатель подошел к отдельным ситуациям, когда лицо, совершившее преступление, умышленно скрывается или уклоняется от законного возмездия, например от обязанности уплатить судебный штраф в соответствии со ст. 76.2 УК РФ. При таких обстоятельствах течение срока давности не применяется, оно приостанавливается. Срок давности возобновляется с момента задержания лица или явки его с повинной (ч. 3 ст. 78 УК РФ).

Применение компромисса при указанной технологии законодатель по праву относит к числу *нереабилитирующих оснований*, что, безусловно, влияет на принятие итогового решения по делу. Согласно требованиям ч. 2 ст. 27 УПК РФ, применение компромисса при указанной технологии возможно лишь тогда, когда в этом заинтересован сам субъект преступления. Если по каким-то причинам компромисс не был достигнут, стороны не пришли к обоюдному решению, то при таких обстоятельствах уголовный процесс осуществляется в общем порядке [5]. Неразрешенным на этот счет остался вопрос проведения доследственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ и принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела по причине истечения сроков давности [6]. Очевидно, принятие подобного компромиссного решения на этом этапе является также нереабилитирующим основанием для лица, совершившего преступление.

Таким образом, идея компромисса при указанной технологии достаточно *проста и уникальна*. Очевидный замысел заключается в возможности договориться и разрешить возникшую между заинтересованными участниками проблемную ситуацию на обоюдных, удовлетворяющих стороны условиях. По своему характеру представленная технология содержит в себе диспозитивные начала, которые непосредственно создают специфические условия для компромиссных правоотношений, и выступает альтернативным инструментом в разрешении отдельных категорий уголовных дел. В основе компромисса лежит проблема согласования воли ее заинтересованных участников. С одной стороны, это государственное волеизъявление, которое включает в себя предложение о нереабилитирующем способе и возможности прекращения уголовного преследования или освобождения от уголовной ответственности лица, а с другой стороны, это волеизъявление лица (подозреваемый, обвиняемый или подсудимый), которое соглашается или не соглашается с данным государственным предложением. Достигнув определенного компромисса и принимая государственные условия возможного освобождения от ответственности, лицо тем самым соглашается с нереабилитирующим основанием прекращения в отношении его уголовного дела и претерпеванием соответствующих изменений (например, постановка на учет как лица, привлекавшегося к уголовной ответственности).

Кроме того, предложенная идея компромисса при указанной технологии является «лекарственным средством» профилактики борьбы с преступностью. Для преступника, в отношении которого дело прекращается, подобный компромисс по большому счету является

* Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 02.08.2022).

** О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

предупреждением на будущее и безусловным прощением со стороны государства. Вместе с тем при всей положительной роли компромисса при указанной технологии до сих пор остались без должного внимания законодателя отдельные нерешенные проблемы. На некоторых из них необходимо остановиться.

Достижение компромисса при указанной технологии предполагает вступление заинтересованных лиц в договорные уголовно-процессуальные правоотношения, участие в которых является обязательным. Отсутствие какого-либо обязательного участника на подобных переговорах при принятии такого важного решения, как прекращение уголовного дела или освобождение от уголовной ответственности, не позволяет достичь компромисса.

На обязательное участие лица при рассматриваемой компромиссной сделке прямо указывает закон в ст. 78 УК РФ: освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности предполагается лишь в отношении конкретного лица, совершившего преступление.

Полагаем необходимым внести соответствующие дополнения в ст. 24 УПК РФ, где отдельно прописать процессуальное условие принятия подобного решения лишь в отношении установленного лица, совершившего преступление.

По смыслу закона, а именно п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. 212 и ч. 2 ст. 254 УПК РФ, при прекращении уголовного дела или освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности не предусматривается обязательного возмещения ущерба потерпевшему лицом, совершившим преступление.

В отличие от иных нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела, когда заглаживание вреда (ущерба) является обязательным условием принятия соответствующего процессуального решения, виновное лицо не только не принуждается к возмещению вреда, но и потерпевшему (его представителю) ничего не гарантируется, в том числе не доводится информация о лице, совершившем преступление, тем самым не обеспечивается возможность обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства за защитой своих законных прав и интересов.

Статья 52 Конституции РФ гарантирует каждому потерпевшему доступ к правосудию и возмещение причиненного ущерба, что нашло свое отражение в ст. 6 УПК РФ, где определяя назначение уголовного судопроизводства, законодатель на первое место поставил защиту прав и законных интересов пострадавших от преступлений. При этом «Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что все предписания Конституции Российской Федерации о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина на основе равенства всех перед законом и судом, об обеспечении доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба предполагают обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами»*.

С целью защиты потерпевших, а также для реализации ст. 73 УПК РФ органы предварительного расследования должны устанавливать круг обязательных обстоятельств, а именно виновность лица, не допуская отказа в уголовном преследовании в отношении неустановленных участников преступления. Однако, как показывают результаты нашего исследования, а также выводы, сделанные в работах других авторов [7], больше половины процессуальных решений в этой части принимаются, к сожалению, в отношении неустановленных лиц. При таких обстоятельствах потерпевшие лишаются возможности государственной защиты от преступлений, в том числе возможности законно требовать компенсацию причиненного вреда (ущерба).

* Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 1621.

В связи с этим полагаем очевидным вывод о том, что современная редакция п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не в полной мере отвечает предназначению уголовно-процессуального законодательства в части защиты потерпевших и их права на компенсацию причиненного от преступлений вреда (ущерба). В этих целях считаем нужным дополнить ст. 24 УПК РФ указанием об обязательном возмещении или заглаживании вреда (ущерба) от преступления.

Таким образом, современная технология прекращения уголовного дела или освобождения от уголовной ответственности по причине истечения сроков давности представляет собой оригинальный компромисс между государством (органы расследования и суда) и лицом, совершившим преступление. Обозначенная в УПК РФ своеобразная компромиссная конструкция выступает определенной процессуальной гарантией обеспечения прав и свобод ее участников и делает современный уголовный процесс скорейшим и эффективным.

В целях реализации представленной идеи компромисса необходимо лишь решить отдельные вопросы, связанные с правовым регулированием функционирования указанной технологии, что в конечном итоге будет способствовать эффективному применению указанной технологии в следственно-судебной практике.

Список источников:

1. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996.
3. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственностью в связи с истечением сроков давности // Законность. 1999. № 8.
4. Савельева В. С. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / С. В. Афиногенов [и др.]; отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. 509 с.
5. Куряхов Д. В., Куряхова Т. В. Проблемные вопросы отказа от уголовного преследования по истечении сроков давности // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 53–56.
6. Соболев А. В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 114–117.
7. Деришев Ю. В., Наумов К. А. Отказ от уголовного преследования неустановленного лица в связи с истечением сроков давности // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 112–115.

Информация об авторе

А. Г. Маркелов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Information about of the author

A. G. Markelov – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics

Статья поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 17–23.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63): 17–23.

Научная статья
УДК 343.1

ИНСТИТУТ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Светлана Алексеевна Сущенко

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел
svetlana.sushchenko@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе сравнительно-правового анализа рассмотрены особенности правовой регламентации института свидетельского иммунитета в уголовном процессе России и зарубежных стран различных правовых семей. Сделан вывод о необходимости применения по аналогии положений п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ в отношении лиц, содействовавшим адвокату при оказании им юридической помощи гражданам.

Ключевые слова: свидетель, свидетельский иммунитет, свидетельские привилегии, уголовный процесс зарубежных стран, сравнительное правоведение

Для цитирования: Сущенко С. А. Институт свидетельского иммунитета в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовые аспекты // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 17–23.

Original article

INSTITUTE OF WITNESS IMMUNITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ASPECTS

Svetlana A. Sushchenko,

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Orel
svetlana.sushchenko@yandex.ru

Abstract. In the article, on the basis of comparative legal analysis, the features of the legal regulation of the institution of witness immunity in the criminal process of Russia and foreign countries of various legal families are considered. It is concluded that it is necessary to apply by analogy the provisions of paragraphs 2 and 3 of Part 3 of Article 56 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in relation to persons who assisted a lawyer in providing them with legal assistance to citizens.

Keywords: witness, witness immunity, witness privileges, criminal proceedings of foreign countries, comparative law

For citation: Sushchenko S. A. Institute of witness immunity in criminal proceedings in Russia and foreign countries: comparative legal aspects // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63): 17–23.

© Сущенко С. А., 2023

Институт свидетельского иммунитета известен еще со времен римского права и прошел долгий путь развития, в процессе которого на него оказывали влияние нравственные, религиозные и социально-экономические факторы. Нормы, его регулирующие, содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве подавляющего большинства зарубежных стран. Не стало исключением и отечественное уголовно-процессуальное законодательство, которое в п. 40 ст. 5 УПК РФ определяет свидетельский иммунитет в качестве права лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. Однако в целом регламентация свидетельского иммунитета в УПК РФ остается несовершенной, поскольку сущность свидетельского иммунитета гораздо шире положений, сформулированных в нормах уголовно-процессуального закона. В российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют нормативные положения о пределах действия свидетельского иммунитета и пределах усмотрения лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Также многие ученые указывают на проблемы, возникающие при реализации свидетельского иммунитета отдельными категориями свидетелей [1, с. 33]. В сложившейся ситуации представляется целесообразным проанализировать законодательные нормы, регулирующие институт свидетельского иммунитета, а также практику их применения в зарубежных странах для отыскания эффективных правовых решений и последующего их использования в целях совершенствования отечественных уголовно-процессуальных норм.

В уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран разных правовых семей институт свидетельского иммунитета получил различное закрепление. В большинстве государств свидетельский иммунитет состоит из трех составляющих: привилегии от самообвинения, привилегии от дачи показаний против своих близких родственников и супругов, а также отказ от дачи показаний по профессиональным причинам.

В странах англо-американской правовой семьи институт свидетельского иммунитета подразделяется на два самостоятельных института: свидетельский иммунитет (*witness immunity*) и свидетельские привилегии (*witness privilege*). Сущность свидетельского иммунитета основывается на разъяснении права обвиняемому или задержанному лицу о возможности хранить молчание и отказаться от дачи показаний*. Свидетельские привилегии являются составной частью и содержанием свидетельского иммунитета.

В уголовном процессе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии свидетельскими привилегиями располагают супруг (супруга) либо партнер по однополному браку обвиняемого (обвиняемой). Лица, проживающие совместно, но официально не заключившие брак, такими привилегиями не обладают. Однако супруги или партнеры по однополному браку могут быть принуждены к даче показаний в пользу обвинения в случае совершения их супругом преступлений, связанных с применением насилия в семье или с жестоким обращением с детьми. Если у обвиняемого в силу религиозных или культурных причин более чем одна жена, то свидетельским иммунитетом обладает только первая жена. Остальные жены могут быть принуждены к даче показаний [2, с. 429]. Практически единственным примером свидетельской привилегии, не знающей никаких исключений, является привилегия адвоката, который не может быть допрошен в качестве свидетеля по делу своего подзащитного. Необходимо отметить, что данная привилегия также распространяется на параюристов (помощников юристов) и солиситоров-стажеров.

Свидетельские привилегии в уголовном процессе Республики Ирландии подразделяются на два вида: привилегия общественного интереса (*Public interest privilege*) и частная

* Правило Миранды (*Miranda warning*) – юридическое требование в США, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правоохранительных органов обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное.

привилегия (Private privilege)*. Привилегией общественного интереса обладает государство, которое в ограниченных случаях может отказаться раскрыть информацию или документы в целях защиты общественных интересов или национальной безопасности. Частная привилегия представляет собой право не свидетельствовать против самого себя. Священнослужитель имеет право не давать показания о сведениях, ставших известными ему во время исповеди. Также в соответствии с ирландским законодательством существует два вида юридической профессиональной привилегии: привилегия юридической консультации, которая защищает от разглашения сведения, ставшие известными адвокату при предоставлении клиенту юридической консультации или помощи, и судебная привилегия, которая защищает от разглашения сведения, которые стали известны адвокату от его подзащитного в рамках судебного разбирательства.

В уголовно-процессуальном праве США институт свидетельских привилегий (witness privilege) регламентирован весьма тщательно. Правило 601 Федеральных правил доказывания в отношении лиц, которые могут быть привлечены к даче показаний по уголовным делам, гласит: «Любое лицо может быть свидетелем, если иное не предусмотрено настоящими Правилами»**. Однако существует несколько исключений из данного правила. В качестве свидетеля не может выступать судья, участвовавший в разбирательстве по данному делу, а также присяжный по поводу обстоятельств, связанных с делом, в рассмотрении которого он участвует. Также свидетель не может давать показания по поводу какого-либо события или факта, если данный факт он не воспринимал лично и если он не принес присягу или торжественно не заверил суд о том, что будет говорить только правду. В 1996 г. Верховный Суд США в деле Джаффи против Редмонда (*Jaffee v. Redmond*, 518 U.S.) закрепил в нормах Федеральных правил доказывания привилегию в отношении психотерапевта о сведениях, сообщенных ему пациентом при проведении терапии.

Приведенный перечень изъятий не является исчерпывающим, поскольку из-за особого федеративного устройства страны в США отсутствует единое уголовно-процессуальное законодательство. Многие другие изъятия содержатся в нормах иных федеральных законов и законодательных актах штатов. В целом в законодательстве штатов наблюдается схожий подход к определению круга лиц, обладающих свидетельской привилегией. Однако законодательство некоторых из них имеет свои особенности. Например, в Северной Каролине правом на отказ от дачи показаний по профессиональным причинам обладает достаточно широкий круг лиц: психолог, школьный консультант, терапевт, окулист, консультант по вопросам брака, социальный работник, консультант по поддержке подростков, работники кризисного центра по борьбе с изнасилованиями.

Совершенно иной подход к содержанию института свидетельского иммунитета сложился в уголовном процессе Китайской Народной Республики. На уголовно-процессуальные нормы Китая огромное влияние оказали традиции, в частности, нормы конфуцианства и легизма. Принцип не свидетельствовать против своих родственников был одним из традиционных положений уголовного процесса Древнего Китая и содержался во всех законах вплоть до 1911 г. Например, младший член семьи не вправе свидетельствовать против старшего, поскольку это считается грубым нарушением принципа почитания старшего в конфуцианской морали. Однако в 1949 г. данный принцип был отменен, поставив государственные интересы выше семейных. Как отмечает В. К. Захарова, по УПК КНР «у подозреваемых и иных участников уголовного процесса отсутствует право не свидетельствовать против себя и близких родственников. Иначе говоря, закон обязывает всех без исключения

* Уголовно-процессуальный Кодекс Ирландии. Criminal Procedure Act 2010 // Ирландский электронный свод законов. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/>

** The Federal Rules of Evidence // Официальный сайт Федеральных правил доказывания. URL: <https://www.rulesofevidence.org/>

родственников рассказывать о совершенном преступлении»*. Статья 62 УПК КНР гласит, что все лица, располагающие информацией по делу, обязаны давать показания. В статье 48 УПК КНР содержится положение о том, что адвокат вправе сохранять в тайне информацию о своих клиентах, которая стала известна ему при осуществлении его профессиональной деятельности. Однако если его подзащитный совершил или намеревается совершить преступления против общественной или государственной безопасности, а также преступления, серьезно угрожающие личной безопасности других лиц, то адвокат обязан своевременно сообщить данную информацию судебным органам.

Процессуальное законодательство стран исламской правовой системы (Королевство Саудовской Аравии, Сирийская Арабская Республика, Объединенные Арабские Эмираты и т. д.) не содержит положений, касающихся свидетельского иммунитета или свидетельских привилегий**. Законодательство данных государств лишь закрепляет случаи, когда возможность допроса свидетеля может быть ограничена законом, однако данные нормы не подпадают под понятие свидетельского иммунитета в том смысле, в котором его трактует уголовно-процессуальное законодательство России и зарубежных стран англо-американской и континентальной правовых семей.

В уголовном судопроизводстве Израиля, являющегося представителем смешанной правовой семьи, свидетель имеет право воздержаться от дачи показаний по вопросам, которые подпадают под действие следующих видов привилегий: привилегия адвоката и клиента, иммунитет от дачи показаний против супруга, родителей или ребенка, а также привилегия против самообвинения. Суд имеет право отклонить ходатайство свидетеля воздержаться от дачи показаний из-за привилегии против самообвинения. Однако в таком случае свидетелю предоставляется иммунитет от использования данных показаний против него***. В соответствии с Постановлением о доказательствах 1971 г. все сведения или документы, которыми обмениваются адвокат и его подзащитный, относящиеся к профессиональным услугам, предоставляемым адвокатом своему клиенту, являются привилегированными.

Для стран континентальной правовой семьи характерно четкое законодательное определение категорий лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Так, статья 335 УПК Франции закрепляет следующие категории лиц, обладающих свидетельским иммунитетом: 1) отец или мать обвиняемого; 2) сын, дочь или любой другой потомок; 3) братья и сестры; 4) союзники одной степени (лица, состоящие в однополном браке); 5) муж или жена, либо партнер, связанный с обвиняемым гражданско-правовым договором о солидарности (PACS)****, сожитель. Данный запрет действует даже после развода, расторжения договора о гражданской солидарности или прекращения совместного проживания [3, с. 145].

Уголовно-процессуальное законодательство Австрии разрешает не свидетельствовать против себя и своих близких и включает в понятие «близких» не только супругов, состоящих в зарегистрированном браке, но и сожителей*****. Также Уголовно-процессуальный кодекс Австрии закрепляет так называемую юридическую профессиональную

* Захарова В. К. Досудебное производство в уголовном процессе Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 76.

** Гусенова П. А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 112.

*** Сущенко С. А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 274.

**** Pacte civil de solidarite – контракт между двумя совершеннолетними, не состоящими в родстве и браке и проживающими совместно людьми, является альтернативой брачному союзу, возможен как для однополых, так и для разнополых пар.

***** Opinion on the status of illegally obtained evidence in criminal procedures in the Member States of the European Union. 30 novembre 2003. URL: <https://sites.uclouvain.be/cridho/documents/>

привилегию (*Legal professional privilege*) – право адвоката отказаться от дачи показаний по вопросам, которые стали ему известны при осуществлении защиты обвиняемого. Данное правило никаким образом нельзя обойти, в частности, путем опроса помощников адвоката или изъятия документов, хранящихся в его офисе. Юридическая профессиональная привилегия действует и после прекращения правоотношений между адвокатом и его подзащитным. Данное правило также распространяется на помощников адвоката.

Наиболее детально и тщательно институт свидетельских привилегий урегулирован в уголовно-процессуальном законодательстве Федеративной Республики Германии. Ряд норм Уголовно-процессуального кодекса ФРГ запрещает использовать в качестве доказательств показания двух категорий свидетелей, которые по закону имеют право на отказ от дачи показаний: близкие родственники обвиняемого (§ 52 УПК ФРГ) и лица определенных профессий (§ 53 УПК ФРГ).

В соответствии с § 52 УПК ФРГ правом отказа от дачи свидетельских показаний обладают: супруги (в том числе лица, заключившие однополый брак), даже если брак был расторгнут, помолвленные (а также лицо, которому обвиняемый дал обещание о заключении однополого брака); лица, состоящие или состоявшие с обвиняемым в родстве или свойстве по прямой линии, по боковой линии до третьей степени родства или второй степени свойства. Усыновители и усыновленные имеют право на отказ от дачи показаний, однако данное право не распространяется на приемных родителей и детей [4, с. 157]. Не является основанием для отказа от дачи показаний факт совместного проживания (сожительства), так как это не предусмотрено нормами УПК ФРГ.

Необходимо отметить, что круг родственников, указанных в ч. 4 ст. 56 УПК РФ, значительно уже. По нашему мнению, при решении вопроса о расширении законодательного перечня лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, следует придерживаться взвешенной позиции для того, чтобы не были ограничены возможности сотрудников органов предварительного расследования осуществлять производство по уголовному делу, и, как следствие, привлекать к уголовной ответственности виновных лиц.

УПК ФРГ содержит широкий перечень лиц, которые обладают правом на отказ от дачи показаний по профессиональным причинам, то есть в ситуации, когда возникает конфликт между обязанностью дачи свидетельских показаний и обязанностью сохранения профессиональной тайны. Согласно § 53 УПК ФРГ, им обладают: защитники обвиняемого о том, что им доверено или стало известно в этом качестве; адвокаты, патентные поверенные, нотариусы, аудиторы, присяжные бухгалтеры-ревизоры, налоговые консультанты и уполномоченные по налогам; журналисты и сотрудники средств массовой информации, которые являются авторами или редакторами материалов, в которых содержащаяся в них информация направлена на формирование общественного мнения. Однако вышеуказанные лица не вправе отказаться от дачи показаний о содержании подготовленных ими материалов, если их показания способствуют раскрытию преступлений против половой неприкосновенности, против мира и угрозы внешней безопасности, в сфере отмывания денег и сокрытия неправомерно приобретенных имущественных ценностей, а также установления местонахождения разыскиваемого лица. Также правом на отказ от дачи показаний обладают помощники и вспомогательный персонал лиц, указанных в § 53а УПК ФРГ, которые оказывали им содействие или принимали непосредственное участие в их профессиональной деятельности. Обязательным условием является наличие непосредственной связи между деятельностью вспомогательного персонала и лица, имеющего право на отказ от дачи показаний по профессиональным причинам.

Немецкий законодатель наделил правом отказа от дачи показаний о фактах, ставших известными в ходе осуществления профессиональной деятельности, широкий круг медицинских работников, к которым относятся: врач, врач-стоматолог, психолог-психотерапевт,

в том числе детский и подростковый, аптекарь, акушер; сотрудник консультаций, связанных с беременностью; консультант по вопросам наркозависимости.

Правом на отказ от дачи показаний обладает и священнослужитель, не только о том, что было ему доверено или стало известно в ходе исповеди, но и в ходе беседы в религиозном контексте, однако не в связи с благотворительной, воспитательной и административной деятельностью. Целью данной свидетельской привилегии является сохранение уважения к религиозным процедурам.

Применительно к § 53 УПК ФРГ обязанность разъяснения права на отказ от дачи показаний не предусмотрена. Свидетель сам принимает решение о даче показаний. В данной ситуации следует разделять запрет допроса и запрет использования показаний. Если свидетель дает показания с нарушением своей обязанности к сохранению профессиональной тайны, то они признаются допустимыми. Следует отметить, что неразъяснение права на отказ от дачи показаний по профессиональным мотивам фактически презюмирует знание его тем или иным лицом, однако не каждый человек имеет юридическое образование и знает свои процессуальные права.

Параграф 54 УПК ФРГ содержит положение, согласно которому при допросе в качестве свидетелей судей, федеральных чиновников, депутатов и государственных служащих и других сотрудников государственной службы об обстоятельствах, на которые распространяется их обязанность хранить служебную тайну и разрешения на дачу показаний, действуют специальные положения Закона о федеральных чиновниках (*Bundesbeamtenengesetz – BBG, 2009*), в соответствии с которыми чиновники, в отличие от других государственных служащих, имеют пожизненный статус, а их деятельность регулируется законом, а не договором*. Данное правило действует в случае, если вышеперечисленные лица уже не состоят на государственной службе или срок их полномочий истек.

Согласно ч. 3 ст. 56 УПК РФ, круг лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля по профессиональным причинам, значительно уже, нежели чем в большинстве стран как англо-американской (Великобритания, США), так и континентальной правовых семей (Австрия, ФРГ). В УПК РФ отсутствует указание на запрет допроса в качестве свидетелей лиц, содействовавших адвокату при оказании им юридической помощи гражданину (помощников адвокатов, переводчиков, присутствовавших при свидании адвокатов с их подзащитными). Дача показаний вышеуказанными лицами под угрозой уголовной ответственности об обстоятельствах, связанных с оказанием гражданам юридической помощи, сводит на нет саму идею адвокатской тайны. Полагаем, что в отношении лиц, содействовавших адвокату при оказании им юридической помощи гражданам, по аналогии должны применяться положения п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Таким образом, проблема свидетельского иммунитета по-прежнему остается в центре острой научно-практической дискуссии, и существует объективная необходимость совершенствования его правовой регламентации.

Список источников:

1. Волосова Н. Ю. Свидетельский иммунитет адвоката и проблемы его защиты в свете позиций Конституционного Суда РФ // Вопросы российского и международного права. 2016. № 4. С. 33–36.
2. Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании. М.: Спутник+, 2015. 702 с.
3. Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. М.: Спутник+, 2016. 512 с.
4. Головненков П. В., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия «Strafprozessordnung (stop)»: науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. Постсдам, 2012. 408 с.

* В ФРГ к чиновникам относятся: чиновники государственного аппарата, судьи, преподаватели, военнослужащие, работники почтовой и железнодорожной служб, государственных банков (§ 37 Федерального закона о регулировании статуса чиновниц и чиновников в федеральных землях – *Gesetz zur Regelung des Statusrechts der Beamtinnen und Beamten in den Ländern- BeamtStG* от 17.06.2008).

Информация об авторе

С. А. Сущенко – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД

Information about of the author

S. A. Sushchenko – kandidat nauk, degree in Law, Lecturer at the Department of Operative and Investigative Activities of the Department of Internal Affairs

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 26.04.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 26.04.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 24–31.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):24–31.

Научная статья
УДК 343.01

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ОТРАСЛЕВОГО ПОДХОДОВ

Ольга Анатольевна Авдеева¹, Вадим Авдеевич Авдеев²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск
Avdeeva_O_A@mail.ru

² Высшая школа права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск
vadim.avdeevich@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ правовой категории «правосубъектность». Исследованию подлежали теоретико-методологические основы определения понятия и содержания правосубъектности. Исходя из теоретической конструкции правосубъектности, рассмотрена специфика реализации правоспособности и дееспособности, включая сделкоспособность и деликтоспособность лица. Исследованы критерии признания физического лица дееспособным. Рассмотрены теоретико-методологические основы понимания возраста человека и раскрыт механизм теоретического обоснования вменяемости физического лица. С учетом общетеоретической конструкции правосубъектности показаны особенности правовой регламентации данного института на отраслевом уровне.

Ключевые слова: право, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, вменяемость физического лица, правонарушение, проступок, преступление

Для цитирования: Авдеева О. А., Авдеев В. А. Правосубъектность: соотношение теоретико-методологического и отраслевого подходов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 24–31.

Финансирование: грант Российского научного фонда. Рег. № 22–28–20133.

LEGAL PERSONALITY: CORRELATION OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL AND SECTORAL APPROACHES

Olga A. Avdeeva¹, Vadim A. Avdeev²

¹ East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

Avdeeva_O_A@mail.ru

² Ugra State University, Khanty-Mansiysk

vadim.avdeevich@mail.ru

Abstract. The article analyzes the legal category "legal personality". The theoretical and methodological foundations of the definition of the concept and content of legal personality were subject to research. Based on the theoretical construction of legal personality, the specifics of the implementation of legal capacity and legal capacity, including the transactional capacity and delictworthiness of a person, are considered. The criteria for recognizing an individual as legally capable are investigated. The theoretical and methodological foundations of understanding the age of a person are considered and the mechanism of theoretical substantiation of the sanity of an individual is revealed. Taking into account the general theoretical construction of legal personality, the features of the legal regulation of this institution at the sectoral level are shown.

Keywords: law, legal personality, legal capacity, legal capacity, sanity of an individual, offense, misdemeanor, crime.

For citation: Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Legal personality: correlation of theoretical and methodological and sectoral approaches // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):24–31.

Funding: grant of the Russian Science Foundation. Reg.no. 22–28–20133.

Обеспечение в современных условиях личной, общественной и государственной безопасности следует признать одним из стратегических направлений в правовой политике государства. Определение целей, приоритетов, интересов в национальной правовой политике сопряжено с разработкой конструктивных мер по их реализации, среди которых одним их ключевых направлений является повышение эффективности правового воздействия. В сложившихся в настоящее время политико-правовых реалиях особое значение приобретает повышение качества технико-юридической конструкции, определяющей меру свободы индивида с учетом новых вызовов и угроз. Обращаясь к проблеме правового регулирования, главным направлением следует признать целесообразность дальнейшего углубления знаний в области реализации участником общественных отношений прав и несения обязанностей, в том числе связанных с избранием правонарушающего поведения. Вследствие актуализации проблемы определения критериев правосубъектности необходимым представляется рассмотрение соотношения теоретико-методологических и отраслевых подходов к определению понятия субъекта права, исходя из возможности как обладания, так и несения им субъективных прав и юридических обязанностей.

В юридической науке достаточно активно исследуются проблемы субъекта права, субъекта правоотношения, субъекта правонарушения и др.* Согласно доктрине, правосубъектность образует совокупность таких основных элементов, как правоспособность и дееспособность. Правоспособность состоит в потенциальной вероятности лица иметь субъективные права и юридические обязанности [1]. Дееспособность, в свою очередь, предполагает наделение государством субъекта права способностью осуществлять субъективные права, исполнять юридические обязанности и нести юридическую ответственность. Вместе с тем особого внимания заслуживает рассмотрение вопросов, касающихся

* Шигабутдинова А. А. Правосубъектность и реализация права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. – 24 с.

соблюдения на законодательном и правоприменительном уровнях принципов законности и справедливости, в том числе и в отношении субъектов права, нарушивших установленный законом правовой запрет и обладающих способностью нести юридическую ответственность.

Исследователи, определяя дефиницию субъекта права, обращают внимание на понятие физического лица, предлагая понимать под ним человека как живое существо, обладающее даром речи и мышления, способное создавать орудия и использовать их в процессе общественного труда. При этом в соответствии с нормами Международного пакта о гражданских и политических правах, на признание правосубъектности имеет право каждый человек (ст. 16). Дееспособность физического лица предполагает фактическую его способность своими осознанными и волевыми действиями осуществлять предоставленные субъективные права, исполнять предусмотренные законом юридические обязанности и нести юридическую ответственность за совершение правонарушения. Дееспособность физического лица предусматривает достижение им определенного возраста и наличие у него вменяемости [2, с. 20]. Дееспособность физического лица подлежит прекращению в том случае, когда суд вынес решение о признании гражданина недееспособным. Это означает, что данное лицо в силу имеющегося у него психического расстройства не может понимать значения реализуемых действий, а следовательно, ими руководить.

Правосубъектностью наделены и юридические лица [3]. Согласно ст. 48 ГК РФ, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество (позволяющее нести ответственность по своим обязательствам); имеет право приобретать и осуществлять гражданские права; выступает в суде истцом; несет гражданские обязанности; выступает в суде ответчиком. В результате к числу юридических лиц отнесены органы, учреждения и предприятия различных форм собственности.

Что касается отраслевого подхода к регулированию правосубъектности, то юридическое лицо не может выступать субъектом преступления. Н. С. Лейкина под субъектом преступления предлагает понимать физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста. А. В. Иногамова-Хегай указывает, что субъектом преступления следует считать вменяемое физическое лицо, совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, достигшее установленного возраста, а также обладающее в случаях, указанных законом, определенными специальными признаками. Следовательно, если в рамках административного и гражданского законодательства предусматривается ответственность юридических лиц, то уголовной ответственности подлежат исключительно физические лица. Данный подход законодателя предопределяется содержанием административно-правовых и гражданско-правовых отношений, особенностями целей административной и гражданской ответственности.

Принимая во внимание, что физическое лицо – это человек с присущими ему социальными, психологическими, физиологическими и биологическими качествами, исследователи подвергают анализу присущие ему обязательные свойства и признаки. Характеризуя дееспособность физического лица, следует выделить деликтоспособность, означающую его способность нести юридическую ответственность за вред, причиненный в результате совершения им противоправных действий. В результате при разработке доктринальных основ правосубъектности, в том числе деликтоспособности, закономерно исследуются вопросы по определению возраста правосубъектного физического лица как одного из обязательных признаков.

Под возрастом человека предлагается понимать конкретно-определенный этап в его жизни, по достижении которого формированию подлежат качественные характеристики его духовной, эмоциональной и интеллектуальной зрелости, которые способствуют развитию правового сознания, когда человек становится способным знать и толковать закон; оценивать свои поступки с учетом их как личной, так и общесоциальной полезности или общественной

опасности; руководить своими действиями*. В механизме правового регулирования возраст становится одним из определяющих критериев при установлении возможности лица нести за совершенное деяние юридическую ответственность.

Закономерно возникает вопрос относительно определения возраста человека, по достижении которого лицо, нарушившее правовой запрет, возможно и целесообразно, с учетом установленных принципов правового регулирования, привлечь к юридической ответственности. Чтобы дать ответ на поставленный вопрос необходимо аккумулировать полученные знания в области развития различных социальных наук, в том числе медицины, психологии, социологии и педагогики.

Учитывая, что правонарушение представляет собой поведение человека, направленное на деструкцию сложившихся и регулируемых законом общественных отношений, оно наделено таким наиболее важным свойством, как общественная опасность. Следовательно, при определении нижней возрастной границы лица, привлекаемого к юридической ответственности, прежде всего необходимо обратить внимание на уровень, который достигает человек в определенный возрастной период с учетом совокупности приобретенных интеллектуальных свойств, эмоциональных качеств, духовного состояния, позволяющих ему на интеллектуально-волевом уровне руководить своими действиями.

Следующим этапом следует считать определение степени влияния приобретенных вышеуказанных личностных характеристик на формирование общественного сознания, т. е. способности как знания, так и понимания человеком: 1) социальной полезности правовых запретов и предписаний (правового сознания); 2) общественной опасности, которая состоит в причинении вреда и ущерба в результате совершения правонарушений.

Третий этап при определении нижней возрастной границы состоит в установлении критериев, подтверждающих возможность лица нести социальную, в том числе юридическую ответственность. При сложении данных характеристик можно установить условные возрастные границы правосубъектности лица, в том числе дееспособности, сделкоспособности и деликтоспособности. Из этого следует, что в основу определения возраста лица, привлекаемого к юридической ответственности, положены уровень сознания человека, способность понимать характер, общественную опасность, значение совершаемых действий и возможность ими руководить.

Возрастной критерий правовой оценки деликтоспособности предполагает объективную оценку понимания, по достижении какого возраста у человека наступает уровень развития, способствующий осознанию и усвоению правил человеческого общежития, понимания самого факта возможности применения к нему как правонарушителю различных видов юридической ответственности.

Например, Конституция РФ, в ст. 60 гарантируя способность лица быть участником правового отношения, предусматривает юридическую ответственность за совершенные поступки. Возраст полной дееспособности в РФ соответствует наступлению совершеннолетия, т. е. достижению восемнадцати лет. Вместе с тем с учетом доктрины и в процессе развития законотворческой деятельности отраслевой подход к дееспособности носит условный характер, что предопределило установление различных возрастных границ ее наступления. Так, на основании ст. 12 УК РФ действие уголовного закона распространяется на граждан РФ, лиц без гражданства и иностранных граждан. Законодатель в ст. 20 УК РФ устанавливает возраст уголовной ответственности, который по общему правилу составляет достижение лицом к моменту совершения преступления шестнадцати лет. За отдельные виды преступлений, в частности, предусмотренных ст. 105, 111, 112, 126, 158 УК РФ, ответственность наступает по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста. Таким образом, достижение лицом

* Боровых Л. В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993.

четырнадцатилетнего возраста определяет границу между малолетним, не подлежащим уголовной ответственности, и субъектом преступления. При этом Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) указывает, что лицо следует считать достигшим возраста уголовной ответственности не в день рождения, а по его истечении, т. е. с нуля часов следующих суток*.

С учетом специфики отдельных преступлений предусмотрено достижение иных возрастных границ. Особенная часть УК РФ при установлении условий наказуемости деяния делает акцент на специальном субъекте, которым выступают лица: использующие служебное положение (ст. 136–139, 141, 144, 146, 148); выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации (ст. 201); занимающие государственную должность (ст. 237, 285–287). За отдельные виды преступлений ответственными признаются: родители и педагоги несовершеннолетних, частные аудиторы и нотариусы, служащие детективных и частных охранных служб, капитаны судов, судьи, эксперты, специалисты, потерпевшие, свидетели (ст. 150, 151, 202, 203, 270, 305, 307). Совершение указанных преступлений характерно для лиц, имеющих определенную профессию, специализацию, занимающихся служебной деятельностью и т. д.

Более того, ученые и законодатель, анализируя влияние на определение нижней границы возраста лица, подлежащего привлечению к юридической ответственности, такого критерия, как общественная опасность, исходят из отраслевого критерия разграничения причиняемого ущерба и вреда. Например, разграничивая экологические правонарушения в административном, гражданском и ином отраслевом законодательстве и экологические преступления, законодатель определяет степень их общественной опасности и размер причиняемого вреда. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 15.12.2022) указано, что критериями разграничения незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и нарушений правил охоты (ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ) следует считать причинение крупного ущерба, применение воздушного судна или механического транспортного средства, газов либо взрывчатых веществ способов массового уничтожения зверей и птиц (п. 14)**.

За экологические преступления, регламентированные в гл. 26 УК РФ, установлена ответственность преимущественно должностных лиц.

Вторым обязательным признаком правосубъектного деликтоспособного физического лица является наличие вменяемости, означающей, что с учетом достигнутого возраста лицо обладает определенным уровнем состояния психического здоровья, социально-психологического развития, социализации. Совокупность данных признаков позволяет лицу отдавать отчет в действиях (бездействии), руководить ими в момент совершения правонарушения и нести юридическую ответственность.

Рассматривая признак вменяемости, Р. И. Михеев указывал, что вменяемость есть способность лица как осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), так и руководить ими [4, с. 49]. Следовательно, вменяемость – это психическое состояние, указывающее на способность лица с учетом состояния психического здоровья, уровня социально-психологического развития и социализации отдавать отчет в своих действиях (бездействии), руководить ими в момент совершения деяния и нести за него юридическую ответственность.

В результате критериями правовой оценки вменяемости с учетом возраста человека следует считать состояние психического здоровья человека и уровень его социально-психологического развития.

* О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4. С. 2–5.

** О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12. С. 2–3.

Изучение критерия, связанного с состоянием психического здоровья, позволяет оценить его состояние с точки зрения следующих факторов: 1) обладает ли он абсолютным психическим здоровьем; 2) страдает ли он определенными психическими заболеваниями; 3) имеет ли он недостатки в умственном развитии. В связи с этим для признания лица вменяемым требуется проведение дополнительных проверочных действий со стороны специалистов. В частности, назначение судебно-психиатрической экспертизы является обязательным в тех случаях, когда имеют место данные, дающие основание сомневаться в психической полноценности обвиняемого. В случае сомнения в правильности заключения эксперта, назначается поручаемая другому эксперту повторная экспертиза.

Исследуя уровень социально-психологического развития человека, необходимо рассматривать состояние его интеллектуального развития, способствующего формированию волевых качеств, а также способности мотивировать свои действия и ответственность за их совершение. В силу этого нижний возрастной предел привлечения к юридической ответственности устанавливается с учетом уровня волевой регуляции поведения лица во время совершения правонарушения.

Уровень социализации предполагает правовую оценку степени социальной зрелости человека, т. е. понимание им своего места в системе общественных отношений как носителя социальной роли в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в экономике, политике, праве, а также понимание ответственности за невыполнение каких-либо обязанностей.

При исследовании проблемы ограниченной вменяемости субъекта следует обратить внимание на наличие у лица определенной аномалии психики, в результате чего оно, в силу психического расстройства, не в полной мере могло осознавать при совершении преступления фактический характер своих действий (бездействия) и их общественную опасность либо ими руководить. В процессе исследования ограниченной вменяемости как промежуточного состояния между вменяемостью и невменяемостью лица ученые вывели «уменьшенную вменяемость» [5, с. 147–150]. При установлении ограниченной вменяемости лица необходимо выявить факт наличия у него психического состояния, свидетельствующего об его «уменьшенной способности» отдавать отчет в своих действиях (бездействии) и руководить ими, а значит, и нести за их совершение ответственность ввиду возраста, состояния психического здоровья, уровня социально-психологического развития и социализации. В данном случае суду следует учитывать наличие у лица психического расстройства, которое не исключает вменяемости, что является основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Рассматривая вопрос о вменяемости физического лица, необходимо подчеркнуть специфику признаков, ее исключаящих. По мнению специалистов, невменяемость предполагает наличие у лица состояния, в силу которого оно неспособно к осознанно-регулируемому поведению вследствие болезненного нарушения психики. Д. Р. Лунц отмечал, что невменяемость предполагает наличие у лица нарушений в его психической деятельности вследствие вызванных болезнью условий [6, с. 18].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие невменяемости в механизме правового регулирования правосубъектности предусматривает соотношение медицинского и юридического критериев. Невменяемость означает, что лицо в силу хронического или временного психического расстройства, слабоумия или другого болезненного состояния психики не может осознать общественной опасности и фактического характера действий (бездействия) или ими руководить. Содержание медицинского критерия невменяемости составляет установление болезненного характера наличествующих у лица психических расстройств. Медицинский, так называемый биологический критерий невменяемости предполагает наличие у лица психических хронических (постоянных, длительных, непрерывных, трудноизлечимых заболеваний, в том числе шизофрении, прогрессивного паралича и т. д.) или временных

(острых в виде приступов психических заболеваний, завершающихся полным выздоровлением, в частности острый, реактивный, маниакально-депрессивный, алкогольный, инфекционный психозы) расстройств, имеющих болезненную природу.

Юридический критерий невменяемости основан на сочетании интеллектуальных и волевых свойств. Юридический критерий невменяемости предусматривает правовую оценку наличия болезни, нарушающей психическую деятельность лица, и, как следствие, исключающей адекватную психическую регуляцию поведения. Юридический (психологический) критерий невменяемости предусматривает соотношение интеллектуального и волевого признаков. Интеллектуальный признак позволяет дать правовую оценку способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия). Волевой признак предполагает невозможность лица руководить осуществляемым действием (бездействием). Юридический критерий невменяемости состоит в отсутствии у лица возможности: 1) осознать фактический характер совершаемых им действий; 2) понять общественную опасность совершаемых действий; 3) руководить своими действиями. Исследованию в юридической науке подлежит проблема определения юридических критериев старческого слабоумия, характеризующегося приобретенной деформацией мыслительной деятельности.

Из вышесказанного следует, что возрастной критерий и вменяемость физического лица как два обязательных признака положены в основу привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 21 УК РФ). Непризнание лица субъектом преступления влечет исключение факта наличия состава преступления как основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Обязательные признаки указывают на общие условия уголовной ответственности. Вследствие этого субъект преступления должен обладать такими обязательными признаками, как: 1) наличие статуса физического лица; 2) достижение данным лицом возраста уголовной ответственности, предусмотренного в УК; 3) вменяемость.

Таким образом, субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения общественно опасного деяния предусмотренного уголовным законом возраста и способное нести уголовную ответственность. Анализируя данное определение, можно заключить, что каждый субъект преступления характеризуется обязательными признаками, а отдельные его виды – и факультативными (дополнительными) признаками. Невменяемому лицу не может быть назначено уголовное наказание, но могут быть назначены принудительные меры медицинского характера при установлении вероятности причинения данным лицом другого существенного вреда или опасности для себя либо иных лиц (ст. 97 УК РФ).

Если лицо достигло предусмотренного уголовным законом возраста, но имеет отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством во время совершения преступления, в результате которого оно не могло осознавать фактический характер своих действий (бездействия) либо ими руководить, то привлечение его к уголовной ответственности не допускается (ч. 3 ст. 20 УК РФ). Установление факта отставания в психическом развитии несовершеннолетнего предусматривает назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Законодатель разграничивает в уголовном законе два вида невменяемости. Возрастная невменяемость предполагает недостижение лицом возраста, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 20 УК РФ, что является основанием невозможности привлечения его к уголовной ответственности вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, исключающего возможность осознания фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) либо руководить ими. Обычная невменяемость влечет невозможность привлечения лица к уголовной ответственности ввиду наличия болезненного психического расстройства. При возрастной невменяемости лицо не подлежит ответственности вследствие существенного отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством.

Несмотря на сложившиеся постулаты в области регулирования критериев дееспособности физического лица, в настоящее время в юридической науке активно исследуется вопрос относительно оптимизации возраста, по достижении которого человек способен нести юридическую ответственность. В частности, ученые заявляют о целесообразности снижения минимальной возрастной границы за совершение тяжких насильственных преступлений до 12–13 лет. В обоснование данной позиции положены выводы о том, что по достижении данного возраста подростки приобретают в полном объеме навыки, позволяющие осуществлять управление своим поведением избирательно. Существует также точка зрения относительно снижения возраста уголовной ответственности до 12–13 лет за совершение особо тяжких преступлений*.

Определяя дееспособность физического лица, законодатель должен учитывать совокупность как правовых, так и физических, нравственно-психологических характеристик человека. С учетом общественной опасности уголовно наказуемого деяния законодатель определяет меры уголовно-правового воздействия, отличающиеся от иных отраслевых мер степенью тяжести налагаемых лишений и ограничений физического, психоэмоционального, интеллектуально-волевого и иного характера. В связи с этим уголовный закон предусматривает дифференциацию юридической ответственности, принимая во внимание при определении вида и срока наказания личность преступника, в том числе его пол, возраст, состояние здоровья, допреступное и постепреступное поведение и т. д. Уголовный закон, устанавливая общие начала назначения наказания, предусматривает совокупность смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, условное осуждение, специфику видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним и лицам в возрасте от 18 до 20 лет (ст. 96 УК РФ).

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что законодатель при определении возраста привлечения субъекта правонарушения к юридической ответственности должен исходить из уровня духовной, эмоционально-волевой и интеллектуальной зрелости человека, достаточного для осуществления руководства своими действиями и формирования уровня правового сознания, позволяющего понимать значение совершаемых действий (бездействия), их общественную опасность и возможность наступления последствий.

Список источников:

1. Красавчиков О. А. Социальное содержание правоспособности // Правоведение. 1960. № 1. С. 12–25.
2. Богомягков Ю. С. Проблемы невменяемости в советском уголовном праве (понятие вмняемости). Уфа, 1978. – 56 с.
3. Пергамент М. Я. К вопросу о правоспособности юридического лица. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1909. – 35 с.
4. Михеев Р. И. Проблемы вмняемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983. – 300 с.
5. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. – 208 с.
6. Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. – 236 с.

Информация об авторах

О. А. Авдеева – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

В. А. Авдеев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса

Information about the authors

O. A. Avdeeva – Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines

V. A. Avdeev – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; принята к публикации 14.03.2023.

The article was submitted 14.03.2023; accepted for publication 14.03.2023.

* Боровых А. В. Указ. соч. С. 13.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 32–39.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63): 32–39.

Научная статья

УДК 343.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ: ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ В ВИДЕ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА

Владимир Батоевич Батоев

Научно-производственная организация «Специальная техника и связь» МВД России, Москва

vbatoev@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены общественно опасные последствия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), в виде материального ущерба в денежном выражении. Проведенный анализ данных статистики указывает на реальную угрозу от указанных видов противоправной деятельности для государства в целом. Размер ущерба от данных преступлений имеет прогнозную тенденцию к росту, в том числе в силу динамичного развития технологий, появления новых способов совершения киберпреступлений. Противодействию преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, уделяется особое внимание со стороны правоохранительных органов на всех уровнях организации правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: преступность, преступления, информационно-телекоммуникационные технологии, противодействие, ущерб, вред

Для цитирования: Батоев В. Б. Использование информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: вопросы оценки общественно опасных последствий в виде материального ущерба // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 32–39.

Original article

THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES FOR CRIMINAL PURPOSES: ISSUES OF ASSESSMENT OF SOCIALLY DANGEROUS CONSEQUENCES IN THE FORM OF MATERIAL DAMAGE

Vladimir B. Batoev

Scientific and Production Association "Special Equipment and Communications" of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

vbatoev@mail.ru

© Батоев В. Б., 2023

Keywords: crime, crimes, information and telecommunication technologies, counteraction, damage, harm

For citation: Batoev V.B. The use of information and telecommunication technologies for criminal purposes: issues of assessment of socially dangerous consequences in the form of material damage // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63): 32–39.

В науках уголовно-правового цикла употребляются термины «вред» и «ущерб», которые принято подразделять на следующие виды: имущественный, физический, моральный и деловой репутации. По поводу использования указанных терминов существует дискуссия [1–5]. Мы полагаем, что данные термины, в принципе, равнозначны в силу того, что они используются в рамках одной и той же цели – для определения размера, степени последствий от совершенного преступления, наличия оснований для наступления уголовной ответственности.

Однако, как показывает правоприменительная и законодательная практика, все же чаще на деле употребляется термин «вред». Так, в нормах Уголовного кодекса РФ термин «вред» применяется в 71 случае, а «ущерб» всего лишь 37 раз; в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ – 51 и 10 случаев соответственно.

С учетом общего логического и семантического значения данных терминов отметим, что с точки зрения уголовного права оба термина являются важным критерием, размер которого отграничивает малозначительные деяния в виде административных правонарушений от уголовно наказуемых в виде преступлений [6]. Более того, размер вреда или ущерба является критерием определения наличия или отсутствия в составе преступления квалифицирующих признаков, отягчающих степень общественной опасности противоправных деяний, а также имеет значение при определении наличия оснований наступления уголовной ответственности [7, с. 62–64].

В науке уголовного права вред от совершения преступления, как правило, принято подразделять на материальный и нематериальный [8]. Наиболее часто на практике мы сталкиваемся с такой формой материального вреда, как причиненный ущерб, который принято оценивать в денежном выражении.

Борьба с преступлениями, при совершении которых используются ИТТ, обозначена руководством страны в качестве одного из безусловных приоритетов деятельности органов внутренних дел. О степени угрозы названных преступлений свидетельствуют статистические данные, указывающие на размеры и масштабы общественно опасных последствий в виде причиненного материального ущерба в результате их совершения.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России*, в 2022 г. на территории РФ зарегистрировано 1966 800 преступлений (снижение на 1,9% по сравнению с 2021 г.) Из этого общего числа 522065 (26,5%) преступлений были совершены с использованием ИТТ, из них особо тяжких, тяжких – 272233; предварительное следствие по которым обязательно – 435940, не обязательно – 86125; в сфере экономики – 21046, связанных с незаконным оборотом наркотиков – 82661, оружия – 74; экстремистской направленности – 671; террористического характера – 724. С использованием сети Интернет совершено 381,1 тыс. преступлений; с помощью средств мобильной связи – 213 тыс. Самыми распространенными видами преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, являются кражи и мошенничества (371,2 тыс. – 71,1%). Почти каждое восьмое преступление, совершаемое с использованием ИТТ, осуществляется с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств.

* Здесь и далее по тексту использованы статистические сведения ГИАЦ МВД России из сводного отчета по России о результатах деятельности ОВД РФ по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, а также результатах деятельности структурных подразделений ОВД РФ, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида (форма «ИТТ» (280) ЦСИ ГИАЦ МВД России).

В вопросах определения степени угрозы от преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, особое значение представляет оценка размера причиненного ущерба.

Как отметил министр внутренних дел В. А. Колокольников, размер причиненного ущерба от преступлений, совершенных с использованием ИТТ, в 2022 г. увеличился почти на 20 % и в денежном выражении составил 65 млрд руб.*

Таблица 1

**Сведения о материальном ущербе от преступлений,
совершенных с использованием ИТТ, в 2022 г.**

Федеральный округ	По находившимся в производстве уголовным делам, по которым предварительное расследование окончено, приостановлено					
	Сумма ущерба, тыс. руб.	в том числе				
		находившимся в производстве		по уголовным делам, по которым предварит. расслед-ие окончено	находившимся в производстве	
		органов пред. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД		органов пред. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД
2022 г. / 2021 г.						
Центральный	41034289/ 26006460	33247205	267841	16743833	9239864	18279
Северо-Западный	10051672/ 8322746	9589360	119570	1226176	878288	7751
Северо-Кавказский	2239448/ 1632078	2160057	17451	464720	401830	3883
Южный	6389409/ 5857683	6251251	58741	517707	424815	15738
Приволжский	13156961/ 11066526	12765148	212126	1068597	868662	26867
Уральский	5308083/ 4829487	5179343	101402	409981	367148	15519
Сибирский	8463569/ 8820613	8319317	90398	583473	518305	16620
Дальневосточный	5132937/ 4190590	5047950	32569	501549	442651	6579
Всего по России	91941183/ 70833716	82666257	905479	21540340	13148671	111458

Представленные в табл. 1 данные показывают, что территориально наибольший ущерб от преступлений, совершенных с использованием ИТТ, причинен в Центральном, Северо-Западном, Приволжском федеральных округах. В Центральном округе лидирующие позиции занимают г. Москва (28938 187), Московская (40 81392) и Белгородская (10 40061) области; в Северо-Западном – г. Санкт-Петербург (4513 602), Ленинградская область (1994 470); в Приволжском – Республика Татарстан (3045 849), Республика Башкортостан (1616 731), Нижегородская область (1384 110).

Следует также отметить, что большинство рассматриваемых нами преступлений относится к категории преступлений, по которым производство предварительного следствия обязательно. Это косвенно указывает на то, что традиционные формы организации преступной деятельности трансформируются в киберпространство с присущим для этого постоянным поиском новых форм и методов осуществления преступной деятельности и сокрытия

* Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа» 19 октября 2022 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/33199229/> (дата обращения: 12.02.2023).

ее следов, а также соответствующим уровнем организации деятельности преступников по подготовке и совершению преступлений рассматриваемой категории.

Анализируя данные таблицы, важно отметить тенденцию сокращения числа зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории с момента начала специальной военной операции. Только по итогам марта 2022 г. снижение показателей составило около 30 %, в апреле 2022 г. – почти 40 %. В июне 2022 г. наблюдался рост числа зарегистрированных преступлений данной категории, что обусловлено сменой дислокации криминалитета*, который ранее осуществлял свою преступную деятельность с территории определенного государства.

Общий анализ данных о преступлениях, совершенных с использованием или применением ИТТ, позволяет заключить, что в основном материальный ущерб наносится в результате совершения преступлений против собственности, которые традиционно составляют более половины от числа всех зарегистрированных на территории РФ преступлений. Об этом свидетельствуют статистические данные, характеризующие ущерб, причиненный в результате совершения краж и мошенничеств (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о материальном ущербе от краж (п. «Г» ч. 3, ч. 4 ст. 158 УК РФ), совершенных с использованием ИТТ в 2022 г.

Федеральный округ	По находившимся в производстве уголовным делам, по которым предварительное расследование окончено, приостановлено					
	Сумма ущерба, тыс. руб.	в том числе				
		находившимся в производстве		по уголовным делам, по которым пред. расслед-ие окончено	находившимся в производстве	
		органов предварит. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД		органов пред. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД
Центральный	2440785	2427164	14	382705	369497	6
Северо-Западный	1757200	1684967	335	338200	266819	0
Северо-Кавказский	196989	196190	0	84135	83363	0
Южный	466065	457322	88	85792	77194	0
Приволжский	1147641	1111489	284	177108	142674	0
Уральский	575474	569863	5	113320	107742	0
Сибирский	1011688	997732	0	122528	112357	0
Дальневосточный	495510	486983	15	111517	103065	0
Всего по России	8105531	7942690	741	1418462	1265862	6

Анализ представленных данных свидетельствует, что наиболее серьезный ущерб причинен потерпевшим из Центрального, Северо-Западного, Приволжского, а также Сибирского (Иркутская область – 243499 тыс. руб., Новосибирская область – 172693 тыс. руб.) федеральных округов.

Один из самых распространенных видов преступлений, совершаемых с использованием или применением ИТТ, – кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (табл. 3). Из табл. 3 видно, что высокие показатели ущерба от названных преступлений также наблюдаются в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Сибирском федеральных округах.

* Выступление министра внутренних дел РФ В. А. Колокольцева на заседании Государственной Думы Федерального Собрания РФ в рамках «правительственного часа» 19 октября 2022 г.

Таблица 3

**Сведения о материальном ущербе от краж (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ),
совершенных с использованием ИТТ в 2022 г.**

Федеральный округ	По находившимся в производстве уголовным делам, по которым предварительное расследование окончено, приостановлено					
	Сумма ущерба, тыс. руб.	в том числе				
		находившимся в производстве		по уголовным делам, по которым пред. расслед-ие окончено	находившимся в производстве	
		2022 г./ 2021 г.	органов пред. следствия ОВД		подразд. дознания ОВД	органов пред. следствия ОВД
Центральный	1719966/ 2591592	1710593	14	209358	200400	6
Северо-Западный	656353/ 1039774	649735	335	100749	94981	0
Северо-Кавказский	103936/ 186164	103137	0	15441	14669	0
Южный	412690/ 596888	403946	88	76217	67619	0
Приволжский	988496/ 1376953	969475	284	142871	125568	0
Уральский	463321/ 587499	458170	5	87625	82507	0
Сибирский	830517/ 1426058	819978	0	114383	104211	0
Дальневосточный	396653/ 581552	389240	15	72460	65123	0
Всего по России	5582205/ 8398844	5514541	741	821548	757516	6

Обращают на себя внимание размеры причиненного ущерба по делам о мошенничествах, совершенных с использованием или применением ИТТ (табл. 4). Здесь также первые позиции занимают названные выше федеральные округа. Следует подчеркнуть, что на этих территориях сконцентрировано основное население страны, проживающее в более благоприятных социально-экономических условиях (низкий уровень безработицы, высокая оплата труда и др.)

Таблица 4

**Сведения о материальном ущербе от мошенничеств (ст. 159 УК РФ),
совершенных с использованием ИТТ в 2022 г.**

Федеральный округ	По находившимся в производстве уголовным делам, по которым предварительное расследование окончено, приостановлено					
	Сумма ущерба в тыс. руб.	в том числе				
		находившимся в производстве		по уголовным делам, по которым пред. расслед-ие окончено	находившимся в производстве	
		2022 г./ 2021 г.	органов пред. следствия ОВД		подразд. дознания ОВД	органов пред. следствия ОВД
Центральный	37857715/ 22259870	30194105	233818	15886466	8479016	10800
Северо-Западный	8179648/ 6617880	7813974	97079	873014	599252	5406
Северо-Кавказский	1888429/ 1249252	1827248	9345	359910	308665	1718

Продолжение таблицы 4

Южный	5805616/ 4672658	5706475	41167	394855	330374	6506
Приволжский	11522597/ 8714837	11207290	174393	858495	703826	18932
Уральский	4693519/ 3943734	4590093	82213	280854	251280	8365
Сибирский	6737502/ 5224341	6635609	65253	420006	375192	9639
Дальневосточный	4590826/ 3483237	4522137	24804	378990	331994	3131
Всего по России	81388058/ 56247067	72589298	731337	19473122	11383534	64719

Сведения об ущербе, причиняемом в результате совершения одного из самых распространенных видов преступлений – мошенничеств с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), представлены в табл. 5. Здесь на первый план выдвигаются Сибирский, Приволжский, Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа.

Таблица 5

Сведения о материальном ущербе от мошенничеств, совершенных в 2022 г. с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ)

Федеральный округ	По находившимся в производстве уголовным делам, по которым предварительное расследование окончено, приостановлено					
	Сумма ущерба, тыс. руб. 2022 г. / 2021 г.	в том числе				
		находившимся в производстве		по уголовным делам, по которым предварит. расследование окончено	находившимся в производстве	
		органов пред. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД		органов пред. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД
Центральный	154092/ 229398	126090	3892	24341	215	18
Северо-Западный	56435/ 126402	46218	8298	548	397	79
Северо-Кавказский	128759/ 141112	125707	3052	3481	3195	286
Южный	29652/ 32115	28949	445	480	198	24
Приволжский	361438/ 414429	357865	3466	2466	2313	48
Уральский	6131/ 34577	5977	154	141	59	82
Сибирский	653850/ 709156	647440	6234	7603	7110	374
Дальневосточный	20190/ 47004	20037	152	17	17	0
Всего по России	1410823/ 1738799	1358473	25779	39077	13504	911

В условиях бурного развития ИТТ достижения науки и техники существенно расширили спектр возможностей по созданию, обработке, передаче и хранению информации. Современные технологии широко применяются и вымогателями. Размеры ущерба от совершения вымогательств с использованием ИТТ представлены в табл. 6.

**Сведения о материальном ущербе от вымогательств (ст. 163 УК РФ),
совершенных в 2022 г.**

Федеральный округ	По находившимся в производстве уголовным делам, по которым предварительное расследование окончено, приостановлено					
	Сумма ущерба, тыс. руб. 2022 г. / 2021 г.	в том числе				
		находившимся в производстве		по уголовным делам, по которым пред. расслед-ие окончено	находившимся в производстве	
		органов пред. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД		органов пред. следствия ОВД	подразд. дознания ОВД
Центральный	36238/ 37222	22722	12649	4045	2825	353
Северо-Западный	16809/ 2547	9841	6643	1599	1050	223
Северо-Кавказский	5359/ 2534	3223	1974	2376	1826	387
Южный	12150/ 8677	6628	4872	2109	1391	129
Приволжский	23371/ 9740	8501	14865	5674	5337	332
Уральский	6856/ 4641	1973	4361	1979	1313	146
Сибирский	8877/ 5313	371	8479	533	0	507
Дальневосточный	3145/ 3792	1009	2117	249	200	49
Всего по России	112890/ 74493	54268	56045	18564	13942	212

Наиболее криминальная активность по данному виду преступлений наблюдается в Центральном, Северо-Западном, Южном и Приволжском федеральных округах.

Общий анализ статистических данных о размерах материального ущерба, нанесенного потерпевшим в результате совершения преступлений с использованием ИТТ, позволяет сделать следующие выводы:

- данные преступления приобрели массовый характер и представляют непосредственную угрозу безопасности личности, общества и государства в целом;
- большая часть рассматриваемых видов противоправных деяний относится к категории преступлений против собственности;
- размеры причиненного материального ущерба прямо указывают на наличие недостатков правового, организационного, тактического, материально-технического, кадрового характера в деятельности правоохранительных органов;
- большинство преступлений относится к категории преступлений, по которым предварительное следствие обязательно, что указывает на их особенности: наличие прямого умысла в действиях преступников, признаков организованности преступной деятельности, осведомленности о формах и методах деятельности правоохранительных органов и др.; сокрытие следов совершения преступлений посредством использования технических возможностей по анонимизации личности пользователя сети Интернет, использования третьих лиц (дроперов), обезличенных sim-карт, дипфейков и др.

В качестве особого вывода можно отметить, что сложившаяся ситуация в рассматриваемой сфере общественных отношений, а также осознание масштабов и размеров

ежегодно причиняемого ущерба от рассматриваемой категории преступлений требует пересмотра существующих подходов в вопросах их профилактики, в частности, посредством разработки и реализации комплекса мер, направленных на проведение в первую очередь разъяснительной работы с населением.

Руководством МВД России сделан акцент на необходимости активизироваться всем заинтересованным участникам в сфере противодействия киберпреступности, в том числе посредством реализации мер профилактики, выработки соответствующей нормативной правовой основы, создания необходимых базовых условий. Важно обозначить ряд принятых мер, инициаторами которых выступило МВД России. В данное время введен запрет на использование функции подмены абонентского номера пользователя услугами связи; гражданам предоставлена возможность установления ограничений и запретов при проведении банковских операций в онлайн; в целях противодействия преступлениям, совершаемым с использованием или применением ИТТ, созданы соответствующие самостоятельные структурные подразделения* и др.

Полагаем, что представленные цифры также важно и необходимо использовать при анализе и выработке мер по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, как с научной, так и с практической точки зрения.

Список источников:

1. Байдина В. С. Соотношение уголовной и административной ответственности за причинение физического и морального вреда // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 9. С. 570–573.
2. Звечаровский И. Э., Кандыбко Н. В. Об уголовно-правовом значении возмещения ущерба от преступления // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 2. С. 41–50.
3. Нагиева Э. Э. К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат» // Рос. следователь. 2009. № 18. С. 12–16.
4. Тимченко А. И., Гантемиров К. Р. Статистический анализ экономических преступлений и материального ущерба от их совершения в отчетах МВД Российской Федерации о состоянии преступности в России // Экономика: теория и практика. 2020. № 2. С. 87–94.
5. Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 8. С. 62–80.
6. Петин И. А. Преступный вред как определяющее основание уголовной ответственности и его вменение // Юридический мир. 2007. № 6. С. 57–61.
7. Шкабин Г. С. Указ. соч.
8. Нагиева Э. Э. Указ. соч.

Информация об авторе

В. Б. Батоев – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник

Information about the author

V. B. Batoev – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

* См. подробнее: Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.12.2022 № 1110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).
С. 40–47
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
(2/63): 40–47.

Научная статья
УДК 343.326

ОБЩАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ГРУППАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анна Григорьевна Брагина

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул
agb.06@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена общему уголовно-правовому анализу составов преступлений диверсионной направленности (ст. 281–281.3 УК РФ), их сходствам и различиям с преступлениями экстремистской и террористической направленности. Автором делается вывод о том, что нормы, устанавливающие уголовно-правовой запрет на деяния диверсионной направленности, полностью аналогичны уже имеющимся в УК РФ, а следовательно, обладают теми же недостатками, не устраненными законодателем ранее. Предлагаются пути решения проблем квалификации преступлений диверсионной направленности, которые неизбежно встанут перед правоприменителем в дальнейшем.

Ключевые слова: диверсия, преступления диверсионной направленности, диверсионная деятельность, диверсионное сообщество

Для цитирования: Брагина А. Г. Общая уголовно-правовая характеристика преступлений диверсионной направленности и их соотношение со смежными группами преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 40–47.

Original article

GENERAL CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF SUBVERSIVE CRIMES AND THEIR CORRELATION WITH RELATED GROUPS OF CRIMES

Anna G. Bragina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul
agb.06@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the general criminal law analysis of the composition of crimes of subversive orientation (Art. 281–281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation), their similarities and differences with crimes of extremist and terrorist orientation. The author concludes that the norms establishing a criminal law ban on acts of sabotage are completely similar to those already available in the Criminal Code of the Russian Federation, and, consequently, have the same shortcomings that were not eliminated by the legislator earlier. The ways of solving the problems of qualification of subversive crimes, which will inevitably face the law enforcement officer in the future, are proposed.

Keywords: sabotage, crimes of sabotage orientation, sabotage activity, sabotage community

For citation: Bragina A. G. General criminal and legal characteristics of subversive crimes and their correlation with related groups of crimes // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):40–47.

Высокая степень общественной опасности и организованность диверсионной деятельности, отдельные проявления которой ранее не преследовались по Уголовному кодексу РФ, обусловили криминализацию целого ряда деяний, получивших вместе с диверсией (ст. 281 УК РФ) общее наименование «преступления диверсионной направленности»*. В декабре 2022 г. глава 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» была дополнена ст. 281.1 «Содействие диверсионной деятельности», ст. 281.2 «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности», ст. 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем»**.

Следует отметить, что законодатели при обсуждении необходимости введения уголовно-правового запрета на данную деятельность фактически приравнивали диверсантов к террористам. Так, например, глава комитета Государственной Думы РФ по международным делам Л. Э. Слуцкий указал на то, что в настоящее время «главная угроза диверсий исходит с территории Украины, и мы делаем шаг к тому, чтобы признать украинский режим террористическим»***.

Эта мысль не является новой, поскольку о сходстве террористического акта и диверсии и их различиях, а также об их смешении на практике ранее уже не раз упоминалось в научной литературе, в том числе, при рассмотрении диверсии в качестве одной из форм терроризма, его неотъемлемой части [1–3].

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» равнозначны, кроме того, в нем же террористическая деятельность признана составной частью экстремистской деятельности (или экстремизма) (ст. 1). Таким образом, экстремизм в сравнении с терроризмом – наиболее крупное из обоих деструктивных явлений [4, с. 6]. В таком случае логичным было бы сказать о том, что преступления диверсионной направленности есть разновидность экстремизма, а значит, и содержащиеся в ст. 281–281.3 УК РФ нормы с точки зрения уголовного права являются специальными по отношению к нормам ст. 280, 282 УК РФ и т. д. Между тем такой вывод преждевременный.

Уголовный закон четко разделяет преступления террористической, экстремистской и диверсионной направленности. Во-первых, на это указывают:

- примечание 1 к ст. 205.1, примечание 2 к ст. 205.2, ст. 205.6, закрепляющие нормы, согласно которым конкретизированы преступления, относящиеся к террористической деятельности в целом, т. е. предусмотренные ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361;
- примечание к ст. 282.1, которое закрепляет легальное определение преступлений экстремистской направленности (хотя и не их перечень, как примечания к статьям о преступлениях террористической направленности);
- содержание норм ст. 281–281.3, предусматривающих преступления диверсионной направленности и закрепляющих конкретные признаки их составов.

Во-вторых, это следует из специфики размещения вышеназванных статей в разных разделах и главах УК РФ, т. е. прежде всего родового и видового объектов преступлений. Между тем и этот признак строго не фиксирует различие между анализируемыми группами преступлений. Так, преступления диверсионной и экстремистской направленности, а также посягательство

* Пояснительная записка к законопроекту № 253939–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за осуществление диверсионной деятельности)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/253939-8> (дата обращения: 02.03.2023).

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Цит.: Замахина Т. Госдума приняла закон о пожизненном наказании за диверсии. Российская газета. Официальный сайт: <https://rg.ru/2022/12/21/gosduma-priniala-zakon-o-pozhiznennom-nakazanii-za-diversii.html> (дата обращения: 02.03.2023).

на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти и вооруженный мятеж, по воле законодателя отнесенные к числу преступлений террористической направленности, посягают на одинаковый родовой и видовой объект: общественные отношения, охраняющие государственную власть (разд. X УК РФ) и конституционный строй и безопасность государства (гл. 29 УК РФ) соответственно, что делает их схожими в этой части, а значит, нет четкой границы между ними.

Действительно, все указанные деяния негативно отражаются на силе государственной власти, воплощенной в государственных органах и учреждениях, разрушая общественный порядок, конституционные основы государства, делая граждан беззащитными от внутренних и внешних посягательств [5, с. 134].

Однако непосредственный объект анализируемых групп преступлений отличается уже довольно существенно. Достаточно отметить, что преступления диверсионной направленности непосредственно посягают на общественные отношения в сфере экономической безопасности, которая является составной частью национальной безопасности и одним из стратегических национальных приоритетов*, а также на обороноспособность Российской Федерации, что не характерно ни для преступлений экстремистской, ни для преступлений террористической направленности.

Известно, что в УК РСФСР 1960 г. схожие с преступлениями из числа анализируемых нами групп деяния, например, террористический акт (ст. 66 УК РСФСР) и диверсия (ст. 68 УК РСФСР), относились к категории особо опасных государственных преступлений. Это подчеркивалось их особой правовой природой – проявление враждебной деятельности против СССР, а также их специальными целями – подрыв или ослабление государственной власти или Советского государства [6, с. 242; 7, с. 19]. Сегодня, в условиях специальной военной операции, а также аналогичной деятельности против России зарубежных стран, появилась необходимость постановки вопроса об определении иного места преступлениям террористической направленности в действующем уголовном законе: переноса их в гл. 29 разд. X УК РФ, тем более что, в частности, террористический акт (ст. 205 УК РФ) совершается в определенных целях – дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, что также определенным образом может свидетельствовать о направленности его вредоносного воздействия на конкретную группу общественных отношений, на которые посягает данное преступление.

Итак, новые статьи 281.1–281.3 сконструированы по уже известной форме и с применением аналогичных понятий, образующих совокупность признаков конкретного состава преступления. Так, части 1–4 ст. 281.1 по законодательной конструкции идентичны ч. 1.1–4 ст. 205.1, статья 281.2 – ст. 205.3, статья 281.3 – ст. 205.4, а часть 2 ст. 281.3 – еще и ч. 2 ст. 282.1, 210 УК РФ.

Этот прием высоко ценится как в науке, так и на практике. Как отмечал М. Д. Шаргородский, «если для формулировки диспозиции принимается какой-либо определенный признак, то он должен быть учтен во всех родственных случаях» [8, с. 164]. Применение вновь включенных в уголовное законодательство норм будет облегчено схожестью примененных при их конструировании терминов, достаточно давно введенных в законодательство и уже серьезно изученных учеными, что поможет исключить «хаос в правоприменительной практике» [9, с. 164].

В новых нормах зафиксированы и раскрыты признаки понятия «диверсионная деятельность» (ст. 281.1), ее составных частей, как-то: «финансирование диверсии» и «пособничество в совершении диверсии» (примечания 1–2 к ст. 281.1), «поддержка», «оправдание» и «пропаганда» диверсии (примечания 2–4 к ст. 281.3), образующие субъективную сторону состава организации диверсионного сообщества и участие в нем.

* О безопасности: федер.закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ; Стратегия национальной безопасности: утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Аналогично ч. 1.1 и 3 ст. 205.1 в ст. 281.1 разграничено пособничество (ч. 3 ст. 281.1) и такие формы содействия диверсионной деятельности, как склонение, вербовка, иное вовлечение лица в совершение диверсии, вооружение или подготовка в целях совершения диверсии, финансирование диверсии (ч. 1 ст. 281 УК РФ).

Кроме того, законодателем предусмотрены новые основания освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе лиц, совершивших содействие диверсионной деятельности (примечание 3 к ст. 281.1), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (примечание к ст. 281.2), организацию диверсионного сообщества и участие в нем (примечание 1 к ст. 281.3).

Наиболее важным деянием в исследуемой группе преступлений диверсионной направленности является сама диверсия (ст. 281 УК РФ). Совершаемая такими способами, как взрыв, поджог или какое-либо иное подобное им действие, объединяемыми уголовно-правовым понятием «общеопасный способ», она угрожает также и общественным отношениям, охраняющим жизнь, здоровье [10, с. 124], собственность, общественный порядок и т. д. При совершении диверсии виновный всегда преследует цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ. Кроме того, это уголовно наказуемое деяние, не связанное с какой-либо военной кампанией, хотя может совершаться и профессионалами, что отличает ее от военной диверсии как разновидности военной операции [11, с. 95–96].

Основной состав диверсии сконструирован по типу формального, поскольку не включает в качестве обязательных признаков общественно опасные последствия. Наступление их влечет более строгую ответственность по п. «б» ч. 2 или ч. 3.

Как справедливо отмечает А. Н. Хлыстов, «гибель людей обычно является побочным результатом диверсионного акта» [12, с. 137]. В том случае, если она наступает от умышленных действий, достаточно квалификации по ч. 3 ст. 281 УК РФ, включая наступление смерти двух и более лиц. Однако не ясно, как быть в случае с причинением смерти по неосторожности. Означает ли это, что тогда была бы уместна квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ с вменением признака «наступление иных тяжких последствий»? Полагаем, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Тем более, если учесть, что Верховный Суд РФ аналогичныйотягчающий вину признак толкует в п. 21 своего Постановления от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» и как причинение смерти по неосторожности.

Факультативными объектами содействия диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ) в зависимости от выбранного виновным воздействия могут быть общественные отношения, охраняющие здоровье, честь, достоинство потерпевшего, общественную безопасность и др. Его объективная сторона выражается в форме склонения, вербовки, иного вовлечения лица в совершение преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, вооружения, подготовки лиц в целях совершения диверсии, финансирования диверсии (ч. 1 ст. 281.1 УК РФ).

Из всех перечисленных общественно опасных деяний в УК РФ раскрываются только признаки финансирования, которое может быть выражено в двух равнозначных формах:

- 1) для совершения одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ;
- 2) для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Такой прием полностью копирует уже имеющееся в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ, закрепляющем формы финансирования терроризма [13, с. 25].

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 281.1, имеет формальный состав, окончено с момента совершения любого деяния, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление диверсионной направленности. Например, под данное деяние, полагаем, подпадает деятельность сотрудников спецслужб Украины, которые шантажом заставляют украинских граждан, пересекающих границу с подконтрольными России

территориями, собирать данные о передвижении российских войск в Крыму, передавать координаты дислокации и численность российских подразделений, а также значимых объектов на Крымском полуострове*, осуществлять подрывы линий электропередач**.

В части 2 ст. 281.1 УК РФ закреплён признак, отягчающий ответственность, – «с использованием своего служебного положения». Он указывает на специальный субъект, который можно определить аналогично специальному субъекту, предусмотренному ч. 2 ст. 205.1 или ч. 2 ст. 282 УК РФ, т. е. как в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» или в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Часть 3 ст. 281.1 УК РФ предусматривает ответственность за пособничество в совершении диверсии. Это общественно опасное деяние также имеет легальное определение (примечание 2 к анализируемой статье). Сравнение его признаков с признаками пособника, закреплённого в ч. 5 ст. 33 УК РФ, приводит нас к выводу о том, что оно не включает в себя признак «заранее данное обещание» скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления либо приобрести или сбыть такие предметы. Означает ли это необязательность его установления? Представляется, что нет. Иначе такое пособничество, несмотря на наименование, является специальной формой укрывательства преступления, которое, в свою очередь, не предполагает его наличия [14, с. 126].

Отметим, что на данную проблему уже обращали внимание исследователи, анализирувавшие примечание 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, считая такую формулировку ошибкой законодателя и предлагая исключить его вовсе, применяя к таким случаям норму Общей части [15, с. 218]. Теперь эта же особенность характерна и для нового примечания к ст. 281.1 УК РФ. Полагаем, что она также не будет способствовать терминологическому единообразию.

В части 4 ст. 281.1 УК РФ закреплёны составы организации совершения диверсии, руководства совершением диверсии и организации финансирования диверсии. Считаем, что момент их окончания можно трактовать по уже имеющимся правилам, сформулированным, в частности, в вышеназванных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ: организации – с момента осуществления любого действия организационного характера, направленного на совершение диверсии или ее финансирования, руководства – с момента осуществления управленческих функций при совершении диверсии, включающих в себя разработку общих планов и способов совершения преступлений, подготовку к совершению диверсии, распределение ролей соучастников, организацию материально-технического обеспечения, принятие мер безопасности. Совершение таким организатором или руководителем конкретного преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, образует совокупность преступлений.

В том случае, если имела место организация диверсионного сообщества и участие в нем, предполагающие наличие особой разновидности преступного сообщества, являющегося родственного по своим основным признакам террористическому, экстремистскому сообществам, а также преступной организации (преступному сообществу) (ст. 205.4, 282.1, 210 УК РФ), применяется уже не ст. 281.1, а ст. 281.3 УК РФ.

Отметим, что такие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 281.3 УК РФ, относящиеся к его объективной стороне, как «создание диверсионного сообщества», «руководство диверсионным сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями», также могут быть истолкованы в соответствии с имеющимися разъяснениями Верховного Суда – по признакам деяния, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ.

* Источник сообщил о вербовке СБУ украинцев, выезжающих в Россию. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220827/verbovka-1812459172.html> (дата обращения: 08.03.2023).

** Крутиков Е. Как украинская разведка вербует агентов в России. Взгляд: деловая газета. URL: <https://vz.ru/society/2022/9/15/1177729.html> (дата обращения: 08.03.2023).

Само понятие диверсионного сообщества как устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в преступных целях, которое может в себя включать структурные подразделения, не уникально для уголовного права, хотя и отличается специфическими целями – осуществление диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Как уже указывалось выше, в примечаниях к ст. 281.3 УК РФ закреплены легальные понятия поддержки, оправдания и пропаганды диверсии. Ответственность за такую деятельность, осуществляемую в качестве самостоятельного деяния, как в ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», в ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», в ст. 281–281.3 УК РФ не предусмотрена. Полагаем, что содеянное такого рода может охватываться нормой ст. 280.4 УК РФ, охраняющей безопасность РФ, включающей в себя, как уже указывалось выше, и экономическую безопасность.

Отметим при этом, что, несмотря на имеющиеся предпосылки, сами публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства, относить к числу преступлений диверсионной направленности нельзя. Данная норма сформулирована как общая по отношению к связанным с уголовно-правовым запретом на определенные виды пропаганды и агитации, ответственность за которые предусмотрена соответственно в ст. 205.2, 280, 280.1, 280.3, 284.2, 354 УК РФ. Таким образом, содержание и направленность призывов имеет определяющее значение для отграничения его от смежных составов преступлений, обладающих общими признаками объективной стороны.

Наконец, еще одно преступление диверсионной направленности – прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2 УК РФ) – создает угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняющим общественную безопасность или здоровье населения, поскольку связано с возможностью приобретения навыков обращения не только, например, с оружием, но и веществами, представляющими опасность для окружающих, к которым можно отнести ядовитые или сильнодействующие вещества. Их перечень утвержден Правительством РФ*. Фактически непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 281.2 УК РФ, зависит от того, с целью совершения каких преступлений проходит обучение субъект.

Данным деянием охватываются все этапы обучения, представляющего собой «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни» (п. 3 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»)**.

Такая трактовка вполне применима, на наш взгляд, и к криминальному «образованию» будущих диверсантов. Преступление будет окончено с момента начала выполнения действий, направленных на приобретение знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления диверсии. При этом, если таким лицом диверсия будет все-таки совершена, то прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности вменяется по совокупности с деянием, предусмотренным ст. 281 УК РФ.

* Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В свою очередь, лица, осуществляющие процесс обучения (инструкторы, преподаватели), должны нести ответственность за содействие диверсионной деятельности по ст. 281.1 УК РФ, как это предлагается в случае с аналогичным деянием лиц, организующих и осуществляющих прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, т. е. по ст. 205.1 УК РФ [16, с. 41; 17, с. 92].

Таким образом, анализ нормы, закрепленной в ст. 281.1 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что виновное лицо привлекается к уголовной ответственности за получение «квалификации» диверсанта, а именно, объективного наличия предрасположенности (склонности) лица к совершению преступления, в результате чего оно представляет угрозу для общества и его основных ценностей, что именуется в уголовном праве опасным состоянием личности [18, с. 242]. Прохождение же обучения с точки зрения учения о неоконченном преступлении выступает в качестве приготовления к диверсии, которое законодатель оформил в отдельный состав преступления, как это уже имело место с деяниями, предусмотренными ст. 205.2, 280, 281.2, 354 УК РФ.

Так, по нашему мнению, по данной статье возможно было бы привлечь к ответственности гражданина Украины, 1977 года рождения, причастного к совершению по заданию Службы безопасности Украины двух диверсионных акций на объектах инфраструктуры Московской железной дороги. Диверсант был завербован сотрудниками СБУ на территории Польши в г. Быдгощ при непосредственном участии польских специальных служб, а его проверка и подготовка перед заброской в Россию проводилась в г. Риге совместно с сотрудниками спецслужб Латвийской Республики. В конце ноября 2022 г. под видом беженца он был направлен из Латвии в Россию с целью легализации и получения российского гражданства. Находясь в столичном регионе, он, по команде куратора из СБУ, в ночное время осуществил поджоги двух шкафов сигнализации, централизации и автоматической блокировки Московской железной дороги*. В отношении данного лица было возбуждено уголовное дело по ст. 281 УК РФ, однако, очевидно, что деятельность, предшествующая поджогам на территории РФ, также должна получить юридическую оценку еще и по ст. 281.2 УК РФ, а действия лиц, организовавших ее, – по ч. 4 ст. 281.1 УК РФ.

Наконец, отметим, что все преступления диверсионной направленности являются умышленными, ответственность за них наступает с 16-летнего возраста.

Таким образом, изложенная нами общая характеристика деяний диверсионной направленности позволяет сделать вывод об их аналогичности уже включенным в УК РФ преступлениям, об обладании ими теми же недостатками, не устраненными законодателем ранее и вновь повторившимися при их включении в закон. Проблемы квалификации преступлений диверсионной направленности, неизбежные в будущем, возможно решить путем как внесения изменений в соответствующие статьи (в частности, как минимум, уточнения признаков упомянутого пособничества в ст. 281.1 УК РФ), так и подготовки официальных разъяснений Верховным Судом РФ по истолкованию признаков, разграничения диверсии как уголовно наказуемого деяния и военной операции и т. д. Наличие же соответствующих постановлений по смежным группам преступлений на сегодняшний день явно недостаточно, поскольку они ориентируют практику на применение норм уголовного закона по аналогии, что недопустимо (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Список источников

1. Моторный И. Д. Современный терроризм и оценка диверсионно-террористической уязвимости гражданских объектов: монография. М.: Шумилова И. И., 2004. 106 с.
2. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Уголовная ответственность за диверсию с использованием животных // Военное право. 2021. № 2(66). С. 273–279.

* ФСБ России задержан гражданин Украины, причастный к совершению диверсионных акций на объектах инфраструктуры Московской железной дороги. ФСБ России. Официальный сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%2lid%3D10439659%40fsbMessage.html> (дата обращения: 02.03.2023).

3. Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие / Казанцев С. Я. [и др.]; под ред. В. Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2004. 592 с.
4. Брагина А. Г., Мамаев Н. Ю., Манянин П. А. Применение специальных лингвистических познаний при выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности: учеб.-метод. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011. 70 с.
5. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА (НОРМА-ИНФРА-М), 2000. 616 с.
6. Загородников Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юрид.лит, 1976. 568 с.
7. Советское уголовное право. Часть Особенная / под ред. Н. И. Загородникова, М. И. Якубовича, В. А. Владимировича. М.: Юрид.лит, 1965. 488 с.
8. Шаргородский М. Д. Уголовный закон // Избранные работы по уголовному праву. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 434 с.
9. Пронина М. П. Правила юридической техники уголовного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6(113). С. 160–167.
10. Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012. 267 с. Текст: электронный. Цифровой образовательный ресурс IPR SMART. URL: <https://www.iprbookshop.ru/9260.html>.
11. Куликов А. В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом // Право, экономика и управление: теория и практика: мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 29 августа 2022 г. Чебоксары: ИД «Среда», 2022. С. 95–98.
12. Хлыстов А. Н. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 281 УК РФ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 4(14). С. 137–139.
13. Серебряков А. В. Финансирование терроризма как самостоятельная форма содействия террористической деятельности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2011. № 4(9). С. 25–27.
14. Кустова Н. К. К вопросу о правовой природе укрывательства преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 5(58). С. 125–128.
15. Ибрагимов С. Р. Отдельные проблемы уголовно-правового регулирования пособничества террористической деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 218–221.
16. Коровин Е. П. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 205.1–205.5 УК РФ: метод. рекомендации. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2015. 72 с.
17. Москалев Г. Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ) // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 89–103.
18. Берсей Д. Д., Иванов С. А. Опасное состояние личности в свете современного российского уголовного законодательства // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2(41). С. 241–244.

Информация об авторе

А. Г. Брагина – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Information about the author

A. G. Bragina – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 48–53.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; (2/63): 48–53.

Научная статья
УДК 34.343

МЕЖОТРАСЛЕВОЕ ПОНЯТИЕ «КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Виталий Анатольевич Полтарыхин

Главное управление МВД РФ по Алтайскому краю, Барнаул
poltar.va1980@gmail.com

Аннотация. В статье автор анализирует доктринальные положения о понятии «коррупция», обращается к законотворческой проектной деятельности, исследует положения уголовного и специального законодательства, опыт нормативного закрепления признаков коррупционных преступлений в иных странах с исторически общей законодательной системой. В работе выделены объективные и субъективные признаки коррупционных преступлений, структурно закрепленных в разных главах УК РФ. По результатам исследования высказаны предложения по системному реформированию уголовного, бюджетного и специального законодательства о противодействии коррупции.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, законодательство, правовые дефиниции, противодействие коррупции

Для цитирования: Полтарыхин В. А. Межотраслевое понятие «коррупционное преступление»: теоретико-прикладной анализ // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 48–53.

Original article

CROSS-SECTORAL CONCEPT OF «CORRUPTION CRIME»: THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS

Vitaliy A. Poltarykhin

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Altai Territory, Barnaul
poltar.va1980@gmail.com

Abstract. In the article, the author analyzes the doctrinal provisions on the concept of corruption, refers to legislative design activities, explores the provisions of criminal and special legislation, the experience of normative consolidation of signs of corruption crimes in other countries with a historically common legislative system. The paper highlights the objective and subjective signs of corruption crimes, structurally enshrined in different chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the results of the study, proposals were made for the systematic reform of criminal, budgetary and special legislation on combating corruption.

Keywords: corruption, corruption crime, legislation, legal definitions, anti-corruption

For citation: Poltarykhin V.A. Cross-sectoral concept of «corruption crime»: theoretical and applied analysis // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63): 48–53.

© Полтарыхин В. А., 2023

Противодействие коррупции является приоритетным направлением государственной политики РФ. Указом Президента РФ от 31 июля 2008 г. № Пр-1568 утвержден Национальный план противодействия коррупции). Во исполнении названного указа разработана и утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 Национальная стратегия противодействия коррупции. К началу 2023 г. в РФ сформирована объемная законодательная база, задачей которой является нормативное обеспечение борьбы с коррупцией. Также разрабатываются и реализуются различные организационные меры, имеющие аналогичную цель, активизируется и усиливается работа правоохранительных органов в данном направлении. Однако, несмотря на принимаемые на различных уровнях меры и решения, коррупция по-прежнему остается одной из главных угроз государственной безопасности. Современная геополитическая ситуация поставила новые задачи, связанные с обеспечением обороноспособности страны, что нашло отражение в самостоятельной криминализации противоправного поведения при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1–201.3, 285.4–285.6 УК РФ).

Положительно оценивая стремление законодателя обеспечить всестороннюю защиту общественных отношений, возникающих в связи и по поводу реализации государственно-властных и управленческих полномочий в различных сферах жизнедеятельности, полагаем, что действующий УК РФ, а также специальное законодательство о противодействии коррупции не лишены недостатков, затрудняющих правоприменительную практику и снижающих общую эффективность уголовного закона. Одним из таких недостатков, по нашему мнению, является отсутствие нормативного закрепления категории «коррупционные преступления». Построение эффективной правовой системы регулирования и охраны общественных отношений следует начинать с формирования понятийного аппарата. Разработка и закрепление в тексте уголовного закона понятия либо закрытого перечня коррупционных преступлений позволят решить следующие теоретические, нормативные и правоприменительные задачи:

1) выработать общую модель составов коррупционных преступлений. В действующем уголовном законе в настоящее время сформировался дифференцированный подход к составам коррупционных преступлений в зависимости от признаков субъекта (должностное лицо, служащий коммерческой организации, третейский судья и т. д.). Так, для подобных составов в гл. 22 и 23 УК РФ законодатель использует так называемый обобщающий прием нормотворческой техники, объединяя в одной норме передачу и получение подкупа. Такой юридико-технический способ используется в ст. 200.7 и ст. 204 УК РФ. В указанных нормах уголовная ответственность за перечисленные деяния установлена в различных частях одной уголовно-правовой нормы. Иной законодательный прием мы видим в гл. 30 УК РФ, где составы дачи и получения взятки являются самостоятельными нормами.

Отсутствие единого подхода к структурированию уголовного закона об ответственности за схожие преступления вполне справедливо критикуется в научной литературе [1, с. 602]. Коррупционные преступления имеют общий характер общественной опасности, обусловленный противоправным получением материальной или иной личной выгоды лицом, не имеющим на это право и использующим в связи с полученным свой служебный статус вопреки интересам соответствующей службы. В связи с этим в тексте УК РФ необходимо использовать единые правовые конструкции для установления уголовной ответственности за схожие по содержанию деяния, объединенные понятием «коррупционное преступление»;

2) при обобщении характеристик коррупционных преступлений путем формирования общей дефиниции или общего перечня возможно совершенствование системы наказаний за подобные преступления на основе общих правовых принципов, а также применение иных институтов Общей части уголовного закона [2]. В этой части примечателен опыт соседних государств – Белоруссии и Казахстана. В соответствии с УК Республики Беларусь для лиц, совершивших коррупционные преступления (признанные таковыми), нет возможности применить условно-досрочное освобождение, к ним не может быть применена замена неотбытой части наказания более мягким.

Еще более жесткая позиция по отношению к коррупционным преступлениям содержится в уголовном законе Республики Казахстан, запрещающем пожизненно лицам, совершившим коррупционное преступление, занимать должности государственной службы, а также должность судьи, должности в органах местного самоуправления, в Национальном банке. Отсутствует также возможность применения к таким лицам условного осуждения, освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением или истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности;

3) использование общей дефиниции «коррупционное преступление» позволит унифицировать уголовное и бюджетное законодательство и устраним значимую проблему применения на практике ст. 146 БК РФ. Так, в соответствии со ст. 146 БК РФ в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования РФ подлежат зачислению и денежные средства, полученные от обращения по решению суда в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, конфискованные денежные средства, полученные в результате совершения коррупционных правонарушений, а также денежные средства от реализации конфискованного имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений. В связи с тем, что понятия «коррупционное правонарушение» и «коррупционное преступление» на законодательном уровне не закреплены, единственная возможность применить норму ст. 146 БК РФ – это обращение к нормативному документу, изданному исключительно в статистических целях (что прямо следует из названия), а именно указанию Генеральной прокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17 января 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», так как только в данном нормативном акте отражен перечень, а также существенные характеристики коррупционного преступления. В настоящее время правоохранители вынуждены применять Перечень с риском отмены любого судебного акта по уголовному делу, вынесенного на основании не уголовного закона, а иного нормативного документа, не обладающего необходимой юридической силой.

Названные причины, по нашему мнению, не просто позволяют, а требуют законодательного закрепления понятия «коррупционное преступление». В уголовно-правовой доктрине неоднократно высказывались аналогичные предложения с различным текстом конструируемых уголовно-правовых норм [3–5]. В общем виде юридическая доктрина предлагает следующие варианты совершенствования уголовного закона о нормативном закреплении определения категории «коррупционное преступление».

Первый вариант – включение в УК РФ (Общая часть) отдельной статьи, в первой части которой изложить понятие коррупционного преступления, а в последующих – их перечень. Второй вариант – это формирование отдельной главы уголовного закона с аналогичным или иным названием. Такая конструкция, в частности, была предложена В. Н. Борковым – изменить структуру уголовного закона, дополнить его новой гл. 30.1 «Коррупционные преступления». Нормы данной главы должны иметь целью предупреждение формирования коррупционных отношений, системно причиняющих вред функционированию государства. В нее включается ответственность за получение либо дачу взятки и посредничество во взяточничестве, незаконное участие в предпринимательской деятельности; коррупционную сделку, коррупционное обогащение, организацию, руководство и участие в коррупционной организации [6]. О необходимости формирования единой концепции служебных преступлений с последующим реформированием уголовного закона говорит и Г. А. Есаков [7].

Попытки формирования общего подхода к определению коррупционного преступления были и в законотворческой практике. В 2013 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, в котором предлагалось дополнить уголовный закон ст. 14.1 в следующей редакции: коррупционное преступление – общественно опасное деяние, совершенное с прямым умыслом,

из корыстных побуждений специальным субъектом – лицом, подпадающим под признаки, предусмотренные частью первой примечания к статье 201 или частями 1–4 примечания к статье 285 настоящего Кодекса. В частях 2 и 3 ст. 14.1 предлагалось установить перечень коррупционных преступлений, включающий 46 составов. К коррупционным преступлениям проектом также были отнесены преступления, совершаемые во взаимосвязи с основными коррупционными составами (например, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения коррупционного преступления, воспрепятствование осуществлению правосудия или предварительного следствия по коррупционным преступлениям).

В 2019 г. был внесен еще один законопроект, который предлагал зафиксировать понятие коррупционного правонарушения не в уголовном законе, а в специальном Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Под коррупционным правонарушением предлагалось понимать деяние (действие или бездействие), обладающее признаками коррупции, за которое законодательством РФ установлена уголовная, административная, гражданско-правовая или дисциплинарная ответственность. Под коррупционным преступлением понималось деяние (действие или бездействие), обладающее признаками коррупции, за которое установлена уголовная ответственность.

Однако оба законопроекта через некоторое время после внесения были сняты с рассмотрения.

Представляется, что внесение соответствующих изменений в уголовный закон необходимо. Изучение научной литературы, посвященной определению понятия «коррупционное преступление», позволяет сделать вывод о широчайшем диапазоне подходов к его определению [8]. Однако, несмотря на разнообразие суждений, представляется возможным найти точки соприкосновения, которые, по нашему мнению, и являются содержательными признаками коррупционного преступления, которые необходимо закрепить нормативно.

Первая группа признаков – объективные признаки коррупционных преступлений. Общность объекта преступных посягательств в данном случае отсутствует, так как коррупционные преступления размещены в четырех главах уголовного закона (гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод», гл. 8 «Преступления в сфере экономики», гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»). В связи с этим по признаку объекта рассматриваемые преступления объединяет то, что они направлены на причинение вреда отношениям, связанным с реализацией властных или управленческих отношений. Указанное справедливо при определении общественной опасности преступления исключительно по объективным признакам с приоритетом объекта преступного посягательства [9]. Признаки, относящиеся к объективной стороне, реализуется через следующую общую характеристику – коррупционные действия (бездействие) связаны с реализацией субъектом специальных полномочий. Такие полномочия наделяют лицо правом принятия решений, имеющих значение для третьих лиц. Подобные полномочия могут быть двух видов: 1) обусловлены занимаемой должностью в государственном или муниципальном органе или учреждении, организации с участием публичного образования либо в коммерческой организации. Данный вид можно именовать «действия (бездействие), совершаемые с использованием служебного положения»; 2) действия, совершаемые лицом, наделенным полномочиями в силу закона. Возможность совершения преступных действий (бездействия) обусловлена наделением лица полномочиями специальным указанием в законе (третейский судья) либо в силу иной профессиональной или общественной деятельности (тренер, судья, спортсмен, участник зрелищного коммерческого конкурса). Однако и в первом и во втором случае механизм преступного воздействия находится в неразрывной связи с осуществляемой деятельностью. Можно говорить о том, что цель всех коррупционных преступлений – осуществление служебной или иной распорядительной деятельности вопреки порядку, установленному законом.

Вторая группа признаков – субъективные. Субъект коррупционных преступлений всегда специальный. По мнению некоторых авторов, именно признак субъекта должен быть положен в основу определения коррупционного преступления [10]. Обратим внимание, что должностные лица государственных и муниципальных органов и учреждений – это лишь некоторые из множества специальных субъектов коррупционных преступлений. Коррупционные преступления совершаются и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях, а также наделенными организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями в силу закона (например, третейский судья). Представляется, что ключевым признаком специального субъекта коррупционного преступления является возможность реализации им полномочий, возложенных на него в силу занимаемой должности, закона либо общественной деятельности, определяющая поведение, права и обязанности третьих лиц.

Коррупционные преступления совершаются только умышленно. Относительно мотивов совершения коррупционного преступления не согласимся с авторами, указывающими исключительно на корыстный мотив [11]. Представляется, что коррупционные мотивы могут быть дифференцированы на корыстный мотив (выгода, имеющая материальное выражение) и иные личные мотивы. К последним могут быть отнесены, например, карьерный рост, лояльность со стороны руководства и т. д. Ряд авторов указывают на то, что мотив независимо от того, какой он, корыстный или иной, не является конструктивным признаком коррупционных преступлений [12, 13]. Не можем согласиться с данным суждением. Обратившись к содержанию гл. 30 УК РФ, а также к иным нормам, устанавливающим ответственность за коррупционные преступления, мы увидим, что в подавляющем большинстве случаев мотив либо указан в диспозиции уголовно-правовой нормы, либо с очевидностью следует из ее содержания. Представляется, что целесообразно вести речь о корыстной и иной мотивации субъекта коррупционного преступления. Отметим, что указанный выше перечень (Перечень № 23) признает коррупционными только корыстные преступления, следуя, очевидно, положениям специального закона.

Коррупционные преступления необходимо отграничивать от преступлений коррупционной направленности. Первые являются безусловными коррупционными по своей природе. Вторые могут и не отвечать признакам коррупционного преступления, однако имеют с ним неразрывную связь при наличии определенных условий. Такая связь выражается в следующем: коррупционное преступление является условием совершения преступления коррупционной направленности (например, ст. 174, 174.1 УК РФ), облегчают его совершение, способствуют его совершению, направлены на сокрытие. На наш взгляд, подобный подход существенно сужает сферу борьбы с коррупцией. Преступления, совершенные с неочевидным корыстным мотивом, по причинам иной личной заинтересованности (например, нецелевое расходование бюджетных средств – ст. 285.1 УК РФ), по содержанию отвечают всем признакам коррупционных преступлений, имеют схожие характер и степень общественной опасности. Распространение на преступления, совершенные из иной личной заинтересованности, признаков коррупционных преступлений, позволит сформировать единую модель противодействия не только «классическим» взяткам и подкупам, но и прочим должностным и управленческим злоупотреблениям.

На основании вышеизложенного предлагаем в целях повышения эффективности противодействия коррупции:

1) внести изменения в Особенную часть уголовного закона, а именно дополнить примечание к ст. 285 путем указания, что коррупционным преступлением в настоящем Кодексе признаются виновно совершенные деяния, посягающее на интересы государственной власти, основы государственной службы или службы в органах местного самоуправления либо на законные интересы коммерческих или некоммерческих организаций, а равно совершенные

лицами, наделенными специальными управленческими полномочиями в силу закона, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, с корыстным мотивом или в связи с иной личной заинтересованностью, предписав возможность применения данного примечания к нормам, размещенным в иных главах УК РФ;

2) дополнить п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» словами: «а равно из иной личной заинтересованности»;

3) внести изменение в ст. 146 БК РФ путем отсылки к ст. 285 УК РФ в новой редакции (денежные средства, конфискованные в результате совершения коррупционного преступления);

4) внести изменения в ст. 104.1 УК РФ путем указания на то, что конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора о совершении коррупционного преступления в соответствии с примечаниями к ст. 285 УК РФ;

5) дополнить Перечень коррупционных преступлений указанием на возможность их совершения не только по корыстным мотивам, но и из иной личной заинтересованности.

Как представляется, названные изменения соответствуют социально-экономической реальности и отвечают требованиям ясности, определенности и недвусмысленности правовых норм.

Список источников:

1. Иванчин А. В. О новой антикоррупционной норме (статья 200.7 УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы XVIII междунар. науч.-практ. конф. М.: РГ-Пресс, 2021.
2. Коренная А. А. Принцип экономии уголовно-правового воздействия как концептуальная основа реформирования уголовного закона // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 23–25.
3. Букалерева Л. А., Копылов М. Н. К вопросу о понятии «коррупционное преступление» // Общество и право. 2012. № 1. С. 105–109.
4. Кузьмин Н. А. К вопросу о необходимости закрепления в действующем законодательстве понятия «коррупционное преступление» // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 196–198.
5. Фролова Е. В. Уголовно-правовой анализ коррупционных преступлений // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 3–2. С. 236–238.
6. Борков В. Н. Коррупционное преступление как основной элемент системы коррупционных отношений // Современное право. 2015. № 4. С. 114–119.
7. Есаков Г. А. К концепции единых служебных преступлений // Закон. 2022. № 4. С. 25–33.
8. Кириллов К. М. Понятия коррупции и коррупционной преступности: доктринально-правовой подход // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 1. С. 108–111.
9. Прозументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–24.
10. Алферовская Е. О. Специальный субъект коррупционного преступления // Вестник Воронежского университета. Сер. Право. 2018. № 1. С. 197–206.
11. Артемьева М. В. Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 43–47.
12. Матвеев И. В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 70–78.
13. Лопашенко Н. А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 21–34.

Информация об авторе

В. А. Полтарыхин – заместитель начальника управления – начальник отдела организации деятельности территориальных подразделений ЭБиПК, полковник полиции

Information about the author

V.A. Poltarykhin – Deputy Head of the Department – Head of the Department for organizing the activities of territorial divisions of the EBiPK, Police Colonel

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 54–61.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):54–61.

Научная статья
УДК 343.9.01

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Илья Викторович Никитенко

Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск
dfvnii@mail.ru

Аннотация. На основании аналитического обзора основных подходов, возникающих проблем и перспектив развития криминологической типологии преступности представлены авторские суждения о данной методике исследования преступности. Существующие подходы к криминологической типологии преступности как к методу научного познания данного явления нередко сводятся к упрощенной и недостаточно обоснованной классификации на условные виды и категории. В основе же подобных градаций – сугубо формальные, не раскрывающие сущности того или иного типа преступности признаки. Считаем, что дальнейшее развитие теоретических и прикладных основ типологии преступности является одним из перспективных направлений отечественной криминологии.

Ключевые слова: детерминанты, криминология, криминогенные факторы, методология познания, преступность, типология, типы преступности, уголовное право

Для цитирования: Никитенко И. В. Криминологическая типология преступности: основные подходы, проблемы, перспективы развития // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 54–61.

Original article

CRIMINOLOGICAL TYPOLOGY OF CRIMINALITY: MAIN APPROACHES, PROBLEMS, DEVELOPMENT PROSPECTS

Илья В. Никитенко

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk
dfvnii@mail.ru

Abstract. Based on an analytical review of the main approaches, emerging problems and prospects for the development of criminological typology of crime, the author's judgments on this methodology of crime research are presented. The existing approaches to criminological typology of crime, as a method of scientific cognition of this phenomenon, are often reduced to a simplified and insufficiently substantiated classification into conditional types and categories. At the heart of such gradations are purely formal signs that do not reveal the essence of a particular type of crime. It is likely that the further development of the theoretical and applied foundations of the typology of crime is one of the promising areas of domestic criminology.

Keywords: determinants, criminology, criminogenic factors, methodology of cognition, criminality, typology, types of crime, criminal law

For citation: Nikitenko I. V. Criminological typology of criminality: main approaches, problems, development prospects // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):54–61.

Рассуждая о криминологических аспектах типологии преступности целесообразно напомнить, что этот научно-аналитический метод стал применяться в социологии еще в начале XIX в. А поскольку криминология – это одно из направлений научного знания о социальных процессах*, такой способ познания занял достойное место в науке о преступности, как, впрочем, и многие другие, традиционные для социологии методы изучения сложных социальных явлений. Разработку данной методики и внедрение в научный оборот термина «типология» связывают с известным французским философом и обществоведом Анри Бельвилем [1, с. 157].

Обобщая многочисленные суждения, можно прийти к выводу, что типология представляет собой, один из интегративных способов научной систематизации общественных процессов, в основе которого лежит группирование исследуемых явлений или же, напротив, их расчленение с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа.

В основу подобных дифференциаций или интеграций положены типологические критерии, а именно, условный признак либо совокупность признаков, позволяющих относительно точно идентифицировать те или иные явления, объекты, категории.

Результаты типологических сопоставлений и последующих обобщений часто направлены на методологическое обеспечение решения многих исследовательских задач. Так, например, в криминологии нередко прибегают к типизации личности преступника или же, напротив, личности жертвы преступного посягательства. В зависимости от характера исследования выделяют различные типы криминогенных факторов или детерминант преступности.

* Известно, что во многих странах, чьи правовые системы основаны на принципах общего (прецедентного) права (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США и т. д.), традиционная криминология рассматривается как социология преступности. Аналогичную позицию разделяют криминологи и в других странах, где, собственно, и зародилась классическая криминология в ее современном виде (Франция, Бельгия, Нидерланды и т. д.). Примечательно и то, что иногда социологию преступности рассматривают как часть криминологии, опирающуюся для познания преступности на юридическую психологию, антропологию, другие науки. Представляется, что подобный подход имеет существенные недостатки и противоречия. Вместе с тем основателем социологии преступности можно считать франко-бельгийского ученого Адольфа Кетле (1796–1874), который исследовал преступность как объект социолого-эмпирического наблюдения, опираясь на статистические сведения (с 1827 г. во Франции сложилась практика публиковать данные судебной статистики). Подобная практика заимствована и другими европейскими странами.

Целесообразно также отметить, что и сама преступность, составляющая основу предмета криминологии, часто становится предметом типологического анализа, позволяющего выявлять и систематизировать наиболее характерные свойства тех или иных преступлений, которые в последующем могут объединяться по родовым и видовым признакам в определенные категории и группы.

Возвращаясь к такому принципиальному вопросу, как теоретические основы криминологической типологии преступности, необходимо напомнить о широком разнообразии мнений и подходов к дифференциации либо интеграции неких совокупностей преступлений, совершенных за условный период времени на определенной территории*.

Принятая в криминологии пространственно-временная парадигма преступности дает все основания к ее типологии через установление соответствия определенным географическим и временным критериям. Так, географические критерии типологии преступности позволяют определить ее типовые свойства относительно имеющих криминологическое значение характеристик определенного территориального образования, в пределах которого, собственно, и проводится мониторинг преступности.

На основе географических критериев преступность рассматривают как относительно глобальное явление в масштабах отдельных государств, а иногда и государственных объединений, например, СНГ. Однако при этом необходимо отметить, что масштабирование преступности по географическим признакам должно иметь разумные пределы и опираться на реальные цели и границы исследования. В связи с этим будет справедливым предположение о наличии зависимости между особенностями преступности и масштабами ее территориальных идентификаций. Иными словами, чем больше территориальный охват при типологии преступности на основе географических критериев, тем сложнее выделить ее характерные особенности. Иллюстрируя подобный вывод на конкретном примере, можно вспомнить о криминологических исследованиях особенностей преступности в пределах крупных территориальных образований. Так, относительно административно-территориального устройства современной России криминологические оценки преступности могут охватывать территории федеральных округов и еще более крупных условных территориальных единиц (например, европейская или азиатская часть России). Однако необходимо учитывать, что выявление количественных или качественных особенностей преступности в подобных масштабах весьма затруднительно ввиду схожести либо универсальности самих критериев подобных оценок. Поэтому более скромным вариантом типологии преступности на основе географических характеристик являются попытки ее обособления в масштабах отдельных регионов. Тем более, в современной отечественной криминологии все чаще упоминается о региональном компоненте преступности, а соответственно и о ее региональных особенностях с опорой на конкретные географические единицы (например, Дальневосточный, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский регионы и т. д.) [2].

Примечательно, что исследования, направленные на выяснение региональных особенностей преступности, часто ограничиваются мониторингом показателей этого явления и выявлением общих и специфических криминогенных факторов в субъектах Российской Федерации либо в пределах федеральных округов, а точнее, в их административных границах.

Последующее же обобщение собранной информации позволяет прийти к выводам о наличии или отсутствии искомых региональных особенностей преступности. С опорой на типологический метод систематизации исследуемых объектов можно констатировать, что подобные территориальные особенности могут рассматриваться как один из критериев типологии преступности. Однако не следует отождествлять основанную на выявлении

* В криминологии феномен «преступность» представляется как пространственно-временная модель, сформированная из условной совокупности преступлений определенного вида или же общего массива преступлений, совершенных на определенной территории за условный период времени.

региональных особенностей типологию преступности и криминологическую типологию территорий. Очевидно, что это взаимосвязанные, но в то же время различные предметы криминологической идентификации.

Так, цели криминологической типологии территорий, основанной на выяснении, последующем обобщении и систематизации определенных территориальных характеристик, которые имеют криминологическое значение, могут рассматриваться в качестве криминогенных факторов или детерминант преступности. К имеющим криминологическое значение свойствам тех или иных территорий можно отнести пограничный статус; транзитный и логистический статус, а также миграционную привлекательность тех или иных административно-территориальных образований; уровень урбанизации населенных пунктов, а именно преобладание городских агломераций или сельской местности; демографические особенности и некоторые другие факторы. Например, исследователи обращают внимание на взаимосвязь между некоторыми направлениями экономической, производственной и внешнеторговой деятельности, которые наиболее развиты в определенных регионах России, и видами трансграничных преступлений, совершаемых в этих регионах [3, с. 61–62].

Одним словом, к указанным криминологическим свойствам территорий можно отнести все те, которые влияют на воспроизводство преступности и вместе с тем позволяют отнести такую территорию к определенному, имеющему криминологическое значение типу (например, приграничная, трансграничная, транзитная, территория с преобладанием полиэтничного или моноэтнического населения и т. п.) [4].

С точки зрения совершения преступлений в пределах приграничных территорий сопредельных государств, на которые в соответствии с Федеральным законом «О Государственной границе Российской Федерации» распространяется особый правовой статус пограничных зон, выделяют весьма специфичную разновидность совокупности преступлений, называемую трансграничной преступностью.

Схожие криминологические черты имеет феномен транснациональной преступности, определяемой криминологами как совокупность преступлений, направленных против интересов нескольких государств. Однако, согласно ст. 3 Конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности», принятой резолюцией № 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г., пространственно-географические критерии транснациональной преступности сформулированы весьма условно, без уточнения, какие именно государственные территории могут быть охвачены подобной преступностью. В связи с этим можно предположить, что трансграничная преступность может рассматриваться как конкретно определенная в своих территориальных границах составляющая транснациональной преступности.

Переходя от пространственно-географических к временным критериям типологии преступности, можно отметить, что в современной криминологии так и не сформировалось четкой градации относительно продолжительности либо периодичности рассматриваемого явления. Очевидно, что условные временные границы, в пределах которых проводятся мониторинговые исследования преступности, влияют на ее разные статистические показатели, позволяющие рассчитать в основном количественные свойства преступности, а именно динамику, удельный вес, объем, коэффициент или уровень. На основании таких количественных измерений можно прийти к выводам и о некоторых качественных характеристиках исследуемого явления. Например, знания об удельном весе определенного сегмента преступности позволяют говорить о ее структуре. В свою очередь, сведения, определяющие динамику, объем либо коэффициент преступности, дают возможность рассчитать такой специфический показатель, как «цена» преступности, то есть совокупный размер вредоносных последствий, находящихся в причинной связи с этим явлением.

Однако имеющие прикладное значение временные критерии преступности не используются криминологами в качестве критериев ее типологии. Предположительно, данное

обстоятельство вызвано методологическими сложностями, связанными с возможностью группирования рассматриваемого явления на основании однородных свойств, определяемых его временными границами. Однако научная целесообразность подобного подхода к типологии преступности сегодня ставится под сомнение. Вместе с тем, современной криминологии известен один из вариантов типологии криминальных явлений на основе критериев периодичности, продолжительности и цикличности рассматриваемых процессов. Речь идет о так называемой «сезонной преступности», которая напрямую связана с определенными временами года и характерными для этих периодов криминогенными факторами. Следует признать, что подобный способ группирования нельзя рассматривать исключительно с позиций времени. Скорее, он имеет комплексный характер, определяемый сезонной сменяемостью природно-климатических и других сезонных условий, которые оказывают влияние на состояние преступности.

Наиболее типичным примером использования в прикладной криминологии такого временного критерия, как продолжительность, являются попытки рассмотрения преступности с позиции условных временных периодов, на основании которых рассчитываются некоторые динамические показатели этого явления и оформляются учетно-статистические фонды в специальных информационных аналитических подразделениях правоохранительных органов (например, ГИАЦ МВД России). Кроме того, условно продолжительные периоды мониторинга преступности используются в так называемых прогностических расчетах. Для этих целей служит условная градация измерений преступности в следующих периодах: краткосрочном (от одного года до трех лет); среднесрочном (от 3 до 5 лет) и долгосрочном (от 5 до 10 лет). В частности, такая периодизация используется в прогнозах на основе метода экстраполяции, когда результаты мониторинговых исследований состояния преступности в прошлом могут быть распространены (экстраполированы) в условное будущее. При этом считается, что от длительности наблюдений в предыдущие периоды зависит достоверность прогнозируемых событий. Иными словами, чем длительнее период мониторинговых исследований преступности в прошлом, тем вероятнее совпадение экстраполируемых явлений в будущем. Однако было бы неверно рассматривать условные периоды, в пределах которых наблюдались и оценивались те или иные криминальные явления в качестве временных типологических критериев. Подобная периодизация используется как один из методологических инструментов, позволяющих конкретизировать временные границы наблюдений за состоянием преступности.

Подводя итоги краткого аналитического обзора основных подходов к типологии преступности в формате пространственных и временных критериев, а также связанных с этим процессом методологических проблем, целесообразно отметить, что данное направление криминологических исследований имеет непреходящее теоретическое и прикладное значение, потенциал которого как метода научного познания сегодня явно недооценен и используется не в полной мере.

Переходя от пространственно-временных к иным критериям типологии преступности, следует отметить, что вопреки динамичному развитию отечественной криминологии на рубеже XX–XXI в. так и не сформировалась методика, основанная на единых и общепринятых критериях. Вместе с тем, на фоне общих недостатков в типологии преступности значительное развитие получила криминологическая теория личности преступника с возможностями градаций подобных личностей на определенные типы [5, 6]. Однако вопросы, связанные с типологией личности преступника, – за пределами предмета данного исследования.

В связи с адаптацией типологической теории к современной криминологии сформировалось мнение, что типология преступности сводится к выяснениям наиболее значимых свойств тех или иных криминальных явлений, которые позволяют идентифицировать подобные явления с позиций общих родовых либо видовых качеств [7, с. 54–59].

С позиции философии тип преступности может рассматриваться как «самостоятельное и весьма мобильное, регрессивное и безличностное явление, порождаемое противоречиями сферы жизнедеятельности общества, негативными обычаями и нравами, существующими в ней, и проявляющееся не только в однородной массе преступлений, но и в социальных последствиях этой сферы, в воспроизводстве тех же, но уже видоизмененных противоречий и обычаев этой же сферы» [8].

Согласно этой концепции, типы преступности должны согласовываться с теми противоречиями в отдельных сферах жизнедеятельности общества, которые, в сущности, и детерминируют соответствующие преступления.

По мнению О. В. Старкова, «основанием для построения типологии преступности служит та или иная социальная сфера, чьи противоречия не только отделяют один тип преступности от другого, но и порождают его, и в ней отражаются его же последствия. В сфере жизнедеятельности общества можно выделить и ее тип социального бытия, и ее тип общественного сознания» [9]. Так, например, по этому основанию можно выстроить следующую классификацию типов преступности [10].

1. Экономическая преступность имеет свои корни в сфере экономики, в противоречиях хозяйственного механизма, а также в негативных обычаях и традициях экономического сознания.

2. Пенитенциарная – произрастает на ниве исполнения уголовных наказаний, ее причины заключены прежде всего в самых разнообразных противоречиях между позитивными целями и функциями уголовных наказаний и негативными последствиями их назначения и исполнения, а также в преступных обычаях и традициях.

3. Бытовая преступность коренится в сфере жизнедеятельности людей по месту их жительства, т. е. и в противоречиях между сферами коммунального и домашнего быта, между трудовой и жилищно-бытовой сферами и т. п., а также в негативных бытовых обычаях и традициях.

4. Политическая – в борьбе за власть, в античеловеческих политических нормах, обычаях.

5. Досуговая – в противоречиях культуры, между рациональным использованием свободного времени, что поощряется обществом, и коммерческими интересами, когда предлагается и пользуется спросом запретный плод, который всегда сладок, в антисоциальных досуговых обычаях и традициях.

6. Религиозная – в экономических, конфессиональных и т. п. противоречиях сферы религиозного бытия, между обычаями, традициями мировых религий и сект, легальных и нелегальных.

Можно выделить и другие типы преступности.

Весьма примечательно, что существующие подходы к типологии как к одному из методов научного познания нередко сводятся к упрощенной и недостаточно обоснованной классификации на условные виды и категории. В основе же подобных градаций – сугубо формальные и не раскрывающие глубинную сущность того или иного типа преступности признаки.

Существует мнение, что типология преступности может основываться на демографических критериях, соответствующих половым или возрастным признакам личности преступников. На основе возрастных характеристик выделяют преступность несовершеннолетних и геронтологическую преступность, которую иногда называют преступностью пожилых; на основе половых характеристик – мужскую либо женскую преступность. Вероятно, что подобный подход к типологии преступности является обычной криминологической условностью не только с позиций методологии познания, но и с точки зрения законов формальной логики. Так, условные типы преступности, например, преступность несовершеннолетних или геронтологическая преступность могут иметь и иные основания классификации внутри каждого типа, например, первичная либо повторная преступность несовершеннолетних. То же можно сказать и о преступности пожилых людей, только вместо повторной к данной категории преступности, ввиду известных уголовно-правовых обстоятельств, применимо понятие рецидивной преступности пожилых.

При рассмотрении пространственно-временных, демографических, социально-правовых критериев типологии преступности затрагиваются наиболее общие, если не сказать, метафизические аспекты классификации этого явления по определенным типам. Однако прикладная криминология, в формате которой реализуются мероприятия, направленные на систематизацию отдельных категорий преступлений и преступности в целом, воплощенные в разнообразных формах криминологической статистики, часто апеллирует к тем типологическим критериям, которые позволяют рассматривать преступность с позиций решения конкретных криминологических задач. В связи с этим целесообразно напомнить, что главная функция криминологии состоит в предупредительном воздействии на преступность с позиций нейтрализации криминогенных факторов, а при необходимости, и ослабления вредоносного потенциала криминальной опасности. Очевидно, что эффективная реализация подобных задач возможна при условии четкого понимания, какие криминологические меры наиболее эффективны в отношении того или иного типа преступности. Таким образом, наряду с пространственными и временными, демографическими и социально-правовыми критериями типологии преступности, выделяют ее типы, основанные на субъективных признаках состава преступления, а именно форме вины и преступной мотивации. Относительно критериев, связанных с формой вины, выделяют умышленную либо неосторожную преступность. По характеру криминальной мотивации выделяют корыстную преступность, преступность по мотивам негативных предубеждений или вражды, криминальный экстремизм и его наиболее опасное проявление в форме терроризма.

По общности некоторых специальных характеристик (принадлежность к определенной социальной группе, род занятий или профессии, уровень криминализации) субъектов тех или иных преступлений, составляющих тип преступности, выделяют преступность мигрантов, преступность военнослужащих, профессиональную и рецидивную преступность.

Существует мнение, что по этому же критерию следует выделять те типы преступности, которые ранее были определены как преступность несовершеннолетних или преступность пожилых, женская или мужская преступность. Однако более вероятным представляется то, что данные типы преступности прежде всего соответствуют демографическим критериям, позволяющим выделить типы преступности относительно пола и возраста субъектов преступлений.

Данное суждение основано на том, что типология преступности должна опираться, как уже было отмечено ранее, на те из критериев, которые сами по себе являются исходными для более конкретизированных подходов к классификациям. Например, типы преступности, основанные на критериях принадлежности преступников к определенному полу либо возрастной категории, могут стать исходной классификацией для исследований на более конкретных (уточняющих) уровнях, таких как организованные формы преступности несовершеннолетних, мужская преступность мигрантов и т. п. Однако установление основополагающего или исходного статуса того или иного критерия типологии преступности представляется весьма условным и вызывает дискуссии. Вероятно, что окончательный выбор в пользу признания исходными те или иные критерии остается за самими исследователями. Подобный выбор должен соответствовать не только законам формальной логики, но и учитывать характер и специфику самих исследований, в которых типология преступности используется как метод научного познания.

В итоге аналитического обзора основных подходов к криминологической типологии преступности и проблем в этой сфере следует отметить, что данная область криминологии следует за развитием общественных отношений, технологий и новых криминальных вызовов.

Очевидно, что за развитием новых сфер жизнедеятельности общества и технологий эволюционирует и преступность, что отражается на типологии этого явления. В настоящее время криминологии известны такие категории, как преступность в сфере цифровых технологий или киберпреступность, криптопреступность, миграционная преступность и т. п. Вероятно, что динамично меняющийся мир еще не раз удивит криминологов.

Дальнейшее развитие теоретических и прикладных основ типологии преступности является одним из перспективных направлений отечественной криминологии.

Список источников

1. Типология и классификация в социологических исследованиях / отв. ред. В. Г. Андреенков, Ю. Н. Толстова. М.: Наука, 1982.
2. Никитенко И. В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности Азиатской части России: дис. д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2015. – 416 с.
3. Исаченко Е. А. Влияние региональных факторов на трансграничную преступность // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 59–63.
4. Никитенко И. В. Криминологическая типология территорий Азиатской части России в контексте региональной специфики миграционных процессов // Научный портал МВД России. 2014. № 4(28). С. 50–54.
5. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. – 364 с.
6. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. – 168 с.
7. Типология и классификация в социологических исследованиях.
8. Старков О. В., Башкатов Л. Д. Криминология. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 424 с.
9. Там же.
10. Там же.

Информация об авторе

И. В. Никитенко – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии

Information about the author

I. V. Nikitenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of criminal law and criminology

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; принята к публикации 02.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; accepted for publication 02.05.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).
С. 62–66.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
2(63):62–66.

Научная статья
УДК 343.915

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Виктория Валерьевна Мальченкова

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул
malchenkovev@mail.ru

Аннотация. Преступность несовершеннолетних остается одной из составных частей преступности в целом, но также она имеет и свои индивидуальные особенности, что дает возможность рассмотреть ее в качестве самостоятельного объекта изучения. Как известно, в ходе формирования личности происходит накопление опыта, существующие в обществе нормы, моральные установки и принципы либо принимаются несовершеннолетним, либо не принимаются. Если несовершеннолетний противопоставляет себя окружающим, то это может выражаться в девиантном и противоправном поведении.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность несовершеннолетних, вовлечение в преступную деятельность.

Для цитирования: Мальченкова В. В. Некоторые вопросы преступности несовершеннолетних // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 62–66.

Original article

SOME ISSUES OF MINOR CRIME

Victoria V. Malchenkova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul
malchenkovev@mail.ru

Abstract. Juvenile delinquency remains one of the components of crime in general, but also has its own individual characteristics, which makes it possible to consider it as an independent object of study. As is known, during the formation of personality, experience is accumulated, the norms, moral attitudes and principles existing in society are either accepted by minors or are not accepted. If a minor opposes himself to others, then this can be expressed in deviant and illegal behavior.

Keywords: minors, juvenile delinquency, prevention of involvement in criminal activities.

For citation: Malchenkova V. V. Some issues of minor crime // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):62–66.

В России 2023 год объявлен годом педагога и наставника. Поддержка учителей, педагогов, наставников на таком высоком уровне подчеркивает то, насколько важна и ценна их работа. Главная задача учителей, педагогов и наставников – это воспитание подрастающего поколения, привития им чувства уважения к традициям и нормам морали и нравственности своей страны, чувства патриотизма, уважения к истории своей страны, подвигам старшего поколения и героев нашего времени, соблюдения законодательства. Проводя воспитательные мероприятия, учителя, педагоги и наставники, уделяют внимание и профилактическим мероприятиям, направленным на недопущение участия несовершеннолетних в антиобщественных молодежных объединениях, совершения несовершеннолетними правонарушений и преступлений.

Между тем, в 2020 г. выявлено 33575 несовершеннолетних, совершивших преступления, в 2021 г. – 29126, в 2022 г. – 26305 несовершеннолетних*. Приведенные статистические данные соответствуют общей тенденции снижения преступности в стране, но несовершеннолетние стали совершать больше корыстно-насильственных преступлений, проявляя неоправданную жестокость в отношении потерпевших, которыми нередко становятся сверстники, одноклассники, близкие родственники.

Для преступности несовершеннолетних, в отличие от взрослой преступности, характерна высокая степень динамичности. Также необходимо указать на латентность данного вида преступности, которая связана с несколькими причинами, в том числе и с нежеланием потерпевших обращаться в полицию. При этом для одних несовершеннолетних в качестве превенции противоправного поведения достаточно профилактической беседы, а для других такое снисхождение приведет к тому, что они будут чувствовать себя безнаказанными и совершать новые преступления, в большинстве случаев более тяжкие и дерзкие, циничные и жестокие.

Часто взрослые не придают значения фактам жестокого обращения несовершеннолетних с животными, а это первые проявления агрессии. Жестокое обращение с животными нередко отражается на психике личности, что, в свою очередь, приводит к ее деградации, становится предпосылкой совершения тяжких преступлений. В доказательство того, что большинство серийных убийц изначально издевались над животными, можно привести историю Николая Дудина. За февраль-июнь 2002 г. он убил 13 человек, жертвой первого убийства стал его отец. С детства Николай подвергался издевательствам со стороны своего отца, Аркадия Дудина, который избивал мальчика и брал на охоту, где заставлял убивать животных и разделять туши, что оказало большое негативное влияние на психику. Николай объяснял позднее, что он расправлялся с теми, кто пытался его «унизить или оскорбить»**.

В связи с этим целесообразно отметить, что «самодетерминация является одним из фундаментальных свойств преступности и особенно преступности несовершеннолетних ввиду известных психологических и ментальных особенностей подростков, связанных с разными этапами формирования личности (юношеский максимализм и отрицание любых норм, способных ограничивать мнимую свободу; личностная противоречивость; стремление войти в деструктивные сообщества; подражание воображаемым авторитетам, особенно тем, которые демонстрируют силу, жестокость, нарочитый цинизм и другие подобные качества)» [1]. Большинство экспертов отмечает, что именно в подростковой преступной среде проявляется особенно ревностное отношение к криминальным традициям и нетерпимость к тем, кто становится на путь исправления.

* Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 06.01.2023).

** URL: <https://www.eg.ru/society/738874-kakim-bylo-detstvo-samyh-jestokih-seriynyh-ubiyc-i-manyakov-21-veka-083565/> (дата обращения: 06.01.2023).

Встав на путь совершения противоправных деяний, подростки трудно поддаются исправлению и перевоспитанию. Формирование отрицательных черт у несовершеннолетних находит свое отражение в интенсивном изменении его сознания, в проявлении неоправданной жестокости по отношению к сверстникам, людям старшего возраста. В сети Интернет немало видеосюжетов, демонстрирующих такое поведение несовершеннолетних [2].

Несовершеннолетние являются постоянными интернет-пользователями, что способствует вовлечению их в совершение преступлений, в частности, в распространение наркотических средств. Распространяя наркотические средства, в том числе и среди сверстников или младших по возрасту лиц, указанная категория воспринимает данную преступную деятельность как возможность быстрого получения денежных средств. Такие подростки осознают противоправность данных действий, при этом не испытывают чувства вины.

Проблеме вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений необходимо уделить особое внимание. Так, в 2019 г. по ст. 150 УК РФ осуждено: ч. 1–172 чел., ч. 2–32 чел., ч. 3–9 чел., ч. 4–120 чел.; в 2020 г. осуждено: по ч. 1–132 чел., по ч. 2–32 чел., по ч. 3–10 чел., по ч. 4–92 чел.; в 2021 г. осуждено: по ч. 1–127 чел., по ч. 2–29 чел., по ч. 3–5 чел., по ч. 4–110 чел.* Приведенные статистические данные свидетельствуют о стабильном количестве совершения особо квалифицированного состава преступления, подчеркивая повышенную общественную опасность совершенных действий со стороны вовлекающего в преступную деятельность. При совершении преступлений несовершеннолетние чаще всего находятся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. К употреблению алкогольных напитков, наркотиков несовершеннолетних приобщают взрослые, которые сами употребляют алкоголь или продают данную продукцию несовершеннолетним.

Одной из особенностей подростковой преступности является групповой характер совершаемых противоправных действий. Довольно часто подростки, склонные к деструктивному поведению, объединяются в группы. Подросток, входящий в состав такой группы и получивший криминальный опыт, впоследствии легко подчиняет себе более слабых сверстников, часто являясь организатором совершения преступлений.

Также к числу острых проблем следует отнести повторное совершение преступлений несовершеннолетними. Одной из причин такого явления можно считать назначение судами во многих случаях вместо реального условного наказания. Однако следует отметить и то, что в период отбывания наказаний в пенитенциарных учреждениях происходит дополнительная криминализация несовершеннолетних**.

Закон требует от суда при решении вопроса об ответственности учитывать особенности личности подростка, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, а также обстоятельства, предусмотренные ст. 89 УК РФ, в том числе влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц***. При назначении условного наказания в большинстве случаев несовершеннолетние остаются в той же антисоциальной обстановке, подвергаясь дальнейшему влиянию старших, ведущих криминальную деятельность, а также не испытывают чувства вины за содеянное общественно опасное деяние.

Нередко несовершеннолетние, чтобы избежать уголовной ответственности за совершенные общественно опасные деяния, перекадывают вину на других соучастников, проявляют лживость и изворотливость.

* Судебная статистика. URL: <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 06.01.2023).

** Никитенко И. В. Гуманизация исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии (организационно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД РФ, 2002. – 23 с.

*** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.07.2021 № 11-УД21-20-К6. URL: <http://www.consultant.ru>.

В тех случаях, когда несовершеннолетние, совершившие преступление, не поддаются исправлению и перевоспитанию, суды должны применять к ним реальные меры наказания, для того чтобы развеять у них миф о том, что они могут избежать уголовной ответственности.

Самой распространенной причиной совершения преступления несовершеннолетними является семейное неблагополучие, отсутствие заботы со стороны родителей, бесконтрольность, ненадлежащее воспитание, аморальное поведение родителей, употребление ими алкогольных напитков и наркотических средств, а также насилие в семье.

К семьям, имеющим социально негативные свойства, можно отнести семьи, в которых мать или отец лишены родительских прав. В России, по данным ТАСС, ежегодно более 60 тыс. граждан лишаются родительских прав. Таким образом, на протяжении длительного периода времени несовершеннолетние, чьих родителей лишили родительских прав, вынуждены проживать в неблагополучной обстановке. Дети, находящиеся в неблагополучных семьях, слишком рано начинают вести себя противоправно.

Следует обратить внимание и на такие явления, безнадзорность и беспризорность, которые также влияют на свершение преступлений несовершеннолетними. Между безнадзорными и беспризорными несовершеннолетними существует некое различие. Оно состоит в том, что безнадзорный ребенок находится со своими родителями или иными законными представителями, но предоставлен самому себе из-за отсутствия заботы и внимания к нему со стороны взрослых, а беспризорный ребенок оторван от своей семьи и не имеет постоянного места жительства, фактически предоставлен сам себе. Именно эти несовершеннолетние часто попадают под влияние более опытных преступников или становятся потерпевшими от преступных посягательств. Безнадзорность и беспризорность сильно сказывается на формировании аморального образа мышления и противоправного поведения несовершеннолетнего, воспринимающего асоциальное поведение старших в качестве нормы.

Активное участие в подготовке и реализации мероприятий по социализации несовершеннолетних с девиантным поведением должны принимать правоохранительные органы, внештатные сотрудники полиции, профильные министерства и ведомства, педагоги профессиональных училищ и техникумов, общественные объединения.

Еще одной немаловажной причиной распространения преступного образа поведения несовершеннолетних является увеличение числа неформальных молодежных объединений, пытающихся популяризировать идеи экстремизма и национализма, пропагандирующих насилие, свободные отношения между представителями различных полов, допустимость употребления наркотиков и различных сильнодействующих веществ, устойчивость антисоциальных установок.

Сотрудники полиции проводят мероприятия, направленные на выявление, предупреждение и пресечение деятельности антиобщественных молодежных формирований, в том числе в интернет-пространстве, а также на установление их неформальных лидеров и проведение с ними профилактической работы и мерах по защите несовершеннолетних от криминальных проявлений и по предотвращению их вовлечения в противоправную деятельность, а также предотвращению возможных происшествий в образовательных учреждениях.

В образовательных организациях с учащимися и родителями необходимо проводить лекционные мероприятия по вопросам ответственности за участие несовершеннолетних в незаконных публичных мероприятиях, доведения требований законодательства в области противодействия экстремистской и террористической деятельности, об уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний.

Совместно с администрациями образовательных организаций сотрудники полиции предпринимают дополнительные меры к повышению уровня осведомленности о склонных к деструктивному поведению несовершеннолетних, а также причисляющих себя к объединениям противоправной направленности, пропагандирующих идеологию и взгляды

криминальных субкультур. В целях недопущения совершения противоправных действий со службами безопасности, частными охранными организациями, техническим персоналом, осуществляющим охрану образовательных организаций, проводятся инструктажи с алгоритмом действий учащихся, преподавательского состава и персонала образовательных организаций при вооруженном нападении на образовательную организацию.

Проблема совершения преступлений на территории школ, а именно массовых убийств сверстников и учителей, в последнее время стоит особенно остро. Несовершеннолетние, вовлеченные в деструктивные группы антиобщественной направленности, подражая лидерам молодежных субкультур, использующих IT-технологии для демонстрации противоправного поведения, совершают нападения на учителей и сверстников, активно обсуждают подобные действия в социальных сетях, считая такое поведение допустимым с точки зрения закона, норм морали и нравственности.

В целях недопущения совершения указанных преступлений с применением несовершеннолетними оружия необходимо организовывать проведение оперативно-профилактических мероприятий по выявлению фактов незаконного оборота оружия. Полученную информацию целесообразно применять для дальнейшего ее использования в оперативно-служебной деятельности в целях превенции противоправного поведения несовершеннолетних. Не допускать фактов участия несовершеннолетних, занимающихся спортом, в том числе лиц, состоящих на профилактическом учете в ПДН, в деструктивных организациях и сообществах. В ходе мониторинга социальных интернет-сетей необходимо устанавливать несовершеннолетних, которые на своих интернет-страницах выкладывают информацию деструктивного характера, а также случаи примыкания несовершеннолетних к молодежным объединениям экстремистской направленности.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что преступность несовершеннолетних при значительном ее распространении требует целенаправленных и решительных мер по ее предупреждению. В этом случае все субъекты профилактики преступного поведения несовершеннолетних должны уделять внимание подросткам, при этом не дублировать действия друг друга, а взаимодополнять, учитывая использование современных IT-технологий представителями криминального сообщества для вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и совершение преступлений.

Список источников

1. Никитенко И. В. Гуманизация исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии: вопросы теории и практики: монография. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2005. – 175 с.
2. Мальченкова В. В., Мальченков Е. В. К вопросу о жестокости несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы восемнадцатой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2020. Ч. 2. URL: https://case.asu.ru//files/form_312-37962.pdf.

Информация об авторе

В. В. Мальченкова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Information about the author

V. V. Malchenkova – kandidat nauk, degree in Pedagogik Agreee in Pedagogik, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 03.05.2023.

The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 03.05.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).
С. 67–73.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
(2/63): 67–73.

Научная статья
УДК 343.9

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Лейсан Рафиковна Назмеева

Казанский юридический институт МВД России, Казань
nazmeevalr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты криминологической характеристики личности преступника, осуществляющего незаконную предпринимательскую деятельность. Изучение криминологических аспектов личности выступает исходным этапом для оптимизации процесса разработки мер противодействия, планирования тактических операций и хода раскрытия незаконного предпринимательства.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, личность преступника, криминологическая характеристика, предпринимательская деятельность

Для цитирования: Назмеева Л. Р. Незаконное предпринимательство: криминологические аспекты личности преступника // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 67–73.

Original article

ILLEGAL BUSINESS: CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL

Leysan R. Nazmeeva

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan
nazmeevalr@mail.ru

Abstract. The article deals with the main aspects of the criminological characteristics of the personality of a criminal engaged in illegal business activities. The study of criminological aspects of personality is the starting point for optimizing the process of developing countermeasures, planning tactical operations and the progress of uncovering illegal business.

Keywords: illegal entrepreneurship, criminal personality, criminological characteristics, entrepreneurial activity

For citation: Nazmeeva L. R. Illegal business: criminological aspects of the personality of the criminal // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; (2/63): 67–73.

В современных условиях развития рыночной экономики особое значение приобретает эффективность функционирования института предпринимательства. Предпринимательская деятельность*, удовлетворяя интересам потребителей, выступает важнейшим двигателем экономического роста, бизнес-средой для внедрения инноваций и обеспечивает экономическую стабильность, благосостояние всех сфер жизни общества.

В 2021 г. в России на 8,3 %, возросло количество трудоспособного населения, уровень общей предпринимательской активности в 2020 г. составил 13,1 %, в 2021 г. – 11,6%**.

Формирование благоприятной среды для предпринимательства основывается на социокультурных, политических и экономических контекстах, оказывающих влияние на инструменты финансирования предпринимательства, на направления государственной политики, на развитие инфраструктуры рынка.

Обострение социально-экономических противоречий, внешнее санкционное давление, отсутствие благоприятной экономической почвы, снижение экономического потенциала хозяйствующих субъектов создают предпосылки криминогенной напряженности в экономической сфере и обуславливают рост числа случаев незаконной предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 171 УК РФ, под незаконным предпринимательством понимается осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие лицензии, аккредитация в национальной системе аккредитации или аккредитация в сфере технического осмотра транспортных средств обязательны.

Согласно статистическим данным МВД РФ***, динамика незаконного предпринимательства в период с 2003 по 2022 г. характеризуется умеренностью и волнообразностью темпов ее прироста (рис. 1).

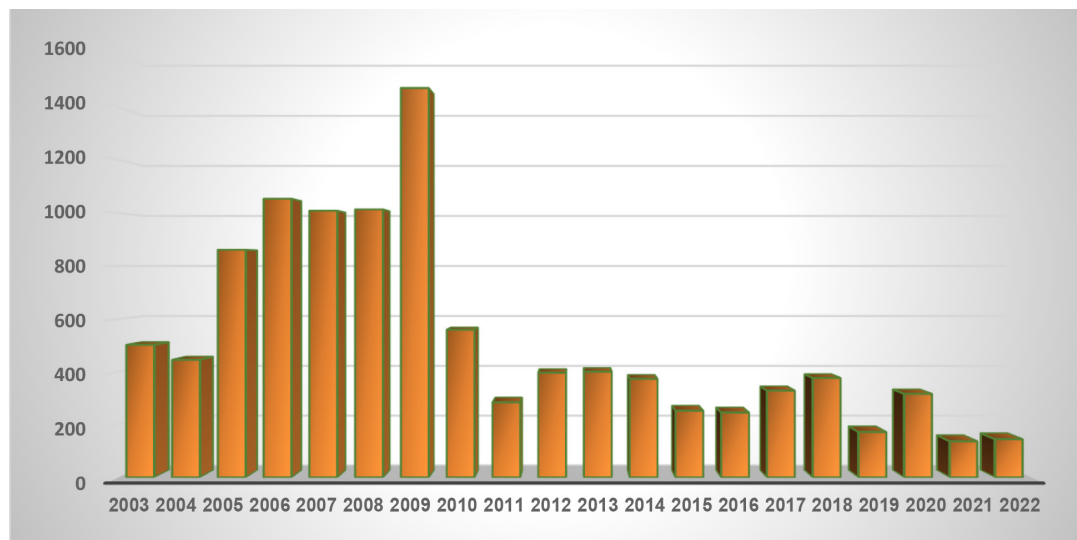

Рис. 1. Динамика зарегистрированных фактов незаконного предпринимательства за период с 2003 по 2022 г.

* Разъяснение данного понятия содержится в ст. 2 ГК РФ, из которой следует, что под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

** Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2021/2022. URL: https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/ (дата обращения: 29.01.2023).

*** Состояние преступности в России. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/> (дата обращения: 25.01.2023).

В целях минимизации совершения незаконного предпринимательства, выработки методики расследования и планирования тактических операций по их раскрытию правоохранительными органами особую актуальность приобретает изучение особенностей личности преступника, ее мотивации и иных характеризующих качеств. Анализ криминологической характеристики лица, осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность, способствует правильному пониманию причин и условий совершения конкретного преступления, исследованию процессов формирования механизма преступного поведения.

В научных трудах авторами раскрываются различные подходы к определению сущности личности преступника, поскольку в терминологии отражаются характерные свойства и признаки лица, совершающего общественно опасное деяние. Так, В. В. Лунеевым предлагается в структуре личности преступника выделять две интегрированные социальные характеристики, а именно: социально-демографическую и социально-психологическую [1, с. 32]. Ю. А. Ковалева под личностью преступника понимает совокупность свойств социально-психологического характера и качеств, которые составляют причины и условия совершения преступлений [2, с. 115].

В связи с этим полагаем в основу криминологического анализа личности преступника, совершающего преступления в сфере предпринимательской деятельности, включить социально-демографические, нравственно-психологические и социально-профессиональные свойства и качества преступника.

Из анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2018 г. по июнь 2022 г.* следует, что совершаются данные преступления в большинстве случаев лицами мужского пола (90 %). Доля женщин в совершении таких преступлений снижается (рис. 2). Понижение уровня благосостояния и неблагоприятные условия для жизни способствуют совершению активных предпринимательских действий со стороны женщин, а в кризисных условиях в экономической сфере они демонстрирует особую предусмотрительность в предпринимательском поведении.

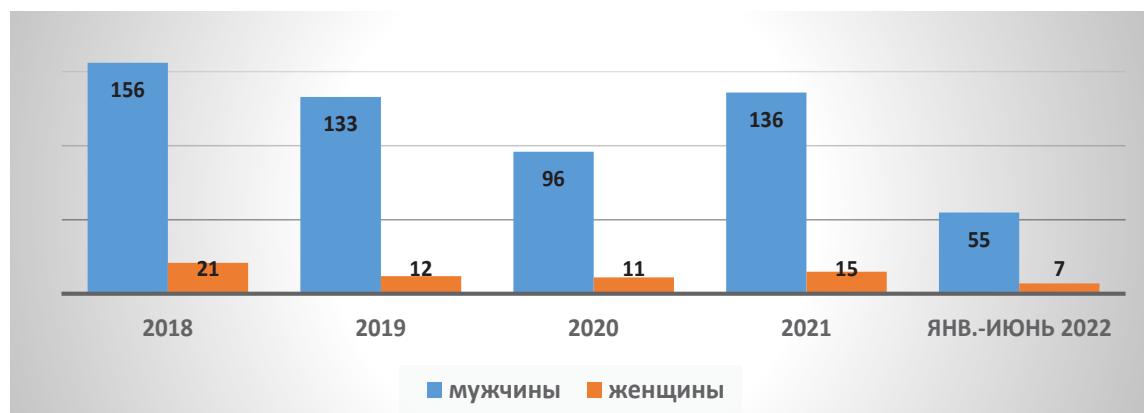

Рис. 2. Долевое соотношение лиц, совершивших преступления в сфере экономики, по признаку пола

Высокий процент совершения преступления лицами мужского пола обусловлен быстрой адаптацией к изменяющимся экономическим условиям, умением сохранять оптимальное функционирование психики в изменяющихся обстоятельствах, обладанием специфическими знаниями в экономической области с целью достижения результатов в криминальной сфере и высоким уровнем криминализации бизнеса, нецивилизованной конкуренцией в сфере предпринимательства [3, с. 61].

* Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.01.2023).

Большинство лиц, причастных к незаконному предпринимательству, принадлежит к возрастной группе от 30 до 49 лет* (рис. 3). Данный факт обуславливается отнесением незаконного предпринимательства к категории «высокоинтеллектуальных» преступлений, что подразумевает необходимость обладания высоким уровнем знаний и навыков, полученных в результате обучения. Указанная возрастная группа характеризуется обладанием устойчивым характером восприятия внешней действительности, укрепившимися деловыми связями, отличным знанием действующего порядка организации предпринимательства в России и за рубежом [4, с. 73].

Доля лиц от 18 до 24 лет относительно небольшая. Эти лица уже вступают в сознательную взрослую жизнь, но еще не обладают достаточным уровнем знаний в экономической области (студенты высших и средних специальных образовательных заведений или выпускники школ). Представляется, что реализация криминальных наклонностей вышеуказанной категорией лиц проявляется в осуществлении посреднических услуг и различных торговых операций в группе с лицами, обладающими преступными навыками в сфере незаконного предпринимательства [5, с. 61].

Отсутствие доли несовершеннолетних (от 14 до 17 лет) объясняется сложностью совершения рассматриваемых преступлений, недостаточностью уровня знаний и возможностей для реализации преступного умысла.

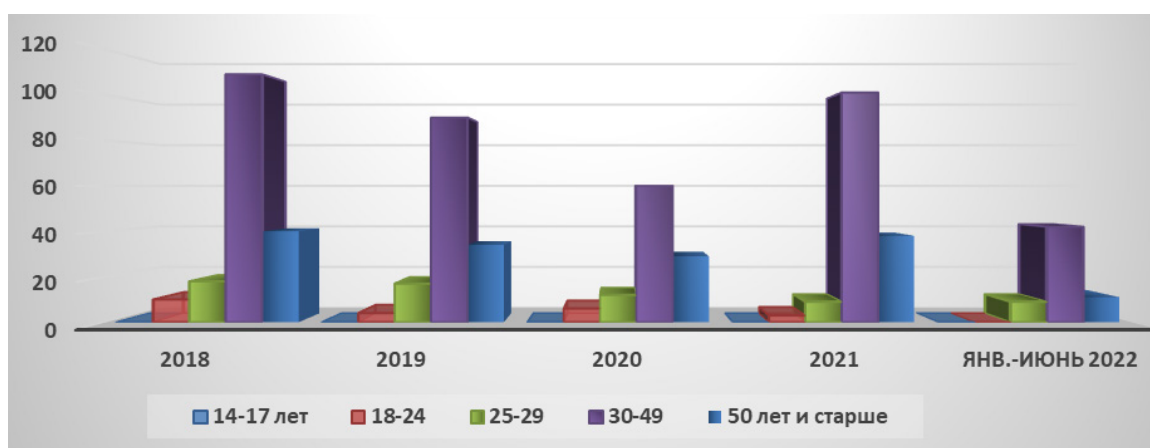

Рис. 3. Долевое соотношение лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательства, по возрастному признаку

В ходе исследования социально-психологических характеристик профессии особое значение приобретает профессиональная идентичность и образовательный уровень. Профессиональная идентичность выступает показателем профессионального развития личности.

Согласно статистическим данным, на момент совершения преступления 61,4 % лиц осуществляли предпринимательскую деятельность или участвовали в предпринимательской деятельности; 11,3 % – являлись служащими коммерческой или иной организации, 18,8 % – не имели постоянного источника дохода, 0,8 % – являлись государственными и муниципальными служащими, 1,9 % – нетрудоспособными**.

Различный социальный статус обусловил возможность злоупотребления своим положением лицам, имеющим постоянное место работы, желание получения материальной выгоды лицам, не имеющим постоянного места работы. Отличительным фактором участия должностных лиц в незаконной предпринимательской деятельности выступает наличие длительного стажа работы,

* Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

** Там же.

позволяющего использовать сложившиеся в процессе деятельности служебные и деловые связи, а также глубоких специфических знаний в своей области деятельности, отсюда латентность данных преступных деяний [6, с. 114].

Важным аспектом в характеристике личности выступает степень образованности лиц, осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность, их профессионально-квалификационный потенциал. Исследования показывают, что образовательный уровень лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности, является высоким, поскольку требует использования специфических знаний, ранжирования жизненных приоритетов, реализации возможностей и оценки жизненных целей, а также профессионализма в экономической области. Так, из числа выявленных лиц высшее образование имели 54 %, среднее профессиональное – 19 %, среднее общее – 25 %, основное общее – 2,5 %* (рис. 4). Динамичность роста активности группы лиц с высшим образованием обуславливается реагированием на ежегодные изменения в экономической ситуации и воздействием неблагоприятных социально-экономических условий на возможность получения криминального источника заработка посредством совершения незаконного предпринимательства.

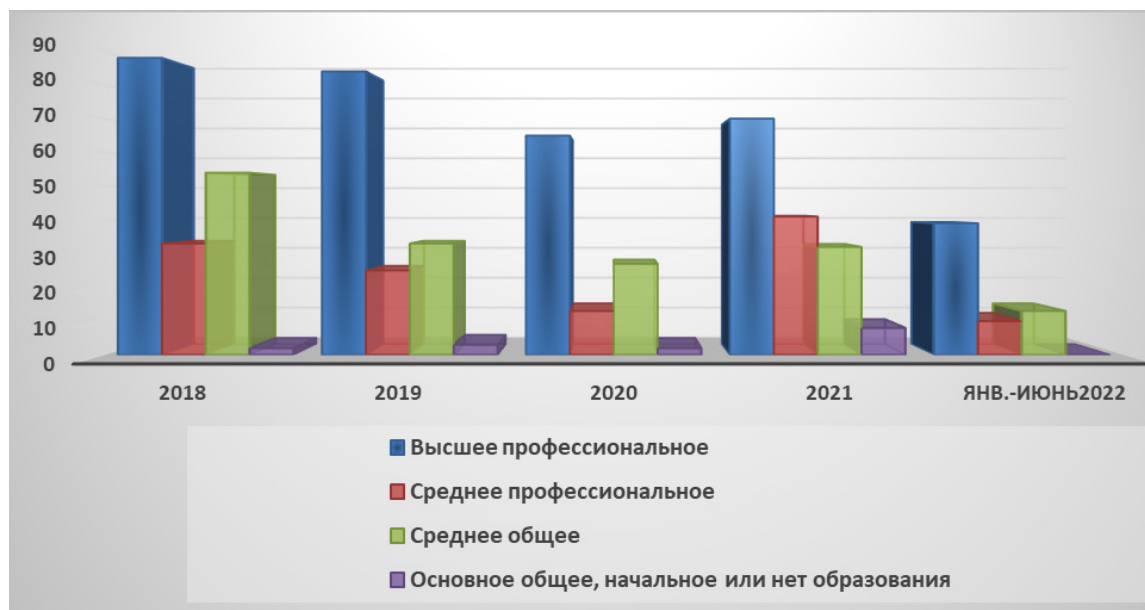

Рис. 4. Долевое соотношение лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности, по критерию «образование»

Семейное положение лиц, совершивших преступления, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью, выступает показателем наличия значительного морального и социального стабилизирующего фактора и показателем отсутствия неблагоприятной социальной микросреды [7, с. 191–192]. Изучение судебной практики по материалам уголовных дел за период с 2019 по 2022 г.** свидетельствует, что среди названных лиц, состоящих в браке, 75 % имеют детей, в том числе одного – 25 %, двоих – 33 %, троих и более – 15 %.

Примечательно, что основная масса лиц (более 90 %), осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность, ранее не привлекалась к уголовной ответственности, и менее 10 % таких лиц имели судимость***.

* Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

** Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.02.2023).

*** Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Анализ судебной практики по материалам уголовных дел свидетельствует о совершении преступлений рассматриваемой категории лицами, принадлежащими к последовательно-криминогенному типу (81 %), т. е. ситуация для совершения преступного деяния активно создается самими предпринимателями. При этом для 11 % лиц решающим фактором, обуславливающим совершение преступления, является пребывание лица в неблагоприятной среде. Другие 8 % лиц относятся к ситуативному (вынужденному) типу, для которых особое значение приобретает наличие определенных изъянов в алгоритме взаимодействия социальной среды и личности в сложной ситуации, в том числе и в результате неподготовленности к ней личности [8, с. 352].

Мотивом совершения рассматриваемой категории преступлений выступает получение материальной выгоды, возможность накопления значительного капитала.

Личность преступника, совершающего преступления в сфере предпринимательской деятельности, обладает индивидуальной моделью, которой присущи типичные социально-психологические особенности, поскольку формирование характерных черт лица осуществляется под систематическим воздействием в течение всего периода жизнедеятельности социальных, политических, экономических, идеологических факторов. Для совершения данных преступлений требуется тщательная подготовка, изучение специфики и конъюнктуры рынка и др.

Таким образом, изложенное позволяет представить многогранность личности незаконного предпринимателя, выделив его характерные черты. В основном это лица мужского пола в возрасте от 30 до 49 лет с высоким образовательным уровнем, демонстрирующие активную вовлеченность в предпринимательские инициативы, обладающие интеллектуальным потенциалом, способные принимать ответственные решения в области предпринимательской деятельности. Кроме того, эти лица в большинстве случаев состоят в браке и имеют детей, к уголовной ответственности ранее не привлекались.

Список источников:

1. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. Общая часть: в 3 кн. Кн. 3: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. – 413 с.
2. Ковалева Ю. А. Личность преступника в криминологической науке // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 4(34). С. 115–118.
3. Петухов П. Б. Личность незаконного предпринимателя (на примере Челябинской области) // Право и государство: теория и практика. 2011. № 12(84). С. 60–64.
4. Калашников В. С., Рахматуллин З. Р. Некоторые вопросы криминалистической характеристики личности преступника, осуществляющего незаконную предпринимательскую деятельность // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 71–75.
5. Петухов П. Б. Указ. соч.
6. Нескородова И. С. Криминологическая характеристика лиц, осуществляющих незаконное участие в предпринимательской деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 113–115.
7. Гармаш А. М. О некоторых криминологических аспектах личности преступника, совершающего преступления в сфере предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 190–193.
8. Кистанова И. Е. Криминологический анализ незаконного предпринимательства в России // Государство и право: мат-лы 59-й междунар. науч. студ. конф. Новосибирск, 12–23 апреля 2021 г. Новосибирск: Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т, 2021. С. 351–352.

Информация об авторе

А. Р. Назмегва – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел

Information about the author

L. R. Nazmeeva – kandidat nauk, degree in Economic, Senior Lecturer of the Department of Economics, Financial Law and Information Technologies in the Activities of Internal Affairs

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 17.05.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 74–79.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):74–79.

Научная статья
УДК 343.98

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В АЛГОРИТМИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Николай Евгеньевич Мерецкий^{1,2}

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск

² Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск
ugpd@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы использования методов криминалистической идентификации при исследовании следов и объектов, обнаруженных при проведении следственных действий. Даются рекомендации по анализу информации, полученной в период идентификационной деятельности следователя в ходе раскрытия и расследования преступлений. При обнаружении преступного события предполагается исследовать доказательственную и ориентирующую информацию в целях изобличения субъекта, совершавшего преступление.

Ключевые слова: идентификация, расследование, преступление, экспертиза, планирование, субъект, алгоритмизация

Для цитирования: Мерецкий Н. Е. Возможности применения криминалистической идентификации в алгоритмизации раскрытия и расследования преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 74–79.

Original article

APPLICATION POSSIBILITIES FORENSIC IDENTIFICATION IN THE ALGORITHMIZATION OF THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Nikolay E. Meretskiy^{1,2}

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk

² Far Eastern State University of Railways, Khabarovsk

© Мерецкий Н. Е., 2023

Abstract. The article discusses some problems of using methods of forensic identification in the study of traces and objects found during investigative actions. Provides recommendations on the analysis of information obtained during the identification activity of the investigator in the course the disclosure and investigation of crimes. During the detection of a criminal event, it is proposed to investigate evidentiary and orienting information in order to expose the subject who committed the crime.

Keywords: identification, investigation, crime, expertise, planning, subject, algorithmization

For citation: Meretskiy N. E. Application possibilities forensic identification in the algorithmization of the disclosure and investigation of crimes // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):74–79.

При изучении следов, обнаруженных следователем на месте преступления, и действий субъекта преступления, возникает необходимость в установлении причинной связи между ними. Вполне вероятно, что они взаимосвязаны и напрямую зависят от объективных условий, которые способствуют получению информации, достаточной для решения идентификационных задач расследования. Следует отметить, что анализируя имеющуюся информацию о совершенном преступлении, работники правоохранительных органов должны мысленно исключить все возникшие противоречия, способствовавшие наступлению вредных последствий. Успешное раскрытие и расследование преступления во многом зависит от того, насколько быстро проводятся следственные действия после совершения преступления.

Следователь или дознаватель при проведении определенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий на первоначальном этапе расследования преступления должен продумывать направление дальнейшего расследования, которое обусловлено сложившейся следственной ситуацией, зависящей от информационной сущности обнаруженных следов. В том случае, когда следователь (дознаватель) на первоначальном этапе не имеет достоверных сведений о совершенном преступлении, но обнаружены следы и проведено их идентификационное исследование, возникает необходимость в планировании действий работникам правоохранительных органов таким образом, чтобы в итоге получить дополнительную доказательственную информацию.

Планирование расследования, по нашему мнению, целесообразно начинать с оценки имеющейся на данный момент следственной ситуации, которая может быть как благоприятной, так и неблагоприятной. Практика показывает, что последовательность проведения планируемых следственных действий, регистрационных и оперативно-розыскных мероприятий зависит от той информации, которая находится в распоряжении следователя. Имеющиеся в распоряжении работников правоохранительных органов объекты преступной деятельности, полученные в результате работы по уголовному делу, должны подлежать идентификационному анализу. Сохранение информации в обнаруженных следах может осуществляться посредством, во-первых, предупреждения какого-либо постороннего вмешательства в ход расследования; во-вторых, предупреждения активного изменения обстановки; в-третьих, применения тактических приемов производства следственных действий; в-четвертых, предварительного идентификационного исследования следов в целом.

В связи с этим содержание деятельности следователя на первоначальном этапе расследования во многом определяется исследованием обнаруженных объектов. Кроме того, необходимо учитывать, что вещественные доказательства, могут изучаться не только на предварительном следствии, но и в ходе судебного разбирательства. Таким образом, сохранение идентификационной информации во времени зависит от круга обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и может влиять на качество проведения следственных действий с участием специалистов соответствующих структурных подразделений правоохранительных органов, которые смогут дать необходимые рекомендации в закреплении имеющихся доказательств.

Из изложенного следует, что информацию, содержащуюся в материальных идеальных следах, необходимо использовать на протяжении всего периода расследования преступления, вплоть до вынесения судом приговора.

Любое расследование преступления обременено проведением следственных действий и иных мероприятий (включая оперативно-розыскные), которые способствуют полной идентификации поступившей в распоряжение следователя информации. Полученный в распоряжение работников правоохранительных органов материал позволяет выдвигать версии и планировать осуществление определенных действий, направленных на задержание субъекта, совершившего противоправное деяние.

Постоянно подвергая критическому анализу имеющиеся сведения, следователь тем самым диагностирует данные, находящиеся в его распоряжении, с механизмом преступления. Кроме того, в этот период следователь может произвести предварительную проверку имеющейся информации и выявить конкретные данные, указывающие на субъект преступления, квалифицируя его по тем диагностическим и идентификационным признакам, которые поступили в его распоряжение в период работы по уголовному делу.

Так, 5 октября 2022 г. в результате возникшей ссоры между гр. К. и В. последний нанес около тридцати ударов руками и ногами гр. К., а затем взял палку, которая находилась на месте избиения, и методично стал наносить удары, пока тот не скончался. На предварительном следствии и в судебном заседании гр. В. пояснил, что находился в сильном алкогольном опьянении и ничего не помнит. Назначенная и проведенная идентификационная экспертиза установила, что на деревянной палке имеются следы рук, принадлежащие гр. В., а пятна бурого цвета на ее поверхности оставлены от черепно-мозговых повреждений гр. К. Суд принял во внимание предъявленные доказательства и определил, что избиение осуществил гр. В., а не иное лицо*.

Сталкиваясь с различными ограничениями в получении непроверяемых доказательств (отсутствие подозреваемого или обвиняемого; противодействие расследованию преступником, а также со стороны заинтересованных лиц; процессуальная неопределенность информации и т. д.) в период расследования преступления, следователь может путем логического сопоставления сведений, находящихся в уголовном деле, установить потенциального преступника.

Решить сложившуюся в данный период задачу возможно только при грамотном проведении соответствующих следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, а также при планировании работы и хорошо налаженном взаимодействии всех лиц, участвующих в раскрытии и расследовании преступления. Обозначенная функция может быть достигнута, во-первых, при разработке соответствующих тактических приемов, направленных на достижение положительного результата; во-вторых, при формулировке единых взаимосогласованных мероприятий; в-третьих, при едином руководстве всей деятельностью по выявлению готовящихся преступлений или совершенных в различное время данным субъектом, но не раскрытых по разным обстоятельствам.

Эта система сложная, но она имеет то преимущество, которое позволяет в одном плане расследования сосредоточить компактный материал для проведения каждого следственного действия, что в итоге облегчает процесс расследования. Кроме того, преимущество этой системы заключается в том, что при ознакомлении с имеющимися материалами (например, заключение эксперта или итоги розыска субъекта, совершившего преступление, и т. д.) возможно проследить за тем, как, во-первых, развивались преступные события; во-вторых, как выдвигались и проверялись версии по расследованию преступления; в-третьих, каким образом появилось в уголовном деле то или иное доказательство, как оно было проверено; в-четвертых, какие противоречия возникали в показаниях тех или иных допрошенных по делу лиц, как они устранялись.

* Из приговора Индустриального районного суда г. Хабаровска № 1–195/2023 от 15.03.2023.

Поэтому одно из ведущих мест среди многообразия форм и методов, используемых следователем в расследовании, занимает концентрация информации, полученной из различных источников, в том числе в результате проведения экспертиз. Но у этой системы появятся определенные недостатки, если ее не дифференцировать применительно к той информации, которая появляется в результате проведения следственных действий, или к условиям расследования.

Кроме того, в зависимости от характера объекта, в отношении которого проводится расследование, может возникнуть необходимость в приобщении к делу других следов или вещественных доказательств. Так, при расследовании дел о пожаре в производственном или культурно-бытовом помещении существенное значение могут иметь: предписание проверки МЧС, справки-свидетельства о том, что лица, допущенные к плановой проверке, имеют соответствующее образование, прошли курсы повышения квалификации и сдали установленный техминимум; выписки из журнала о плановой проверке пожарной безопасности и т. п. В этом случае следователь должен привлекать различного рода специалистов для проведения исследования. Естественно, необходимо использовать специальные знания эксперта, применяющего в своей практике различные формы идентификации.

Когда следователь привлекает эксперта с целью проведения идентификационного исследования, то он может на достаточном уровне, во-первых, проанализировать имеющуюся информацию; во-вторых, разработать и выдвинуть версии, необходимые для решения задач расследования; в-третьих, установить причины и условия, связанные с конкретными обстоятельствами преступления. Кроме того, в этом случае следователь должен исследовать не только сам факт совершения правонарушения (преступления) и условия, способствующие его реализации, а также обстановку, в которой ему предстоит расследовать преступное событие. В связи с этим содержание деятельности следователя на начальном этапе расследования во многом определяется кругом обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Важное место в процессе доказывания при раскрытии и расследовании преступления занимают криминалистическая идентификация и диагностика. В результате разработанных методов устанавливается тождество объектов, участвовавших в преступной цепочке обстоятельств, способствовавших совершению противоправных действий. Анализ и моделирование всех обстоятельств позволяют восстановить картину происшедшего преступления, найти и определить свойства объекта. По цепочке обнаруженных вещественных доказательств у работников правоохранительных органов возникает возможность установить и идентифицировать причинно-следственные связи, которые повлияют на построение следственных версий, оперативных мероприятий и решение ситуационных задач.

Использование идентификации в моделировании совершенного преступления позволяет совершенствовать как имеющиеся приемы, так и разрабатывать тактические комбинации при доказывании. Следует отметить, что на первоначальном этапе расследования наблюдается взаимосвязь диагностического исследования обнаруженных следов с идентификационным установлением субъекта, оставившего их. В дальнейшем в период моделирования обстановки, предшествующей преступлению, необходимо осуществить детальное планирование расследования. Опыт следователя, эксперта или специалиста (в зависимости от вида поставленных перед ними задач) играет немаловажную роль в дальнейшей работе по уголовному делу.

Практика показывает, что основная работа при раскрытии и расследовании преступления осуществляется в первоначальный период, когда большинство информации отсутствует и субъект, его совершивший, неизвестен. В силу этого моделирование планирования в обозначенный период используется для построения версий, основанных на информации и доказательствах, полученных при обнаружении материальных или информационных следов. Мысленное моделирование применяется, во-первых, в случаях, когда отсутствует возможность обнаружить или тщательно изучить объект, при этом желательно использовать аналогию, например, при проведении следственного эксперимента использовать иной

объект (прежний был разрушен в результате строительства, реконструкции или уничтожения при стихийном бедствии и т. д.); во-вторых, при проведении целенаправленных действий, например, при проведении проверки показаний на месте или при допросе и т. д.; в-третьих, в практике проведения экспертных исследований, например, специалист, в случае необходимости, может провести экспертный эксперимент.

Важной особенностью мысленного моделирования на первоначальном этапе расследования является изучение непознанных событий, скрытых связей, не выявленных обстоятельств в период анализа действий субъектов, участвовавших в преступном событии. Однако на этапе судебного следствия «изменяется тактика процессуальных действий, может измениться сочетание методов исследования, но сами эти методы остаются теми же, что и на стадии предварительного расследования, так как они являются методами познания, процесс которого носит всеобщий характер» [1, с. 16]. Следовательно, моделирование может быть материализованным в виде составления схем, например, схем движения транспортных средств в динамике, чертежей, макетов и т. д. Иными словами, возможности применения криминалистической идентификации и диагностики при моделировании деятельности работников правоохранительных органов, участвующих в раскрытии и расследовании преступлений, могут быть более широкими, и не только в первоначальный период, но и в дальнейшей работе по уголовному делу в целом.

Составленная модель алгоритма расследования окажет содействие следователю или суду сконцентрировать следственный материал и не допустить его распыления в том случае, если расследуются сложные дела, состоящие из ряда эпизодов, причем, если не в каждом эпизоде участвуют одни и те же обвиняемые, хотя в целом все эпизоды преступной деятельности обвиняемых объединяет единством намерения, например, дела о бандитизме, организованном расхищении государственного имущества и т. д. По делам такого рода применяется систематическое моделирование алгоритма расследования.

Иными словами, алгоритмизация расследования позволяет сгруппировать все спланированные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия либо в хронологическом, либо в уголовно-процессуальном, либо в тематическом порядке, т. е. по мере предъявления доказательств обвиняемому. Расположение планируемых действий внутри алгоритма должно во всяком случае обеспечивать ясное представление о том, как следует разворачивать следствие и почему желательно проводить те или иные следственные действия в определенном порядке. При такой системе можно минимизировать ошибки, допускаемые в ходе расследования, которые обусловлены, во-первых, небольшим опытом работы следователей и оперативных работников; во-вторых, отсутствием взаимодействия и игнорированием мнения коллег при необходимости обмена наработанной информацией между различными ведомствами и подразделениями правоохранительных органов; в-третьих, недостаточным владением криминалистическими научными знаниями.

Частичная или полная утрата идентификационной информации из-за неприменения любого основного или вспомогательного метода, используемого в алгоритмизации расследования, одинаково усложняет доказывание по делу. В этом, по нашему мнению, заключается познавательная функция осуществления идентификационного и диагностического моделирования расследования, которое, по сути дела, является комплексным исследованием обстановки и обстоятельств совершенного преступления.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, разработанные рекомендации проведения идентификационных и диагностических исследований позволят осуществлять надлежащее предварительное расследование и судебное следствие.

Во-вторых, предлагаемая полномасштабная схема реализации идентификационных и диагностических задач, решаемых следственными органами на первоначальном этапе расследования преступлений, может создать систему, которая в дальнейшем окажет помощь следователю в задержании субъекта, совершившего преступление или правонарушение.

В-третьих, во избежание безосновательного возбуждения уголовных дел необходимо исследовать все обнаруженные объекты и проводить по ним диагностический, а затем идентификационный анализ с последующим оперированием при доказывании вины или невиновности подозреваемого лица.

В-четвертых, алгоритмизация расследования позволит разрабатывать тактические комбинации при раскрытии и расследовании большинства преступных деяний.

Список источников:

1. Белкин Р. С., Белкин А. Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М., 1997. – 160 с.

Информация об авторе

Н. Е. Мерецкий – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД РФ; заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения

Information about the author

N. E. Meretskiy – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia; Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern State University of Railways

Статья поступила в редакцию 19.05.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 19.05.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 80–85.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):С. 80–85.

Научная статья
УДК 343.98

НЕВЕРНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ВЫЯВЛЕНИЕ

Елена Ильинична Попова^{1,2}

¹ Институт права Башкирского государственного университета, г. Уфа

² Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета, г. Иркутск
popovaelena03@yandex.ru

Аннотация. Проблемы неверной квалификации преступных посягательств привлекают внимание большого числа исследователей. Автор анализирует понятие ошибок и квази-ошибок при квалификации действий лица, подвергающегося уголовному преследованию. Подчеркивается, что очевидность умышленно допущенных квалификационных ошибок может и не скрываться от целого ряда субъектов – профессиональных участников уголовного судопроизводства. Обозначаются и раскрываются типичные причины квалификационных ошибок и квазиошибок: 1) стереотипность мышления правоприменителя и один из его результатов – нераспознаваемость преступлений; 2) отсутствие у правоприменителя необходимых криминалистических знаний и навыков их применения; 3) намеренно неверная квалификация содеянного, связанная с обвинительным и оправдательным уклонами. Называются пути профилактики и минимизации квалификационных ошибок и квазиошибок.

Ключевые слова: квалификационная ошибка, квазиошибка, следователь, прокурор, судья, юридическое мышление

Для цитирования: Попова Е. И. Неверная квалификация преступных посягательств: причины, последствия, выявление // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 80–85.

Original article

MISCLASSIFICATION OF CRIMINAL OFFENSES: CAUSES, CONSEQUENCES, DETECTION

Elena I. Popova^{1,2}

¹ Institute of Law of Bashkir State University, Ufa

² East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk
popovaelena03@yandex.ru

Abstract. The problems of incorrect qualification of criminal offenses attract the attention of a large number of researchers. The author analyzes the concept of mistakes and quasi-errors in qualification of actions of the person under criminal prosecution. It is emphasized that the obviousness of intentionally made qualification errors may not be hidden from a number of subjects – professional participants of criminal proceedings. Typical causes of qualification errors and quasi-errors are outlined and disclosed: 1) stereotypical thinking of the law enforcer and one of its results – unrecognizability of crimes; 2) lack of necessary criminalistic knowledge and skills of their application; 3) intentionally wrong qualification of the offense, associated with accusatory and exculpatory bias. Ways to prevent and minimize qualification errors and quasi-faults are named.

© Попова Е. И., 2023

Keywords: qualification error, quasi-error, investigator, prosecutor, judge, legal thinking

For citation: Popova E. I. Misclassification of criminal offenses: causes, consequences, detection // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):80–85.

«Не ошибается тот, кто ничего не делает». Это выражение, ставшее крылатым и известное во всем мире, как нельзя лучше указывает на некоторые аспекты человеческого бытия. Вряд ли будет преувеличением сказать, что хотя бы единожды в жизни ошибался каждый взрослый человек. Ошибки допускаются в различных сферах, в том числе в рамках уголовного судопроизводства сотрудниками правоохранительных органов и судьями. В связи с этим известный советский правовед М. С. Строгович еще в 80-е гг. XX в. отмечал, что «... право на ошибку ниоткуда не вытекает ни в юридическом, ни в этическом отношении. Судебные ошибки были, имеются сейчас и с их возможностью приходится считаться в будущем. Но права судей на ошибку, равно как право на ошибку следователей и прокуроров при расследовании и разрешении уголовных дел не существует, такого права не было раньше, нет сейчас и не будет в дальнейшем» [1, с. 33]. Тем не менее, ошибки, в том числе судебные, – явление достаточно распространенное. Понимая это, законодатель предусмотрел возможность пересмотра судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Разнообразие и достаточная распространенность ошибок, допускаемых в уголовном процессе, привлекали и по сей день привлекают внимание целого ряда исследователей (Б. Я. Гаврилов, Ю. П. Гармаев, Н. А. Гранат, Р. Г. Зорин, А. А. Кириллова, Н. П. Кириллова, Д. А. Назаров, М. Е. Пучковская, А. Б. Соловьев, М. С. Строгович, И. Я. Фойницкий, С. А. Шейфер, В. А. Якушин и многие другие). В настоящей публикации обратим внимание на квалификационные ошибки по уголовным делам и возможности их выявления судьями в рамках подготовки и участия в судебном разбирательстве по уголовным делам. К настоящему времени предложены разнообразные классификации таких ошибок: в зависимости от элементов состава преступления, от свойств квалифицирующего деяния, от группы (вида) преступлений, от наличия (отсутствия) информации об ошибке у правоохранительных органов, от структуры УК РФ [2, с. 27]. Известны и многие иные классификации.

В настоящее время под ошибкой, как правило, понимается непреднамеренное, случайное отклонение от правильных действий, поступков, мыслей, разница между ожидаемой или измеренной и реальной величиной*. В приведенном и многих других определениях, подчеркивается неумышленный характер ошибочных действий и решений. В связи с этим интересны рассуждения профессора В. В. Сверчкова: «Если имеет место упущение в следственно-судебной практике, неточность, искажение, недоработка при квалификации предусмотренного уголовным законом деяния, использовании мер уголовно-правового характера, то такую неправильность в мыслях и поведении следует именовать ошибкой применения уголовного закона» [3, с. 1406]. Продолжая свою мысль, автор отмечает: «В данном контексте умышленное принятие не соответствующего закону, необоснованного решения целесообразно назвать квазиошибкой, поскольку первая часть сложного слова – «квази» (от лат. *quasi* – якобы, как будто, будто бы) – означает «лже...», «ложный», «мнимый», «ненастоящий». Умышленная неправильность в мыслях и поведении, по внешним признакам напоминающая ошибку, маскируемая злочинец под ошибку, – не что иное, как ложная ошибка» [4, с. 1406].

Признавая справедливость мнения В. В. Сверчкова и принимая за основу предложенную терминологию, обратим внимание на следующее. Не всегда правоприменитель предпринимает усилия для маскировки допускаемых им намеренных нарушений под ошибку. В ряде случаев очевидность умышленно допущенных квалификационных ошибок может и не скрываться

* Ошибка. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%88%D0%B8%D0%B1%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 07.02.2023).

от целого ряда субъектов. Например, о таких явлениях, как «обвинение с запасом» или «квалификация с недостатком» (излишне вмененные или, наоборот, «недовмененные» обвиняемому квалифицирующие признаки) известно, как минимум, следователю, руководителю следственного органа, надзирающему прокурору, государственному обвинителю.

В публикациях приводятся целые перечни причин квалификационных ошибок и квазиошибок. В их числе называются: несовершенство действующего уголовного закона; недостаточность и неполнота разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации отдельных видов преступлений и толкования их признаков; отсутствие единообразной информации в научно-практических комментариях, иных научных публикациях по вопросам квалификации отдельных преступлений; недостаточно интенсивный и не всегда правильный прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием; необъективное, неполное, поверхностное установление фактических обстоятельств уголовного дела; низкая квалификация правоприменителя, незнание или недостаточное знание отдельных положений науки уголовного права, руководящих постановлений Пленума Верховного Суда РФ и судебной практики, отсутствие умения верно и полно истолковывать нормы уголовного и других отраслей права; поспешность, небрежность при решении вопросов уголовно-правовой квалификации; несоблюдение законов логики при уголовно-правовой оценке деяния; недостатки в работе судов; сложность конкретной жизненной ситуации, которую надлежит преодолеть посредством применения уголовного закона; высокая нагрузка по службе; влияние на принятие решения ведомственных интересов, мнения/распоряжения руководителя правоприменительного органа, прочих должностных либо иных лиц; коррупция и пр. [5, с. 1406; 6, с. 108; 7, с. 427].

Отметим, что рассмотреть все обстоятельства, обуславливающие наличие квалификационных ошибок и квазиошибок, их выявление, устранение, профилактику в рамках одной научной публикации вряд ли возможно. В связи с этим сосредоточимся лишь на некоторых причинах, которые часто остаются без внимания ученых в области уголовного права, которые в большей степени (чем, например, представители наук уголовного процесса и криминалистики) занимаются исследованием причин, вызывающих квалификационные ошибки.

Причина № 1 – это стереотипность мышления правоприменителя и один из его результатов – «нераспознаваемость» преступлений. Ранее эта проблема становилась предметом изучения с позиций науки криминалистики и проблем правоприменительной практики. Так, например, Ю. П. Гармаев (в прошлом – следователь прокуратуры) отмечает, что «профессиональная деятельность работников правоохранительных органов (следователь, дознаватель, оперуполномоченный, прокурор, судья) во многом однообразна. В результате этого возникают несколько упрощенные, шаблонные представления о преступности и неправомерности тех или иных посягательств. Хранящиеся в памяти правоприменителя эталоны, «образцы» деяний, которые, как им подсказывает практика, точно подпадают под признаки того или иного состава, часто мешают им даже задуматься над тем, может ли быть квалифицировано как преступление то или иное общественно опасное деяние, которое они ранее не расследовали (не рассматривали). А уж если правоприменитель не может припомнить, чтобы вообще кто-либо и где-либо квалифицировал похожее деяние как преступление, то сознательно или подсознательно многие вообще отказываются обращать внимание, задумываться над этим» [8, с. 48]. Отметим, что стереотипизация мышления присуща не только сотрудникам правоохранительных органов, но и судьям. Конечным результатом нераспознаваемости является целый «букет» квалификационных и иных ошибок, связанных с невменением того или иного квалифицирующего (их) признака (ов), эпизода (ов) преступной деятельности, непривлечением к уголовной ответственности соучастников преступления (прежде всего, пособников и подстрекателей); неверным определением состава преступления и квалификации деяний, инкриминируемых лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, и т. п.

Причина № 2 – отсутствие у правоприменителя необходимых криминалистических знаний и навыков их применения. Речь идет о применении не только технико-криминалистических средств, а прежде всего тактико- и методико-криминалистических знаний. Во многом именно эта проблема обуславливает невозможность уяснения объективной картины события преступления, роли каждого из его участников и иных сопутствующих обстоятельств. Отсутствие у правоприменителя необходимых криминалистических знаний и навыков их применения обуславливает и поверхностность подготовки и реализации следственных, иных процессуальных действий, проверки и оценки их результатов. В итоге действия лица, подвергающегося уголовному преследованию, квалифицируются не по той норме Уголовного кодекса, по которой должны быть квалифицированы, если бы процесс доказывания был обеспечен надлежащим образом. В числе негативных последствий, обусловленных недостаточно эффективным использованием криминалистических знаний, средств, методов, являются и иные обстоятельства, из числа тех, что описаны выше и связаны со стереотипным мышлением и нераспознаваемостью преступных посягательств.

Причина № 3 – намеренно неверная квалификация содеянного, связанная с обвинительным и оправдательным уклонами. Обвинительный уклон часто проявляется в предъявлении обвинения «с запасом», когда обвиняемому вменяется совершение деяний, признаков которых в его действиях не усматривается либо их наличие сомнительно [9]. Согласно одной из точек зрения, обозначенное является квалификационной ошибкой [10, с. 31]. Следуя другой позиции, которую считаем более обоснованной, обвинение «с запасом» может быть проявлением следующих обстоятельств: недостаточно хорошее знание теоретических положений отрасли уголовного права и специфики судебной практики, желание предотвратить принятие на последующих этапах уголовного процесса решения о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования, приложении усилий для того, чтобы обеспечить постановление обвинительного приговора и в тех ситуациях, когда сформулированное на досудебных стадиях обвинение по тем или иным эпизодам дела в суде может не подтвердиться [11, с. 107]. Относительно этой проблемы судья Верховного Суда РФ в почетной отставке Н. А. Колоколов отмечает, что обвинительный уклон задан самой конструкцией отечественного уголовно-процессуального законодательства. Следовательно, по сути, должен предугадать объем обвинения, который даже при пассивном прокуроре устоит в суде под ударами защиты. Прокуроры на данное злоупотребление смотрят, как правило, снисходительно. Да и есть ли повод для прокурорского реагирования, задается вопросом автор, если на этапе утверждения обвинительного заключения «лишнее» обвинение само по себе должно отпасть в суде, как в подавляющем большинстве случаев и происходит [12, с. 56]. Однако, как констатирует сам Н. А. Колоколов, «лишнее» обвинение далеко не всегда выявляется и нейтрализуется. Следствием этого являются ошибки судебные, подрывающие авторитет судебной власти [13, с. 56].

В свою очередь, проявлением оправдательного уклона в деятельности сотрудников правоохранительных органов является так называемая «квалификация с недостатком». В одном из учебников по уголовному праву названный типичный недостаток правоприменительной деятельности определен как заниженная квалификация содеянного, когда не учитываются отдельные признаки, имеющие место в действительности [14]. Если вести речь об оправдательном уклоне, то следует иметь в виду не только занижение квалификации, но и шире – об определении содеянного как деяния, не подпадающего под признаки преступления (например, когда при отсутствии к тому оснований следователь определяет содеянное как малозначительное деяние [15, с. 1406]).

В целом, неверная квалификация, связанная как с обвинительным, так и с оправдательным уклоном, нередко дается правоприменителем для того, чтобы появились основания к принятию того или иного процессуального решения. В числе таковых могут быть решения: об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела по реабилитирующим (реже – по реабилитирующим основаниям), о вынесении обвинительного приговора,

о рассмотрении уголовного дела судом районного уровня, а не вышестоящим судом субъекта Российской Федерации, о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40, 40.1 УПК РФ, и др. [16, с. 62].

Для целей выявления (профилактики) неверной квалификации преступных посягательств рекомендуется, причем не только надзирающему прокурору, судье, руководителю следственного органа, но и самому следователю, для того чтобы минимизировать или исключить «брак в работе», изучать материалы уголовных дел на предмет полноты и достоверности всех обстоятельств, подтверждающих обвинение. Так, например, по делам об умышленных преступлениях кроме прочего обязательно должна быть установлена форма вины. С этой целью особое внимание необходимо уделять изучению показаний лица, подвергающегося уголовному преследованию (их вероятному изменению в процессе досудебного производства), сопоставлять их с показаниями очевидцев, протоколами следственных и иных процессуальных действий (например, протоколами задержания, осмотра места происшествия, освидетельствования, заключениями судебных экспертиз и пр.) Любые противоречия должны быть разрешены в судебном заседании, что должно найти отражение в описательно-мотивировочной части приговора (иного судебного решения).

Судьям рекомендуется уделять особое внимание на этапе назначения к судебному разбирательству и тем уголовным делам, в материалах которых содержится ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. Как показали наши многолетние исследования, типично, что по делам данной категории органами предварительного расследования допускаются ошибки квалификации действий обвиняемого*. На это обращают внимание и другие авторы. Например, прокурор Краснодарского края А. С. Степанян пишет: «Среди вступивших в законную силу и никем не обжалованных судебных решений можно найти приговоры с заниженной квалификацией либо, что еще страшнее, приговоры в отношении согласившихся с обвинением лиц, не совершавших преступлений» [17, с. 30]. Таким образом, если у судьи появились сомнения в квалификации действий обвиняемого (подсудимого), то судья должен, руководствуясь ч. 6 ст. 316 УПК РФ, прекратить рассмотрение уголовного дела по правилам гл. 40 УПК РФ и назначить судебное разбирательство в общем порядке.

Безусловно, в рамках небольшой публикации невозможно дать пространные рекомендации судьям по выявлению квалификационных ошибок. Мы можем лишь обратить внимание на отдельные вопросы в рамках обозначенной проблематики. В целом же в настоящее время правоприменителю предложен достаточно эффективный инструментарий по выявлению и даже устранению квалификационных ошибок и квазиошибок. Для этих целей могут быть использованы:

- разъяснения и решения высших судебных органов – Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации;
- обобщения (обзоры) следственной, прокурорской и судебной практики;
- методические материалы, в которых содержатся рекомендации по выявлению, нейтрализации ошибок следствия, прокурорских и судебных ошибок;
- научно обоснованные рекомендации, предложенные практике учеными – представителями наук антикриминального цикла.

Изучение и учет в рамках профессиональной деятельности сотрудниками правоохранительных органов и судьями соответствующих комплексов рекомендаций позволит минимизировать или даже избежать различного рода судебных ошибок, а значит, обеспечить принятие и вступление в силу решений судов, отвечающих критериям законности, обоснованности и справедливости.

* Попова Е. И. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 120.

Список источников

1. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984.
2. Назаров А. Д., Майорова Л. В. Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и нарушениями его запретов // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4 (75). С. 27–33.
3. Сверчков В. В. Ошибка и квазиошибка // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 3. С. 1404–1411.
4. Там же.
5. Там же.
6. Сабитов Р. А. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. 2 (2). С. 108–109.
7. Сулейманов Д. И. Ошибки в уголовном судопроизводстве или преступления против правосудия и интересов службы? // Юридические науки и образование. 2019 № 60. С. 427–438.
8. Гармаев Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2005.
9. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Буракова, В. В. Лукьянова, В. Ф. Щепелькова. 2-е изд., перераб. СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. – 764 с.
10. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007.
11. Сабитов Р. А. Указ. соч.
12. Колоколов Н. А. Обвинение «с запасом» заметила только вторая кассация // Уголовный процесс. 2020. № 3 (183).
13. Там же.
14. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Буракова, В. В. Лукьянова, В. Ф. Щепелькова.
15. Сверчков В. В. Указ. соч.
16. Попова Е. И. Проявление феномена коррекционализации по уголовным делам с перспективой рассмотрения судом в особом порядке // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 62–65.
17. Степанян А. С. Актуальные вопросы участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства // КриминалистЪ. 2015. № 1(16).

Информация об авторе

Е. И. Попова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета

Information about the author

E. I. Popova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminalistics Department of the Institute of Law of the Bashkir State University, Professor of the Department of organization of judicial and law enforcement activities of the East Siberian branch of the Russian State University of justice

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 20.02.2023; accepted for publication 09.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).
С. 86–93.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia. 2023;
2(63):86–93.

Научная статья
УДК 343.98

К ВОПРОСУ О СПОСОБЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ФРУСТРАЦИИ

Геннадий Геннадиевич Небрatenko^{1,2,3}, Ольга Викторовна Трубкина⁴

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону

³ Таганрогский институт экономики и управления, Таганрог

gennady@nebratenko.ru

⁴ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск

1234q@mail.ru

Аннотация. В представленной статье на основе анализа научной литературы, материалов правоприменительной практики и официальных статистических данных, отражающих состояние и динамику исследуемых преступлений, производится анализ криминалистически значимых психологических свойств личности несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации. Определяется ее влияние на способ их вовлечения в преступную деятельность. Раскрывается содержание типичных способов вовлечения как элемента криминалистической характеристики.

Ключевые слова: несовершеннолетние, личность преступника, вовлечение, способ, фрустрация

Для цитирования: Небрatenko Г. Г., Трубкина О. В. К вопросу о способе вовлечения в преступную деятельность несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 86–93.

Original article

TO THE QUESTION OF THE METHOD OF INVOLVING INTO CRIMINAL ACTIVITIES MINORS IN A STATE OF FRUSTRATION

Gennady G. Nebratenko^{1,2,3}, Olga V. Trubkina⁴

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don

² Don State Technical University, Rostov-on-Don

³ Taganrog Institute of Economics and Management, Taganrog

gennady@nebratenko.ru

⁴ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

1234q@mail.ru

Abstract. In the presented article, based on the analysis of scientific literature, materials of law enforcement practice and official statistics reflecting the state and dynamics of the crimes under study, an analysis is made of forensically significant psychological properties of the personality of minors in a state of frustration. Its influence on the way they are involved in criminal activity is determined. The content of typical ways of involvement is revealed as an element of forensic characteristics are presented.

Keywords: minors, offender's personality, involvement, method, frustration.

For citation: Nebratenko G. G., Trubkina O. V. To the question of the method of involving into criminal activities minors in a state of frustration // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia. 2023; (2/63):86–93.

Вопросы расследования и предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, с обязательным и неукоснительным соблюдением их прав в условиях преобладания профилактической функции, не утрачивают своей актуальности как в мировом масштабе, так и в нашей стране.

В качестве основополагающих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних представлены прогрессивная политика профилактики, систематическое изучение и выработка мер при избегании криминализации и наказания за поведение, обеспечение возможностей получения образования, удовлетворения потребностей, создание системы поддержки, обеспечивающей развитие личности, благополучия, осознание того, что, по преобладающему мнению экспертов, определение молодого человека как «нарушителя», «правонарушителя» или «начинающего правонарушителя» во многих случаях способствует развитию устойчивого стереотипа нежелательного поведения у молодых людей*.

Кроме того, при безусловном доминировании превентивных форм правоохраны противодействие правонарушениям и преступлениям несовершеннолетних официально признано одним из основных направлений политики, что получило подтверждение в Указе Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия детства».

Воспитание детей сегодня является стратегическим общенациональным приоритетом. В качестве ожидаемых результатов реализации стратегии развития воспитания в стране на период до 2025 г. предполагается обеспечение снижения уровня негативных социальных явлений и антиобщественных проявлений со стороны детей**.

В связи с этим борьба с преступностью несовершеннолетних приобретает особую актуальность при анализе официальных статистических данных МВД России, которые при регистрируемом спаде выявляемых противоправных деяний в целом свидетельствуют о высоких ее показателях. Так, в 2022 г. на территории страны 30469 преступлений совершено несовершеннолетними или при их соучастии; возросло число тяжких и особо тяжких преступлений с их участием на 2,7 %, составив 9295 случаев***.

Подавляющее количество таких деяний совершено подростками, находящимися в периоде онтогенетического развития – между детством и осознанной зрелостью, сложность которого предопределяется качественными преобразованиями и становлением нового уровня самосознания, т. е. как раз во время формирования личности и психологических особенностей характера и поведения.

Несомненно, что данный этап является для любого подростка кризисным и крайне значимым, а результат становления его личности во многом будет зависеть от того, какой человек будет находиться рядом и какое воздействие будет оказано на несовершеннолетнего. Так, приобретая чувство «взрослости», подросток начинает иным, более сознательным, по его мнению, способом строить отношения с другими людьми. Он стремится освободиться от опеки взрослых, занять достойное место в группе сверстников, подсознательно ищет своеобразный образец для подражания, в качестве которого далеко не всегда выступает положительный герой, влияние которого существенно усугубляется при наличии некоторых факторов.

* Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде). Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 № 45/112. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

** Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

*** Официальный сайт МВД. Состояние преступности. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/33388812/> (дата обращения: 10.02.2023).

Нередко современные дети не получают достаточного внимания со стороны родителей, которые вынуждены много работать, а, находясь дома, соответственно, физически и морально не способны заниматься воспитанием ребенка должным образом. Подросток предоставлен сам себе, посещение секций и иных форм досуга предполагает их оплату, которую часто не в состоянии осуществить родители. Находясь в сложнейшем периоде становления личности, ребенок проводит свободное время на чердаках и в подвалах, в компании не только сверстников, но и старших лиц, распивая спиртные напитки и употребляя наркотики. Однако наибольшую опасность для извращенного формирования личности представляет родительская модель поведения в случае ее антисоциальности и преступной направленности.

Типичной предпосылкой совершения преступлений несовершеннолетними является их безнадзорность и так называемый «культ денег»: обязательным условием достойной жизни, по их мнению, является весомый капитал, достичь который необходимо любым путем – идя по головам, обманывая, хитря. Многие подростки считают, что небогатые люди «плохо приспособлены к жизни» (47,7%); «не избавились от старых идеалов» (21%); «не умеют воровать» (18,2%) [1, с. 28].

Известно, что преграды на пути достижения поставленной цели вызывают у человека ответную эмоциональную реакцию, которая, возникая в условиях конфликта как следствие противоречия между неудовлетворенными потребностями и существующими в обществе ограничениями и запретами, называется фрустрацией [2, с. 69]. Н. Д. Левитов определял фрустрацию как «состояние человека, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемое объективно непреодолимыми трудностями, возникающими на пути к достижению цели [3, с. 120]».

Фрустрации, при соответствующих условиях, подвержены все люди без исключения. Однако если для взрослого и самодостаточного индивида она может являться не просто стрессом, но и определенным позитивным фактором стимула преодоления проблем и трудностей, то несовершеннолетние переживают ее тяжело, так как свойства их несформировавшейся личности и начальная стадия формирования способностей преодоления проблем, существующих на пути достижения любых целей, вызывают паническое состояние, импульсивность и трудности при подавлении агрессии [4, с. 70].

Соответственно, при отсутствии верной мотивации и помощи в выборе достойного жизненного пути, дети, тем более находящиеся в состоянии фрустрации, более подвержены воздействию извне. Социальная среда подростка в большой степени формирует его поведение. Научные исследования выявляют четкую зависимость девиантного поведения несовершеннолетних от фрустрации. Агрессия – ресурс для ее успешного преодоления [5, с. 92].

Причем преступные деяния несовершеннолетних, находящихся в таком состоянии, обычно являются полимотивационными, когда сложно определить как виновному, так и иным лицам, преобладающий мотив, а подростком в равной степени движет и стремление самоутвердиться, и стремление завладеть желаемым. По исследованиям Г. Г. Шиханцова, несовершеннолетним присущи «мотивы вымещения и замещения: если первоначальная цель становится недостижимой, то лицо стремится заменить ее другой – достижимой. Благодаря замещающим действиям происходит разрядка (снятие) нервно-психического напряжения. Подобные факты встречаются в основном при совершении насильственных преступлений, когда агрессия направляется против посторонних, случайных лиц, подвернувшихся под руку. Такая агрессия называется респондентной. Она является наиболее опасной, поскольку ее объектом выступают беззащитные люди» [6, с. 64].

Подросток, находящийся в состоянии фрустрации, ощущая свою неполноценность и незначительность, при низкой самооценке и самоконтроле, игнорируя либо отрицая социальные нормы и правила, в условиях отсутствия должного контроля со стороны родителей не в состоянии рационально и адекватно оценивать результат своих действий и, агрессивно относясь к окружающим, является лицом, более подвластным вовлечению в преступную деятельность, тем более взрослым субъектом, представляющим для него авторитет.

Следует отметить, что в настоящее время несовершеннолетние, вовлеченные в совершение преступлений, имеют повышенный функционально-ролевой статус. Если ранее они привлекались для совершения преступных деяний на второстепенных ролях, то сегодня они являются исполнителями преступлений [7, с. 13], например, выступают курьерами для получения наличных денег у потерпевших при телефонном мошенничестве или осуществляют сбыт наркотических средств.

Официальные статистические данные свидетельствуют о том, что в 2019 г. на территории РФ за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений было осуждено 333 чел., в 2020 г. – 266, в 2021 г. – 271 чел., при том, что в среднем каждое 5–6 преступление совершено несовершеннолетними в группе с участием взрослого*.

Следует обратить внимание на рост злоупотребления несовершеннолетними алкоголем (20% девушек и 33% юношей страдают алкоголизмом при среднем возрасте молодых алкоголиков от 14 лет) [8, с. 56], при том, что его употребление прямым образом предопределяет девиантное поведение. Каждый третий несовершеннолетний, вовлеченный в преступление, страдает хроническим алкоголизмом либо токсикоманией [9, с. 120].

Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления названы в ч. 1 ст. 150 УК РФ – обещание, обман, угрозы или иные способы, которые могут возбудить у него зависть, месть, низменные чувства. Прямое указание законодателя на способ вовлечения предполагает обязательность его как признака состава преступления с выделением его в качестве основного обстоятельства, подлежащего доказыванию, и, соответственно, узлового элемента криминалистической характеристики.

Причем, если типично главенствующая роль в доказывании отводится материальным следам, что абсолютно оправданно и справедливо, то выявление содержания непосредственного способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления осуществляется посредством изучения идеальных следов, путем производства именно вербальных следственных действий и исследования личностных взаимоотношений вовлекаемого с «жертвой» с обязательной оценкой их психологических характеристик.

Несомненно, материальные следы преступления при их надлежащем процессуальном закреплении и верной криминалистической оценке представляют бесспорные сведения о механизме вовлечения, но решающее значение приобретают все-таки идеальные следы, отображающие содержание способа как в первую очередь средства психологического воздействия.

Выбор способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления предопределяется объективными и субъективными факторами. Так, М. Б. Алиев в качестве «благоприятствующих» совершению преступлений предпосылок определяет условия, в которых вырос преступник, его психологическую конституцию (представления о добре и зле), наличие девиаций в психике, стрессы [10, с. 169]. Так, в основе подавляющего большинства случаев успешного вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления лежит потребность подростка в самоутверждении, в желании реализовать свои потребности, как материальные, так и в достижении определенного авторитета и признания, приобретающие особую остроту и значимость именно в состоянии фрустрации, выявив которую, вовлекатели развивают и культивируют, используя как значительную субъективную предпосылку навязываемой преступной деятельности.

В самом широком смысле вовлечение представляется как побуждение взрослым лицом у несовершеннолетнего желания совершить преступление посредством воздействия на его сознание и волю при добровольном участии подростка, которое было обеспечено обещаниями, обманом, угрозами и иными способами, без принуждения; либо посредством угрозы применения насилия, направленной на подавление воли несовершеннолетнего, для принятия им факта «обязательности» участия в совершении преступления, чтобы не реализовалась высказанная угроза [11, с. 62].

* Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=35>. (дата обращения: 18.02.2023).

Однако при безусловном типичном доминировании субъективных качеств преступника при выборе способа совершения преступления в исследуемом случае равнозначное значение имеет и характеристика несовершеннолетнего, т. е. при разделении способов вовлечения на убеждение и принуждение к несовершеннолетним, находящимся в состоянии фрустрации, нет необходимости применять агрессивное воздействие в виде запугивания и применения насилия, достаточно использовать уговоры и введение в заблуждение. Такие подростки в ситуации длительной невозможности удовлетворения потребностей теряют волю, становясь дезорганизованными и агрессивными, «приковываются» к фрустратору (например, постоянно думают о невозможности приобретения желаемых вещей, относясь презрительно к их владельцам), не видя законных путей для достижения цели и, тем не менее, не утратив надежды на разрешение конфликта. То есть фрустрация предопределяет негативизм, агрессию, конформность и внушаемость, неприкрытое желание подражать авторитетным людям, реализовать свои потребности любым путем, являясь обстоятельством, способствующим вовлечению в преступную деятельность взрослыми лицами, стремящимися к реализации своих целей.

В криминалистической характеристике вовлечения исследуемого вида особое место занимают типичные черты личности несовершеннолетнего, которые отражаются в способе, обстановке, процессе образования следов преступления и др., существует устойчивая связь «вовлекатель – несовершеннолетний», т. е. в совершение преступлений вовлекаются не все подростки, а только подходящие для этого. Вовлекатель выбирает по личностным качествам жертвы [12, с. 33].

Наиболее часто при вовлечении несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации, в совершение преступлений, используются обещание и уговоры. Вовлекатель обещает предоставить несовершеннолетнему, после совершения преступления совместно с иными лицами либо самостоятельно, деньги либо предметы, представляющие для него интерес (одежда, обувь, мобильный телефон).

Обман, также являясь достаточно распространенным способом вовлечения исследуемого вида, предполагает введение в заблуждение несовершеннолетнего относительно фактов, имеющих значение для побуждения к действию, путем передачи ложной информации либо умолчания о фактах, например, о планирующихся преступных действиях, о возрасте наступления уголовной ответственности за их совершение.

Так, Е., являясь родителем, вовлек своего 14-летнего сына С., а также 15-летнего Н. путем обещания, обмана и уговора в совершение преступления, организовав кражу 5 борон (сельскохозяйственное орудие для поверхностной обработки почвы). Способ вовлечения определялся крайне низким материальным положением семей подростков и отсутствием денежных средств, которое остро переживалось детьми. Виновный, являясь инвалидом, злоупотреблял спиртными напитками, по словам сына, «постоянно был пьян», денег в семье не хватало даже на еду. Поэтому С. был подавлен, постоянно конфликтовал со сверстниками и членами семьи. Совершил кражу в результате обещания отца передать ему 1000 руб. из денег, полученных за продажу похищенного. Отец уговаривал сына совершить кражу несколько дней. Пятнадцатилетний Н. был вовлечен Е. в связи с тем, что он знал об отсутствии денег в семье подростка, а, кроме того, бороны очень тяжелые, и сын один бы не справился. Изначально Е. заверил Н. в том, что бороны принадлежат ему, пообещав 1000 руб. за их перемещение. Но при переносе борон ночью, тайно Н. понял о незаконности своих действий, однако от них не отказался, так как крайне нуждался в деньгах*.

* Из приговора № 1–1/2020 1–116/2019 от 28.01.2020 по делу № 1–1/2020. Боханский районный суд (Иркутская область).

С. предложил Я. совершить кражу мотоциклов, заведомо зная о его несовершеннолетнем возрасте. Путем обещания разделить похищенное имущество возбудил желание и стремление Я. участвовать в хищении, чем вовлек несовершеннолетнего в совершение преступления*.

Достаточно часто, в условиях безнаказанности за содеянное, вовлекатели, пользуясь состоянием несовершеннолетнего, находящегося в состоянии фрустрации, превращают его преступные действия в промысел. Так, В., достигшая 18-летнего возраста, вовлекла несовершеннолетнюю Х. в совершение краж денежных средств за вознаграждение в виде сладостей и телефона, заверив ее о непривлечении к уголовной ответственности в силу недостижения возраста. В. и Х., согласно распределенным ролям, проникали в жилище граждан, где В. отвлекала хозяев, а малолетняя Х. пыталась отыскать денежные средства с целью их похищения**.

Фрустрация несовершеннолетних, однозначно сопровождаясь стрессом и отрицательными переживаниями в виде разочарования и раздражения, достаточно часто при возникновении преград в достижении цели выражается в чрезмерной агрессии и браваре, которые подростки открыто демонстрируют, тем самым своеобразным образом провоцируя взрослых лиц на вовлечение их в преступную деятельность.

Б., имея умысел на вовлечение несовершеннолетней М. в совершение тяжких преступлений преступной группой, достоверно зная о ее возрасте, путем обмана, заверив М. в том, что в силу своего возраста она не будет нести уголовную ответственность за содеянное, предложил ей совершить совместно ряд разбойных нападений на водителей такси с целью хищения их имущества. Б. сожительствовал с несовершеннолетней М., оба не работали, постоянно нуждались в деньгах, места жительства не имели, проживали временно у родственников и знакомых. Б. оценивал М. как конфликтную и вспыльчивую девушку, вполне объяснимо недовольную своим финансовым и социальным положением, что и послужило основной причиной ее вовлечения в разбойные нападения, при совершении которых М., располагаясь во время поездки в такси сзади водителя, совершала нападение на него, хватая сзади за волосы и шею, удерживая, угрожая и причиняя телесные повреждения, обеспечивая тем самым Б. открыто похищать имущество***.

Несовершеннолетний Д., родители которого злоупотребляли спиртными напитками, не имели постоянного источника дохода и не обеспечивали в необходимой степени нужды ребенка, вырос в стесненных материальных условиях; характеризовался одноклассниками как дерзкий и вспыльчивый; состоял на профилактическом учете в ОДН за распитие спиртных напитков и участие в драках; на замечания учителей и педагогов не реагировал; халатно относился к учебе, провоцировал конфликтные ситуации со сверстниками, во время которых вел себя агрессивно. Совершеннолетний С., приятель Д., неоднократно являлся свидетелем агрессии Д. к окружающим, знал о его недовольстве и злости в связи с отсутствием денег, предложил несовершеннолетнему совершить разбой с целью завладения имуществом П., на что Д. согласился. При нападении П. оказал сопротивление, с целью преодоления которого Д. с неоправданной жестокостью применил к нему насилие, опасное для жизни, нанеся уже при отсутствии сопротивления и потери потерпевшим сознания множественные удары значительной силы руками и ногами преимущественно в голову потерпевшему. Оставшись безнаказанным, менее чем через месяц Д. совершил грабеж, похитив телефон с угрозой применения насилия по отношению к потерпевшему. Основной сложностью при расследовании уголовного дела и доказывания виновности Д. явилось неоднократное изменение показаний

* Из постановления № 1-73/2019 от 21.08.2019 по делу № 1-73/2019. Аларский районный суд (Иркутская область).

** Приговор № 1-28/2018 от 27 февраля 2018 г. по делу № 1-28/2018 Киренский районный суд (Иркутская область)

*** Приговор № 1-208/2019 от 30.12.2019 по делу № 1-208/2019. Борский городской суд (Нижегородская область).

свидетелем-очевидцем разбоя М., знакомым с Д., который, зная о его жестокости, постоянно менял показания, боясь мести*.

Таким образом, несовершеннолетние, находящиеся в длительном состоянии фрустрации, в большей степени подвержены влиянию извне, в том числе криминальному, направленному на совершение хищений и корыстно-насильственных преступлений, что объясняется их стремлением реализовать потребности при понимании тщетности обретения желаемого законным путем.

Несовершеннолетние являются социальным резервом любого общества, и от их мировоззрения, нравственных и иных качеств прямым образом зависит будущее государства. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как один из факторов, обеспечивающих рост преступности, обуславливается не только недостатками воспитания детей и надзора за ними, но и наличием неблагоприятных условий жизни, накоплением в связи с этим отрицательных эмоций и возникновением устойчивого антиобщественного состояния, усугубленного фрустрацией.

Список источников

1. Назарова Ю. С., Кошелева Д. В., Инкин А. А. Социально-психологические причины совершения подростками правонарушений // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 26–32.
2. Чернова Н. А. Фрустрации и преступления // Юридический вестник СамГУ. 2015. Т. 1. № 4. С. 69–73.
3. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 118–129.
4. Чернова Н. А. Указ. соч.
5. Львова С. В. Индивидуально-психологические факторы девиантного поведения подростков // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018. № 2–3. С. 83–95.
6. Шиханцов Г. Г. Мотивация насильственной преступности несовершеннолетних // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 4. Правоведение. 2020. Т. 10. № 2. С. 62–68.
7. Ванда С. Б. Вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную деятельность и в совершение преступлений: анализ причин и меры профилактики // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: мат-лы Всерос. науч.-теор. конф. адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юрид. ин-та МВД России. Ростов/Дону, 2016. С. 13–16.
8. Музалевский В. А., Герасимова Ю. Р. Алкоголизм у несовершеннолетних как форма девиантного поведения // Безопасность личности, общества, государства: вызовы, проблемы, перспективы: сб. мат-лов регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. Иркутск, 2022. С. 55–59.
9. Сокол Ю. В. К вопросу о способах вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 120–123.
10. Алиев М. Б. Идеальные следы в криминалистике и их значение в расследовании преступлений // Закон и право. 2020. № 2. С. 168–170.
11. Коваленко П. В. Убеждение и принуждение как способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Уголовный закон РФ: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 61–63.
12. Сокол Е. В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений: монография. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2008. 189 с.

Информация об авторах

Г. Г. Небрятенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России; профессор кафедры процессуального права Донского государственного технического университета; профессор кафедры уголовного права и процесса Таганрогского института экономики и управления

О. В. Трубкина – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики

* Уголовное дело № 1–185/2020. Ангарский городской суд (Иркутская область).

Information about of the authors

G. G. Nebratenko – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of theory of state and law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Procedural Law of the Don State Technical University; Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Taganrog Institute of Economics and Management

O. V. Trubkina – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 13.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 94–99.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; (2/63): 94–99.

Научная статья
УДК 343.985.7

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Павел Александрович Жердев

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск
pashkhv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты организации и особенности расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи. Приводится описание типичных способов совершения преступлений, обосновывается необходимость совершенствования частной криминалистической методики для успешного расследования преступлений в области телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: расследование, мошенничество, смартфон, сотовая связь, мобильное устройство, следственные действия

Для цитирования: Жердев П. А. Некоторые особенности расследования мошенничества в сфере мобильной связи // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 94–99.

Original article

SOME FEATURES OF THE INVESTIGATION OF FRAUD IN THE SPHERE OF MOBILE COMMUNICATIONS

Pavel A. Zherdev

Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia, Khabarovsk
pashkhv@yandex.ru

Abstract. The article explores the theoretical and practical aspects of the organization and features of the investigation of fraud committed using mobile communications. A description of typical methods of committing crimes is given, the need to improve private forensic methods for the successful investigation of crimes in the field of telecommunication technologies is substantiated.

Keywords: investigation, fraud, smartphone, cellular communication, mobile device, investigative actions

For citation: Zherdev P. A. Some features of the investigation of fraud in the sphere of mobile communications // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; (2/63): 94–99.

© Жердев П. А., 2023

С развитием информационных технологий цифровая экономика растет в геометрической прогрессии, а наука и техника проникли во всю производственную жизнь человека и социальное взаимодействие. В этой среде люди не привязаны к традиционному личному общению и чаще выбирают бесконтактный обмен информацией. Вслед за развитием средств связи и сетевых медиаустройств стремительно распространяется и видоизменяется мошенничество с использованием мобильных устройств, не только ущемляя личные права граждан, но и ставя под угрозу устойчивое развитие экономики и общества, повышая риск и сложность социального управления.

Схемы совершения мошенничества в сфере мобильной связи весьма разнообразны, преступники берут на вооружение наиболее эффективные способы отъема денежных средств у граждан, а доказать их преступные действия на данном этапе становится чрезвычайно сложно. Они умело разбираются в психологии, поэтому выбирают в качестве жертвы чаще всего пожилых людей и доверчивых подростков, которые в ходе общения способны невольно выдать необходимую мошенникам информацию.

Методика расследования исследуемой категории преступлений неоднократно являлось предметом обсуждения на страницах криминалистических изданий. Еще в 2003 г. Г. В. Семенов писал о разновидностях криминальных проявлений в сфере мобильных телекоммуникаций и убытках операторов мобильной связи от действий высокотехнологичных преступных групп [1]. Это подтверждает и исследование, проведенное В. Б. Веховым: основная часть преступлений в сфере компьютерной информации совершается в составе организованной преступной группы [2, с. 632]. Прямую связь компьютерной преступности с организованной преступностью отмечают в своих работах Н. Г. Шурухнов, Н. Е. Мерецкий и другие ученые [3, с. 94].

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить проблему определения точного местонахождения абонентов мобильных телефонов, с помощью которых совершается мошенничество. По мнению Г. В. Семенова, «это дает возможность определить характер и местонахождение следов преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций, круг следовоспринимающих и следообразующих объектов, которые служат основой для выдвижения следственных версий, имеет большое практическое значение при планировании и проведении отдельных оперативно-розыскных и следственных действий» [4, с. 14].

Как правило, потерпевший обращается в отдел полиции по месту жительства, где и должна проводиться проверка сообщения о преступлении, а субъекты преступления могут проживать в другом месте, в другой части страны, мира, следовательно, и следы минимальны, ведь кроме сведений из мобильного устройства потерпевшего, собрать какие-либо данные не представляется возможным.

По нашему мнению, сложно окончательно определить место совершения изучаемого противоправного деяния, что обусловлено его двойственным объектом. «Преступное деяние, – как отмечает Н. А. Колоколов, – считается законченным с момента получения виновным суммы денег (чужого имущества), а равно приобретения им юридического права на распоряжение такими деньгами. А факт ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки и передачи информации в зависимости от обстоятельств может содержать признаки приготовления» [5, с. 10].

Мошенничество, совершенное с использованием средств мобильной связи, является достаточно специфическим видом преступления. Очевидно, что его способы имеют отличия от способов совершения обычного мошенничества. Такое отличие заключается прежде всего в том, что часть или все преступные действия совершаются посредством использования возможностей телефонной связи. На наш взгляд, эффективное расследование рассматриваемого вида преступлений невозможно без изучения способов его совершения.

Способы совершения телефонного мошенничества коррелируют с видами данного преступления: телефонное мошенничество путем обмена сообщениями и телефонное мошенничество путем осуществления звонка.

Первый вид телефонного мошенничества, как считает А. В. Гладких, отличается тем, что почти вся «работа» с жертвой проходит в форме переписки, а в некоторых случаях для успешного мошеннического хищения может хватить и одного единственного сообщения [6, с. 4].

Вне зависимости от того, какие средства применяются для обмена сообщениями, суть данного вида мошеннических действий в большинстве случаев заключается в массовой рассылке заранее подготовленных сообщений – спама. Помимо этого, посредством отправки сообщений могут подыскивать жертв, которым необходимы определенные услуги, после чего преступники сообщают сведения о возможности оказания данных услуг и просят перевести оплату за их оказание.

Также мошенничество при помощи рассылки сообщений может быть совершено посредством отправки потенциальной жертвы письма с просьбой оказать благотворительную помощь какому-либо фонду либо лицу (чаще всего малолетнему ребенку), которому нужна внушительная сумма денег на операцию или дорогостоящее лекарство.

Следующий вид телефонного мошенничества совершается путем звонка потерпевшему или от потерпевшего. Нередко данный способ связан с размещением различных объявлений в Интернете на сайтах, с помощью которых провоцируется разговор по телефону с потенциальным потерпевшим. Во время телефонного разговора с потерпевшим мошенники могут сообщить следующую информацию с целью последующего получения от него денежных средств:

- о том, что была подана заявка на смену пароля от личного кабинета мобильного банка;
- что неизвестные преступники пытаются перевести (завладеть) денежными средствами потерпевшего, поэтому ему предлагается перевести деньги на безопасный счет;
- о задержании сотрудниками правоохранительных органов его близкого родственника в связи с совершением какого-либо преступления или в связи с нарушением правил дорожного движения, повлекшим дорожно-транспортное происшествие [7, с. 4]. Например, осужденный М., находясь в исправительной колонии, с мобильного телефона позвонил ранее не знакомому гр. В., которому представился его родственником, и сообщил заведомо ложные сведения о том, что был остановлен сотрудником ГИБДД за совершение административного правонарушения. Для урегулирования конфликта М. попросил перевести деньги на его счет. Действуя под влиянием обмана, В. перечислил преступнику деньги в сумме 4200 руб.*

Как правило, преступники обзванивают жертв в дневное время с использованием мобильных устройств, расположенных в других городах, с сим-картами, не зарегистрированными у операторов сотовой связи.

Изъятие преступниками денежных средств происходит одним из следующих способов:

- перевод на банковский счет или пополнение баланса телефонного номера преступника;
- введение специального кода, поступившего на номер телефона потерпевшего, с последующим списанием с баланса телефона или банковского счета определенной суммы денежных средств;

- телефонный звонок потерпевшего на платную телефонную линию;
- оплата товара или услуг жилищно-коммунального хозяйства.

Отметим, что при телефонном мошенничестве также возможны случаи наличной передачи денежных средств.

В этих условиях возрастает значение розыскной деятельности, в ходе которой правоохранительные органы получают возможность располагать информацией о личности преступника, его связях, об образе жизни, источниках средств к существованию, о психологическом состоянии и месте нахождения.

* Приговор № 1–550/2019 1–6/2020 от 09.01.2020. Уголовное дело № 1–6/20 // Архив Железнодорожного районного суда г. Хабаровска. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WUkeGJQynGbK/> (дата обращения: 10.03.2023).

Можно предложить следующую систему действий, которую следует применять по большинству дел о телефонном мошенничестве на стадии возбуждения уголовного дела:

- подробный опрос заявителя о преступлении (им, как правило, является сам потерпевший или его близкий родственник), в ходе которого необходимо установить телефонный номер преступника, время и содержание разговора или переписки; каким образом и в каком размере была осуществлена оплата преступнику; особенности голоса преступника; если имел место личный контакт потерпевшего с преступником или посредником, то черты внешности указанных субъектов для составления розыскной ориентировки;

- установление личности по номеру телефона, с которого осуществлялся звонок или отправлялись сообщения потерпевшему, по возможности, определение места, с которого преступник выходил на связь;

- проверка ближайших мобильных соединений телефонного номера мошенника в целях установления лиц, причастных к совершению преступления;

- в случае, если перевод денежных средств был осуществлен с помощью банковских инструментов, то производится запрос в соответствующую кредитную организацию о предоставлении документов, подтверждающих осуществленный перевод, а также документов, содержащих сведения о личности получателя денежных средств.

На стадии возбуждения уголовного дела по факту совершения телефонного мошенничества актуальным является проведение такого оперативно-розыскного мероприятия, как снятие информации с технических каналов связи. Технические способы связи, в частности через Интернет, давно стали популярными, между тем получают развитие и иные виды технической связи (например, видеоконференцсвязь, IP-телефония, радиолокационная связь). Впоследствии может иметь место разграничение на законодательном уровне нескольких форм снятия информации с технических каналов связи в зависимости от ее вида. Мы считаем, что в разделении по такому критерию нет необходимости: классификация различных видов оперативно-розыскных мероприятий по специфике их осуществления, согласно ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», является максимально эффективной.

Поскольку преступники, совершающие телефонное мошенничество, характеризуются высокой степенью профессионализма, в том числе и знаниями в области программно-аппаратных устройств, при расследовании данной группы преступлений осуществление мероприятия по снятию информации с каналов связи не всегда приводит к положительным результатам и может спровоцировать преступников на совершение действий, направленных на сокрытие следов. Поэтому при расследовании мошенничества в сфере мобильной связи следует использовать систему оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), включая прослушивание телефонных переговоров и мероприятия, связанные с получением компьютерной информации.

В процессе проведения рассматриваемых оперативно-розыскных мероприятий встречаются некоторые сложности, связанные с вычленением из общей массы полученных сведений сообщений подозреваемых. Эти сложности возникают прежде всего тогда, когда идет речь о многопользовательской системе, так как одно и то же идентификационное имя может быть доступно разным пользователям (как и один пользователь может скрываться под разными именами).

При допросе подозреваемого в совершении мошенничества в сфере мобильной связи следователю необходимо учитывать, что могут быть озвучены компьютерно-технические сведения в сфере информационных технологий. Поэтому для полноценного руководства ходом допроса следователь должен ориентироваться в данной области. Если же он не обладает необходимыми знаниями, то в ходе подготовки к допросу рекомендуем осуществлять консультацию со специалистом и его последующее привлечение к участию в следственных действиях.

В связи с этим Н. Г. Шурухнов отмечает: «... первоначальный допрос недобросовестных участников процесса, оказывающих противодействие расследованию, и от которых было ранее получено объяснение, дает возможность заранее определить позицию, которую займет это лицо на допросе, и соответствующим образом к этому подготовиться» [8, с. 52].

В ходе производства обыска по делам о мошенничестве в сфере мобильной связи необходимо предпринять все меры, исключающие контакты обыскиваемого с цифровыми устройствами, чтобы не допустить искажения или уничтожения данных, подтверждающих факт совершения расследуемого преступления. На обзорной стадии, рекомендуется тщательного обследовать имеющиеся в помещении мобильные устройства и подключенные к ним накопители информации.

При раскрытии и расследовании уголовных дел о мошенничестве в сфере мобильной связи остается немало трудностей, однако до настоящего времени взаимодействие служб правоохранительных органов остается недостаточным.

Проведенное исследование относительно проблем, возникающих при расследовании компьютерных мошенничеств, позволило сформулировать следующие выводы: на сегодняшний день в криминалистике нет единой системы знаний о электронно-цифровых следах как объектах криминалистического исследования ввиду малой изученности механизма их образования, передачи, сохранения и возможности их идентификации, что требует отдельного, более глубокого и дополнительного исследования.

Проблемы, возникающие при проведении доследственной проверки по делам о мошенничестве в сфере мобильной связи, обусловлены дефицитом времени и большим объемом работы, которую необходимо провести в целях установления признаков состава данного преступления. Прежде всего это связано с необходимостью сбора, исследования электронно-цифровых следов и изучения достаточно запутанных мошеннических схем.

При проведении допроса по делам о мошенничестве в сфере мобильной связи следователь должен иметь соответствующие познания в области компьютерного оборудования, программных устройств и информационно-телекоммуникационных сетей, а также знать основные способы совершения преступлений. В противном случае допрашиваемый легко может ввести в заблуждение следователя относительно обстоятельств происшедшего события. В такой ситуации большое значение приобретает профессиональная тактика работы следователя при раскрытии и расследовании данного вида преступлений. При этом следователь должен обладать навыками и методами работы с информацией, специфичной для киберпреступности, иметь знания в сфере компьютерной криминалистики и смежных областях.

Список источников

1. Семенов Г. В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. – 242 с.
2. Вехов В. Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2019.
3. Шурухнов Н. Г., Мерецкий Н. Е., Жердев П. А. Роль криминалистических данных о механизме функционирования криптовалюты в выявлении и раскрытии преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1 (46).
4. Семенов Г. В. Указ. соч.
5. Колоколов Н. А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. № 1. С. 6–15.
6. Гладких А. В. О некоторых способах мошенничеств, совершаемых при прямой продаже страховых полисов посредством сети Интернет // Российский следователь. 2017. № 2.
7. Гладких А. В. Указ. соч.
8. Шурухнов Н. Г. Использование при допросе ранее данных объяснений // Тактические приемы допроса и пределы их использования: сб. тез. теор. семинара, 14 марта 1980 г. М.: ВНИИ МВД СССР, 1980.

Информация об авторе

П. А. Жердев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики

Information about the author

P. A. Zherdev – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 100–105.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):100–105.

Научная статья
УДК 343.98

СПЕЦИФИКА МЕХАНИЗМА СЛЕДОБРАЗОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ольга Павловна Виноградова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург
olga10vin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей механизма образования следов при расследовании IT-преступлений. Проанализированы проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации, связанные со спецификой информационных процессов, которые протекают с очень высокими скоростями и отрицательно сказываются на сборе доказательств, с интенсивной сменой имеющихся моделей компьютерной техники и программного обеспечения, что приводит к быстрому устареванию знаний и навыков в области компьютерных технологий, а также с нехваткой у сотрудников правоохранительных органов специальных знаний в области компьютерных технологий и их недостаточной технической оснащенностью. В то же время члены организованных преступных групп активно вовлекают в свою противоправную деятельность специалистов в сфере высоких технологий, что сильно затрудняет процесс раскрытия и расследования IT-преступлений.

Ключевые слова: компьютерная информация, цифровые следы, виртуальные следы, следы-отображения

Для цитирования: Виноградова О. П. Специфика механизма следообразования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 100–105.

Original article

THE SPECIFICS OF THE MECHANISM OF TRACE FORMATION WHEN INVESTIGATING CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Olga P. Vinogradova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg
olga10vin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the mechanism of trace formation in the investigation of IT-crimes. The article analyzes the problems of investigating crimes in the field of computer information related to the specifics of information processes that occur at very high speeds and negatively affect the collection of evidence, as well as the intensive change of existing models of computer equipment and software, which lead to the rapid obsolescence of knowledge and skills in the field of computer technology, with the lack of specialized knowledge in the field of computer technology among law enforcement officers and their insufficient technical equipment. At the same time, members of organized criminal groups actively involve specialists in the field of high technologies in their illegal activities, greatly complicating the process of their disclosure and investigation of IT-crimes.

© Виноградова О. П., 2023

Keywords: computer information, digital footprints, virtual footprints, display footprints

For citation: Vinogradova O. P. The specifics of the mechanism of trace formation when investigating crimes in the field of computer information // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):100–105.

Преступления, совершаемые в сфере компьютерной информации (далее – ИТ-преступления), обладают высокой латентностью и представляются достаточно сложными для расследования, требуя от следователя и экспертов-криминалистов наличия специальных знаний в сфере высоких технологий либо привлечения на различных стадиях расследования специалиста, обладающего определенным набором знаний. Необходимость борьбы с ИТ-преступлениями во многом обусловлена стремительным развитием научно-технического прогресса: огромное количество фирм по всему миру производят персональные компьютеры, комплектующие к ним и периферийное оборудование, а сам процесс ускорения развития компьютерной техники приводит к тому, что трудно предсказать, какие инновации в сфере информационных технологий появятся через год. Следует учитывать, что преступниками используются ИТ-технологии не только для совершения преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), но и для совершения других преступлений (незаконный оборот наркотиков, мошенничество, доведение до самоубийства, экстремистская деятельность, оборот порнографии с несовершеннолетними лицами и др.) [1, с. 8].

Значительный рост числа преступлений в сфере движения компьютерной информации связан с общим повышением уровня компьютерной грамотности населения страны, ростом количества персональных компьютеров и локальных компьютерных сетей, а также доступностью для всех всемирной компьютерной сети Интернет. Свободное распространение ряда компьютерных программ приводит к росту количества преступлений, совершаемых некачественными пользователями компьютерных сетей. Нередко к данной категории лиц относят и несовершеннолетних. Очевидно, что любое воздействие на компьютерное устройство влечет оставление электронно-цифрового следа.

По мнению большинства ученых, следы, образующиеся в компьютерных системах, в особенности с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, носят специфический характер. Так, А. Н. Яковлев в своей диссертационной работе «Теоретические и методологические основы экспертного исследования документов на машинных носителях информации» одним из первых отметил специфику электронных следов, указав на отсутствие внешнего строения информационных объектов на накопителях информации [2, с. 80]. С его мнением согласился В. А. Мещеряков, подчеркнув, что анализ информационного объекта, имеющего сложную иерархическую структуру, доказывает отсутствие внешнего строения [3, с. 104].

Однако ученые-криминалисты не пришли к единому понятию следа, образующегося в электронно-цифровом пространстве технического устройства. Ряд исследователей предлагают свои трактовки. Так, Ю. В. Гаврилин была разработана методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации, при этом он анализировал «информационные следы», к которым отнес «модификации компьютерной информации, произошедшие в ходе воздействия на нее в рамках различных форм доступа» [4, с. 79]. Позднее Ю. В. Гаврилин изменил свое мнение, заменив понятие «информационные следы» на «компьютерные следы», под которыми понимал «причинно связанный с преступным событием результат альтернативного преобразования компьютерной информации с соответствующей модификацией физических характеристик носителя» [5, с. 38].

Понятие «цифровые следы» не имеет однозначного закрепления на законодательном уровне, мнения и взгляды ученых по этому поводу разнятся. Кроме того, в научной литературе существует несколько вариантов наименования следов использования компьютерных технологий: цифровые, информационные, бинарные, виртуальные, компьютерные,

компьютерно-технические, электронно-цифровые. Например, В. А. Мещеряков под «виртуальным следом» понимает «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею «кибернетического пространства»), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации (т. е. информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [6, с. 119].

По-нашему мнению, термин «виртуальный» с этимологической точки зрения не совсем корректен, учитывая классическую классификацию следов, принятую в криминалистике. Все же значение слова «виртуальный» подразумевает воображаемый объект или состояние, которого реально не существует в действительности. В. А. Мещеряков утверждает, что «виртуальные следы... недоступны непосредственному восприятию их человеком... для их извлечения необходимо обязательное использование программно-технических средств» [7, с. 120]. Но ведь некоторые криминалистические следы могут не восприниматься невооруженным глазом человека. Например, частица слюны, оставленная в ходе совершения преступления, может остаться незамеченной, но это не дает оснований называть след виртуальным.

В свою очередь, В. Б. Вехов считает, что подобные следы следует классифицировать как «материально невидимые», поскольку осуществляется взаимодействие двух или более технических средств в виде электромагнитных воздействий, при этом устройства не контактируют механически. По его мнению, «при электромагнитном взаимодействии компьютерных механизмов и программных средств (в криминалистическом аспекте) образуется электронно-цифровой след» – «любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [8, с. 94].

С точки зрения Е. Р. Россинской, «цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [9, с. 7]. Мы разделяем позицию Е. Р. Россинской, так как в настоящее время такими следами являются в том числе дампы оперативной памяти и трафиков, файлы и их частичные составляющие, создаваемые программными и аппаратными средствами, располагающимися на материальных носителях. Человек не способен воспринимать информацию в виде кода или двоичной системы и других преобразований, для этого имеется программное обеспечение, которое способно преобразовывать в формат графический, текстовый или звуковой. Таким образом, цифровые следы – это данные автоматизированной информационной системы, которые видоизменены путем воздействия лиц с помощью электронно-цифрового вмешательства способом изменения двоичного кода, копирования, удаления информации.

Поскольку цифровые следы относятся к материальным следам, то все информационные данные, независимо от формы их представления, оставленные на материально-техническом носителе, могут храниться на постоянной основе без искажения. Искажение данных может наступить в случае, если осуществлено противоправное действие по изменению, копированию и удалению информации, а также механические действия в отношении материально-технического устройства.

В. В. Борисов ввел в научный оборот термин «информационный след», определив его как «некоторую информационную запись, сделанную на компьютерной технике подозреваемых в преступлении лиц с помощью специального программного средства и произведенную субъектом уголовно-процессуальной системы» [10, с. 165]. Анализируя определение В. В. Борисова, можно выявить некоторые неточности. Так, он говорит о «некоторых информационных записях, сделанных на компьютерной технике подозреваемого», но преступление

не всегда может совершаться на технике подозреваемого, оно может быть совершено на компьютере потерпевшего, а также на компьютерной технике третьих лиц. Лицо, совершающее преступление, может вносить изменения не только через компьютерную технику, но и через средства связи.

С нашей точки зрения, термин «информационный след» является недостаточно точным. Во-первых, «безыформационных» следов не может быть в криминалистике, так как любой след, обнаруженный на месте преступления, содержит определенную информацию. Во-вторых, термин «информационный след» не передает в полной мере всей специфики компьютерной информации, поскольку не конкретен и не указывает на электронно-цифровую природу, что, в свою очередь, не позволяет разграничить данный вид следов от иных следов преступления.

В то же время предложенные варианты наименования таких следов – виртуальные (В. Ю. Агибалов, А. Ю. Головин, В. О. Давыдов, Е. П. Ищенко, В. В. Поляков и др.), компьютерно-технические (Ю. В. Гаврилин, Н. Н. Латкин и др.) бинарные (В. А. Милашев), электронно-цифровые (А. В. Шебалин), подвергаются критике как не отвечающие требованиям логических, математических и технических операций.

Интересным представляется мнение Е. Н. Макаровой о том, что «анализ имеющейся классификации следов преступлений, критики имеющихся наименований виртуального слепообразования, позволяет наиболее приемлемым в современной ситуации считать предложенную трактовку П. В. Мочагина – невербально-информационное слепообразование. Такое наименование позволяет расширительно понимать используемые технические средства передачи, не требует учитывать особенности носителей такой информации, что, в свою очередь, даже при появлении новых цифровых способах общения обеспечит актуальность его использования при расследовании преступлений» [11, с. 53].

Как видим, в настоящее время авторами, проводящими исследования в данной области, сделано большое количество попыток дать определение рассматриваемых нами следов. При этом они пытаются объяснить одни и те же явления и процессы, протекающие посредством компьютерных устройств, но используют разные, синонимичные термины, что порождает путаницу. Вопрос о природе данных следов остается дискуссионным.

В трасологии следы-отображения имеют наибольшее значение. Выделяют две составляющие в следах-отображениях: слепообразующий объект и следовоспринимающий объект. Несмотря на развитие цифровых технологий, это неизменная классификация помогает установить следы-отображения на объектах. Слепообразующим объектом может выступать вредоносное программное обеспечение, создаваемое человеком для несанкционированного извлечения нужной информации, удаления ее и приведения технического средства в негодное состояние. Также лицо может оставлять свои следы при прямом взаимодействии с техническим устройством путем оставления следов рук, биологических веществ, нанесения повреждений устройству с помощью предметов.

Следовоспринимающим объектом будет являться программное обеспечение и техническое средство, с помощью которого лицо осуществляет противоправные действия. Техническое средство состоит из предметов материального мира, которое взаимодействует с программным обеспечением, способным выполнять задачи, поставленные человеком. Поскольку по источнику происхождения выделяют следы человека, следы орудий, инструментов, производственных механизмов, следы транспортных средств, следы животных, то, учитывая в настоящее время существование цифровых следов, в данный критерий классификации можно добавить следы видоизменения кода или двоичной системы на жестком диске, в твердотельном накопителе и оперативной памяти, следы энергетического ресурса. По степени воздействия на следовоспринимающую поверхность к уже определенным объемным и поверхностным следам можно добавить информационные. В свою очередь, информационные следы

могут оставаться на предметах устройства носителя информации, ими могут быть жесткие диски (HDD), твердотельные накопители (SSD), оперативная память (ОЗУ), карта памяти (micro SD), флеш-накопитель USB.

При рассмотрении такого нетрадиционного источника происхождения следов, как видеоизменение кода или двоичной системы, следует отметить, что главными компонентами, созданными для сохранения информации на длительный или короткий срок, являются HDD, SSD и ОЗУ. На них содержится информация, отображенная в виде кода или двоичной системы, информация имеет единицу измерения (бит – binary digit). При изменении информации единица измерения будет меняться либо в большую, либо в меньшую сторону, что будет говорить нам о следах видеоизменения кода или двоичной системы на устройстве.

По степени активности цифровые следы могут быть пассивными или активными. Пассивные цифровые следы способны храниться по-разному. В интернет-среде следы могут фиксироваться в базе данных, включая IP-адреса пользователей. При пассивном соединении в сети Интернет можно узнать дату создания адреса и его перемещения в Интернете. В офлайн-среде администратор может получать данные для просмотра действий, выполняемых на устройстве, при этом администратор не может узнать, кто выполнял действия. С помощью IP-адреса можно установить город, а через провайдера выяснить конфиденциальную информацию о лице. Преступник может осуществлять свои действия четырьмя способами: внедрение вредоносного программного обеспечения, изъятие носителя, на котором находится нужная информация (изъятие жесткого диска устройства и твердотельного накопителя), перехват информации по оптическим и иным линиям связи с помощью технического оборудования и уничтожение носителя информации с помощью физического воздействия.

Таким образом, классификация следов в криминалистике имеет большое значение для полного и всестороннего описания следов в протоколе следственных действий и заключения экспертов, а также для выбора и способа их обнаружения, фиксации и изъятия. Преступления со временем эволюционируют, разрабатываются новые схемы и действия преступников, при этом базовая классификация следов не может дать полного и всестороннего их описания, для этого необходимо доработать универсальную классификацию [12, с. 94].

В связи с активным развитием компьютерных технологий и увеличением сфер применения устройств, обрабатывающих и хранящих компьютерную информацию, рост данного вида преступлений будет продолжаться, что указывает на необходимость подготовки и повышения квалификации специалистов по расследованию IT-преступлений и введения инновационных подходов в криминалистике.

Список источников

1. Багмет А. М. Цифровые следы преступления: монография. М.: Проспект, 2021.
2. Яковлев А. Н. Теоретические и методологические основы экспертного исследования документов на машинных носителях информации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
3. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002.
4. Гаврилин Ю. В. Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание: учеб. пособие. М.: Книжный мир, 2003.
5. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
6. Мещеряков В. А. Указ. соч.
7. Там же.
8. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации, средств ее обработки. Волгоград, 2008.
9. Россинская Е. Р. Концепция цифровых следов в криминалистике. Алматы, 2019.
10. Борисов В. В. Об особенностях фиксации информационных следов в практике защиты информации. Астрахань, 2009.

11. Макарова Е. Н. Методика расследования корыстных и насильственных преступлений, совершенных с применением угрозы потерпевшему или его близким: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022.
12. Жердев П. А. Электронно-цифровые следы как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2(51).

Информация об авторе

О. П. Виноградова – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

Information about the author

O. P. Vinogradova – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 106–111.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):106–111.

Научная статья
УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕУПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ИЛИ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ КАК СИСТЕМАТИЗИРОВАННОЕ ОТРАЖЕНИЕ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Марина Александровна Киселёва

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул
maxmaralek@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье автор раскрывает понятие криминалистической характеристики неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей и значимость ее изучения для разработки частной криминалистической методики расследования данных преступлений. Механизм совершения рассматриваемых преступлений отражен систематизированным представлением их криминалистических признаков. Автор описывает каждый из предложенных элементов криминалистической характеристики неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, обозначает взаимосвязь между этими элементами и определяет их значение для выдвижения соответствующих криминалистических версий, прогнозирования дальнейшего хода предварительного расследования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, алиментные платежи, личность преступника, способ совершения преступлений, средства на содержание детей, нетрудоспособные родители, обстановка преступления

Для цитирования: Киселёва М. А. Криминалистическая характеристика неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей как систематизированное отражение механизма совершения данных преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 106–111.

Original article

CRIMINALISTICS CHARACTERISTIC OF NON-PAYMENT OF FUNDS FOR THE MAINTENANCE OF CHILDREN OR DISABLED PARENTS AS A SYSTEMATIC REFLECTION OF THE MECHANISM OF COMMITTING THESE CRIMES

Marina A. Kiselyova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul
maxmaralek@mail.ru

© Киселёва М. А., 2023

Abstract. In this article, the author reveals the concept of criminalistics characteristic of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents and the significance of its study for the development of a private forensic methodology for the investigation of these crimes. The mechanism of commission of the crimes under consideration is reflected by a systematic presentation of their criminalistics features. The author reveals the content of each of the proposed elements of the forensic characteristics of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents, identifies the relationship between them and determines their significance for the nomination of appropriate forensic versions, forecasting the further course of the preliminary investigation.

Keywords: criminalistics characteristic of crimes, alimony payments, the identity of the offender, the method of committing crimes, funds for the maintenance of children, disabled parents, the crime situation

For citation: Kiselyova M. A. Criminalistics characteristic of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents as a systematic reflection of the mechanism of committing these crimes // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):106–111.

Успешность в расследовании отдельных видов преступлений во многом зависит от качественной и своевременной организации работы в ходе предварительной проверки материалов и на начальном этапе производства по уголовному делу. Вместе с тем, правильно выбранная методика расследования напрямую зависит от верного определения следователем (дознавателем) криминалистических признаков преступлений, раскрывающих сущность противоправного деяния и условия, в которых оно было совершено. Данные криминалистические признаки находят свое закрепление в криминалистической характеристике преступлений того или иного вида. Изучение ее структуры и содержания имеет большое значение для построения частной криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений.

Мнения ученых-криминалистов по вопросу, какие признаки (свойства, черты) необходимо включать в содержание данной криминалистической категории, различны. Например, Л. А. Сергеев в ее структуру включал: обстановку, способ, обстоятельства совершения преступления, взаимосвязи между указанными элементами [1, с. 56]. Н. П. Яблоков в состав криминалистической характеристики включил особенности метода, механизма, обстоятельств совершения преступления [2, с. 79].

Знание закономерностей указанной категории играет важную роль при расследовании преступлений, поскольку это позволяет лицу, производящему расследование, верным образом, с одной стороны, определить предмет доказывания; с другой стороны, верное определение предмета доказывания способствует более целеустремленному осуществлению собирания доказательств, что, в свою очередь, должно обеспечить высокое качество расследования преступления [3, с. 161].

Наиболее значимыми для расследования преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, являются следующие элементы криминалистической характеристики:

- сведения, характеризующие предмет преступного посягательства;
- сведения, характеризующие способ его совершения;
- сведения, характеризующие механизм следообразования;
- сведения, характеризующие обстановку совершения преступного деяния;
- сведения, характеризующие личность преступника и потерпевшего.

Представленные структурные элементы криминалистической характеристики неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей составляют единую систему сведений, находящихся в корреляционных связях и имеющих существенное значение для прогнозирования оптимальных путей поисковой деятельности дознавателя при расследовании данных преступлений.

Предметом преступления выступают денежные средства, установленные решением суда, а также определенные нотариально заключенным соглашением между сторонами денежные средства в долях к заработку и (иному) доходу лица, имущество, периодически или одновременно уплачиваемые твердые денежные суммы (ст. 104 Семейного кодекса РФ). Алименты индексируются с учетом инфляции как в соответствии с соглашением об уплате алиментов, так и, при отсутствии такового, на основании закона (ст. 117 СК РФ). При этом в случае взыскания алиментов в рамках приказного производства размер денежной суммы или стоимости движимого имущества не должна превышать 500 тыс. руб. Следует отметить, что при получении дохода в иностранной валюте алименты подлежат взысканию в национальной валюте Российской Федерации, то есть в рублях, в твердой денежной сумме, конвертируемой по текущему курсу и определяемой максимально возможным сохранением прежнего уровня обеспечения ребенка (ст. 83 СК РФ).

Совершение неуплаты алиментов может совершаться с помощью следующих наиболее распространенных способов:

- представление заведомо недостоверных сведений о месте работы, имеющихся доходах и имуществе (чтобы избежать удержаний по исполнительному листу);
- частое изменение места работы, а также места жительства;
- внесение ложных сведений в анкетные данные и представление недостоверных документов;
- продаже имущества либо его переоформление на третьих лиц;
- внесение незначительных выплат, несопоставимых с размером, установленным решением суда или нотариально удостоверенным соглашением, а также совершение единичной покупки вещей или дарение разовых подарков.

Так, по одному из материалов уголовных дел было установлено, что злостный неплательщик алиментов, достоверно осведомленный об административном наказании за неуплату алиментов своему малолетнему сыну, имея доходы от временной трудовой деятельности, продолжал уклоняться от выплаты алиментов. О месте своей работы данное лицо не информировало судебного пристава-исполнителя, часто меняло место работы, не предпринимая попыток постоянно трудоустроиться.*

Как известно, уплата алиментных платежей, согласно семейному законодательству, может производиться как в добровольном, так и в принудительном порядке. Учитывая, что в настоящее время большая часть населения получает доходы путем зачисления денежных средств на банковские карты, то в ситуациях, когда алиментные платежи взыскиваются в принудительном порядке, их списание с банковской карты должника производится банком в автоматическом режиме.

В связи с этим в целях неисполнения обязанностей по уплате алиментов субъект преступления должен предпринять соответствующие активные действия для сокрытия имеющихся у него средств, на которые обращается взыскание алиментных платежей.

В случае, если гражданин, обязанный уплачивать алименты, получает доход в наличной форме, то неисполнение указанных обязанностей осуществляется наиболее простым способом: отказом передавать сумму, определенную нотариальным соглашением сторон или решением суда, получателю алиментов.

Материальными следами будут являться различного рода изменения в физическом плане в окружающей среде. К ним можно отнести следы, которые остались после совершения определенного действия, разного рода предметы, способствовавшие совершению преступления, а также документы, в которых содержится информация, имеющая значение для расследования.

* Приговор Шелеховского городского суда (Иркутская область) по делу № 1–121/2021 от 17.03.2021. URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/qpwWrRIWithVh/>.

Совершение рассматриваемых нами преступлений не подразумевает активных действий на месте происшествия, отображающих механизм слеодообразования в окружающей обстановке. Вместе с тем, материальные следы преступления о «неуплате» следует искать в различных документах. Такими документами выступают справки, расписки, выписки о перечислении на банковский счет или передаче в наличной форме денежных средств получателю алиментов, с признаками материального или интеллектуального подлога. Помимо этого, рукописные записи или подписи лица в отдельных документах, документально подтверждающих факт осведомленности лица о необходимости уплаты алиментов (в том числе, вследствие административного производства по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ), является также элементом следовой картины рассматриваемого преступления.

К идеальным следам преступления необходимо отнести сведения, полученные как от самого неплательщика алиментов, потерпевшего, так и от свидетелей в лице законного представителя потерпевшего, судебного пристава-исполнителя, в исполнительном производстве которого находилось соответствующее дело, при необходимости – специалистов Центра занятости населения, работодателя подозреваемого и т. д.

Обстановка совершения преступления, включая в себя пространственные и временные факторы, характеризуется следующими параметрами:

- взаимодействием людей между собой (социальный элемент обстановки), характеризует определенную жизненную ситуацию;
- взаимодействием людей и факторов материальной (физической) среды;
- взаимодействием между различными факторами материальной (физической) среды.

В связи с этим необходимо отметить следующие особенности, характеризующие обстановку совершения преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ:

1) неоднократность совершения указанного деяния (то есть неуплаты алиментных платежей в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию) – в указанном случае имеется в виду связь с таким фактором, как время; рассматриваемое преступление является дящимся;

2) отсутствие уважительных причин (социальный фактор). Законодательство не раскрывает понятие уважительной причин такого рода неуплаты, что связано с невозможностью в уголовном законе предусмотреть все случаи и жизненные обстоятельства, когда причины неуплаты алиментных платежей следует считать уважительными. Поэтому указанное понятие является оценочным. Как правило, в судебной практике таковыми признаются: прохождение военной службы по призыву лицом, обязанным уплачивать алименты; заболевание или травма, с которыми связана нетрудоспособность плательщика алиментов [4]. Верховный Суд РФ также сформулировал общий подход к оценке причин неуплаты как уважительных. Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей судом признается связанной с наличием уважительных причин, когда деяние совершено при обстоятельствах, не зависящих от лица. Такие причины возникают помимо воли плательщика алиментов (например, связаны с виной других лиц – банковских организаций, не перечисляющих соответствующие платежи, работодателя, который не выплачивает заработную плату, и пр.) [5];

3) пространственный фактор, поскольку преступление совершается виновным в условиях определенного места (возможна смена неплательщиком места жительства, смена места работы и т. п.);

В группу лиц, совершающих рассматриваемые преступления, входят родители, независимо, обладают ли они в настоящий момент родительскими правами или лишены их, а также лица, отцовство которых установлено в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 48, ст. 49 СК РФ, усыновители, за исключением случаев, когда решение об усыновлении отменено.

Анализ материалов уголовных дел по ч. 1 ст. 157 УК РФ в период 2018–2022 г. показал, что в 71,4 % случаев неплательщиками алиментов являются мужчины. Данный показатель

объясним тем, что, как правило, именно отцы наделены обязанностью уплаты алиментов своим детям, поскольку, как показывает практика, при разводе дети большей частью остаются с матерью.

Важно, что к характеристике личности преступника относится факт повторной (неоднократной) неуплаты лицом средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения без уважительных причин в период, когда такое лицо будет подвергнутый административному наказанию за аналогичное правонарушение, предусмотренное ст. 5.35.1 КоАП РФ. При этом периодом, когда лицо будет считаться подвергнутым административному наказанию, является годичный срок со дня исполнения решения суда о наказании, вступившем в законную силу, а в случаях, например, уплаты административного штрафа до дня вступления в законную силу решения суда – непосредственно со дня его уплаты. При назначении лицу административного ареста, годичный срок исчисляется с даты отбытия данного вида административного наказания.

Так, гражданин Х., являясь родителем несовершеннолетних детей, 10.07.2020 постановлением мирового судьи был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1. КоАП РФ. В нарушение судебного решения данное лицо допустило неуплату средств на содержание детей неоднократно, без уважительных причин не выплачивая алименты детям в период с 01.01.2021 по 01.08.2021.*

Возраст злостных неплательщиков алиментов составляет 30–49 лет (82,3%), образование – среднее профессиональное (39,8%) и среднее общее (37,2%). Большинство из них (80,5%) – трудоспособные, не имеющие постоянного источника дохода, не состоят на учет в Центре занятости населения**.

*Так, например, приговором мирового судьи гр. Ч. признан виновным по ч. 1 ст. 157 УК РФ. Как следует из приговора, виновный официально нигде не работал, существовал на случайные заработки, злоупотреблял спиртными напитками***.*

Относительно типичной личности потерпевшего по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 157 УК РФ, следует отметить, что это в основном дети должника (причем как родные, так и усыновленные), несовершеннолетние или нетрудоспособные совершеннолетние. К последним относятся также лица, которые в силу физического или психического состояния не могут обеспечивать себя.

С учетом изложенного необходимо резюмировать, что под криминалистической характеристикой неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей понимается совокупность наиболее значимых с точки зрения криминалистики свойств данного вида преступлений, образующих систему сведений о механизме их совершения. Установление криминалистически значимых признаков является ключевым фактором, определяющим качество их расследования дознавателями Федеральной службы судебных приставов России. Так, способы совершения рассматриваемых преступлений представляют собой два вида поведения: 1) совершение определенных действий, направленных в целом на сокрытие доходов и имущества (активный способ); 2) виновный может использовать пассивный способ, то есть просто не предпринимать никаких действий для уплаты алиментов. Вместе с тем, при применении того или иного способа характерно оставление наиболее типичных следов, на что должен быть ориентирован дознаватель при установлении обстоятельств совершения неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Важно установить взаимосвязь предмета преступного посягательства с личностью преступника. В зависимости

* Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) от 02.02.2022 по делу № 1–1103/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tMrYgQdqLKUQ/>.

** Данные получены посредством анализа материалов 113 уголовных дел по преступлениям, связанным с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

*** Приговор мирового судьи судебного участка № 8 Центрального района г. Барнаула от 18.05.2018 по делу 1–13/2018. URL: <http://centr8.alt.msudrf.ru/>.

от характеристики личности виновного определяется изначально и порядок выплаты алиментов и их размер (по соглашению или по результатам судебного разбирательства), что, в свою очередь, предопределяет возникновение обстоятельств повторного совершения правонарушения после привлечения лица к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Анализ выявленных закономерностей совершения неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей позволит органу дознания оценить следственную ситуацию, выдвинуть возможные версии, правильно спланировать и провести предварительное расследование.

Список источников

1. Сергеев Л. А. Криминалистика: учебник. М.: Изд-во МГУ, 1971.
2. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. М.: Юрайт, 2016.
3. Михайлов Д. И., Пойто М. С. Значение криминалистической характеристики в расследовании злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей // Современная криминалистика: проблемы теории, практики, обучения: сб. статей по мат-лам междунар. студ. науч.-практ. конф. Новосибирск: Новосибирский гос. технический ун-т, 2019.
4. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.
5. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 6.
6. Емельяненко В. ФССП составила «портрет» должника по алиментам // Российская газета. 2021. 30 мая.

Сведения об авторе

М. А. Киселёва – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

Information about the author

M. A. Kiselyova – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).
С. 112–117.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
2(63):112–117.

Научная статья
УДК 343.982.3

МАРКИРОВОЧНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ КАК ЗАЩИТА ТОВАРА ОТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ольга Викторовна Сидоренко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград
olgasidorenko76@yandex.ru

Аннотация. Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом товаров, входящих в перечень и подлежащих обязательной маркировке, ежегодно растет. Такие товары реализуются крупными партиями под видом маркируемого товара, что наносит большой ущерб экономике государства, подвергает опасности жизнь и здоровье граждан (при условии использования некачественных компонентов, входящих в состав продукции, просроченного или запрещенного продукта и пр.). В статье названы виды маркировок и технические сведения способа их нанесения (материалы и устройства). Рассмотрена возможность унифицированного применения на материалах, характеризующихся разными свойствами. Выявлены пробелы в законодательстве, отражающие ограниченный перечень товаров, подлежащих обязательной маркировке, отсутствие требований к идентификаторам. Корректировка данных аспектов позволит систематизировать контроль за товарооборотом, способствовать проведению качественных исследований.

Ключевые слова: товарооборот, контрафактная продукция, виды маркировок, криминалистическая идентификация.

Для цитирования: Сидоренко О. В. Маркировочные обозначения как защита товара от фальсификации: криминалистические аспекты // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 112–117.

Original article

MARKING DESIGNATIONS AS PROTECTION OF GOODS FROM FALSIFICATION: FORENSIC ASPECTS

Olga V. Sidorenko

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd
olgasidorenko76@yandex.ru

Abstract. The number of crimes related to the illegal turnover of goods included in the list and subject to mandatory labeling is growing every year. Such goods are sold in large quantities under the guise of labeled goods, which cause great damage to the economy of the state, endangers the life and health of citizens (subject to the use of low-quality components included in the product, expired or prohibited product, etc.). The article names the types of markings and technical information about the method of their application (materials and devices). The possibility of unified application on materials characterized by different properties is considered. Gaps in legislation reflecting a limited list of goods subject to mandatory labeling, lack of requirements for identifiers have been identified. The adjustment of these aspects will make it possible to systematize the control of trade turnover, to facilitate the conduct of qualitative research.

© Сидоренко О. В., 2023

Keywords: trade turnover, counterfeit products, types of markings, forensic identification.
For citation: Sidorenko O. V. Marking designations as protection of goods from falsification: forensic aspects // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63) :112–117.

Ежедневное использование товаров жизнедеятельности (пищевых, хозяйственно-бытовых, технических и пр.) способствует увеличению их производства. Спрос потребителя порождает масштабы производства, что экономически выгодно для развития государства. Посредством такого роста расширяются возможности, направленные на развитие малого бизнеса и предприятий, имеющих объемные и долгосрочные проекты. В задачи государства входит не только создание благоприятной среды для потребителя, но и ее поддержание на протяжении длительного периода времени.

Считаем, что в настоящее время эта область требует пристального внимания вследствие таких причин, как ограниченный круг предметов торговли, требующих обязательной регистрации и идентификации; под видом сертифицируемого ассортимента возможность нелегального вывоза и ввоза иных товаров; отсутствие единых требований к используемым маркираторам и их свойствам.

Контроль за оборотом товаров и изделий, реализуемый внутри рынка, будет способствовать исключению обозначенных факторов, а эффективность может быть достигнута за счет учета и проверки всей продукции, и пищевой, и промышленной, и иной, выработанной на территории государства, а также ввоза импорта, поставляемого иностранными производителями.

С 2016 г. по настоящее время по ограниченному перечню товаров предложены так называемые «пилотные» проекты, предусматривающие выделение таких товаров в потребительской сфере посредством маркировки.

В понятие маркировки товара включен комплекс мероприятий, направленных на его индивидуализацию. Идентификация продукции осуществляется знаками утвержденного образца (контрольными знаками), которые отражают сведения, характеризующие их (общее описание, особенности, технические свойства, метаданные, производителя и др.). Аккумуляция данных о продукте позволяет легко установить его местонахождение и быстро оперировать необходимой информацией в рамках решаемых задач [1, с. 11].

Однако проводимые мероприятия по исполнению положений об индивидуализации изделий контрольными (идентификационными) знаками выявили несостоятельность некоторых из них и способствовали его модификации, неоднократному внесению дополнений в нормативные документы.

С 2019 по 2021 г. законодателем дополнительно выделены товары, которые подлежат обязательной маркировке: товары легкой промышленности, духи и туалетная вода, шины, технические средства, молочная продукция, упакованная вода, а также стандартизованы требования к слабоалкогольной продукции и пиву.

Рост контрафакта в области медицинского ассортимента повлек принятие решения о проведении экспериментальных мероприятий по маркировке данных реализаций. Цель принятого в 2022 г. нормоустановления – систематизация показаний о продукции и ее составе, что позволяет «однозначно идентифицировать товарную единицу для обеспечения противодействия незаконному ввозу, производству и обороту отдельных видов медицинских изделий, в том числе контрафактных, а также для повышения собираемости налогов и таможенных платежей»*.

С увеличением товарооборота, направляемого в пункты реализации (места, предусматривающие торговую деятельность по их распространению, в том числе и электронные

* О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по маркировке отдельных видов медицинских изделий средствами идентификации: постановление Правительства РФ от 09.02. 2022 № 137. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ресурсы), маркировка приобретает все большее значение, меняется ее внешний вид с обозначения товарного знака на различные цифровые и знаковые индивидуализации, которые в значительной степени позволили автоматизировать процесс считывания информации на них на производственных линиях. Таким образом, маркировка стала обеспечивать не только информационную, но и защитную функцию, в частности, защиту от фальсификации продукции.

Санкции за деяния, направленные на подрыв экономической составляющей государства, предусматривающей ответственность за, нашли свое отражение в положениях кодекса, регулирующего вопросы уголовного законодательства [9].

Ежегодно, согласно данным МВД России, количество выявляемых преступлений, связанных с незаконным оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке (ст. 171.1 УК РФ), растет. В 2021 г. выявлено 89 преступлений, что на 23,6 % больше, чем в 2020 г. В 2022 г. правоохранительными органами было выявлено 96 преступлений в сфере, предусматривающей обязательную индивидуализацию продуктов посредством маркирования, 90 правонарушений квалифицированы как совершенные в крупном и особо крупном размере*.

Несмотря на активную борьбу с распространением контрафактной продукции, сотрудниками правоохранительных органов ежегодно изымаются и направляются на экспертизу большие объемы единиц контрафактного товара. Так, в июне 2022 г. сотрудниками, обеспечивающими контроль в сфере экономической безопасности по г. Новокузнецку, выявлен факт реализации контрафактной продукции. В торговых павильонах и складе изъята немаркированная продукция табачных изделий в количестве 14 тыс. ед., общей стоимостью 1,6 млн руб. В октябре 2022 г. в Воронежской области в процессе проводимых мероприятий уполномоченными лицами установлено хранение и сбыт немаркированной табачной продукции. Из незаконного оборота изъято 145 тыс. пачек сигарет, стоимостью 23 млн руб.

Представленные факты подтверждают возможность реализации под видом сертифицируемого ассортимента нелегально ввезенных товаров, что наносит ущерб экономике государства.

В целях совершенствования законодательства Российской Федерации, направленного на противодействие незаконному обороту промышленной продукции, в том числе ужесточение ответственности за производство, хранение, перевозку и сбыт контрафактной и фальсифицированной продукции, Правительством РФ определено формирование проектов федеральных законов. В частности, предусмотрено «закрепление положений о вывозе, хранении вне места изъятия, об уничтожении, утилизации (переработке) и о реализации изъятых из оборота немаркированных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, производственного оборудования, использовавшегося для изготовления таких товаров, автомобильного транспорта, использовавшегося для их перевозки, в отношении отдельных групп товаров»**.

Также Правительством РФ систематизирован список товаров, для которых обязательна идентификация***. При этом преследуются две основные цели: 1) установление жесткого контроля над оборотом продукции внутри рынка, в частности, возможность отслеживания полного пути товара от производителя через всех посредников непосредственно до потребителя; 2) защита товаров и изделий от фальсификации.

* Статистический отчет о состоянии преступности в России за 12 месяцев 2020, 2021, 2022 гг. URL: <http://mvd.10.5.0.16>.

** Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 года и целевых индикаторов Стратегии: распоряжение Правительства РФ от 20.10.2021 № 2964-р (ред. от 20.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** О дополнении перечня товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 792-р: распоряжение Правительства РФ от 24.02.2022 № 313-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Большой объем производимой продукции требует быстрого и качественного нанесения маркировочных обозначений непосредственно на изделие или на его упаковку. Среди основных условий маркировки – ее четкость и читаемость. Кроме эстетических, технологических и экономических требований маркировка должна удовлетворять требованиям стандартизации и унификации [2, с. 89].

В настоящее время предлагается большое количество различных видов маркировок, наносимых на товары и изделия. Условно они делятся на две большие группы: механические методы (маркирование давлением, иглоударное, механическое гравирование) и методы, основанные на физических и химических процессах (электроэрозионное, химическое, электрохимическое, ультразвуковое, лазерное, нанесение маркировки лакокрасочными составами).

Маркирование давлением наносится ударным и давящим методом, происходит маркирование и клеймение. Использование при маркировании набора буквенно-цифровых клейм – простой и универсальный способ, однако он неприменим для производств, имеющих большой оборот готовой продукции, т. к. количество маркировок, качественно нанесенных рабочим за смену, ограничено.

К ручным относится способ отображения штамповкой, при котором пневматическими, винтовыми или ручными прессами наносится оттиск на изделия в готовом виде.

Наиболее автоматизированным видом механического нанесения обозначений является иглоударное маркирование. Для реализации этого вида используется специальное оборудование, состоящее из маркирующей головки и управляющего контроллера. Производительность и скорость нанесения знаков таким способом во много зависят от типа маркирующей головки и принципа ее действия. Использование электромеханических систем проигрывает программируемым пневматическим установкам как в скорости и сложности наносимых маркировочных обозначений, так и в сроке службы самих ударных элементов – игл. Немаловажным критерием использования данного вида нанесения меток является достаточная твердость материала, которым характеризуется изделие.

Использование вышеописанных способов индивидуализации имеет отрицательные стороны, обусловленные низкой производительностью, временными затратами, ограниченным перечнем материалов, подлежащих маркированию (металлы и пластмасса). Как результат, они могут способствовать необратимым изменениям рабочих частей оборудования, маркируемого изделия, проявившихся в их деформации.

Кроме того, существует маркирование выжиганием, абразивной струей, металлизацией и окрашиванием, а также клеевой метод маркирования.

Электроэрозионное маркирование использует энергию дуговых, искровых и импульсных электрических разрядов, которые возникают между самим изделием и электродом (инструментом, наносящим маркировку). Из-за возникающей высокой температуры и большого количества тепла при использовании такого метода происходит разрушение материала изделия.

При химическом маркировании используются кислотные или щелочные растворы, которые наносятся через специальные трафареты непосредственно на изделие и подвергаются травлению в течение некоторого времени в зависимости от материала реализации. Механического воздействия на продукт нет, что исключает его деформацию, однако этот способ не отличается высоким качеством отображаемой информации на изделии, кроме этого скорость нанесения маркировки низкая. В основном он применяется для нанесения каких-либо одиночных клейм и отметок.

Процессом травления и растворения материала изделия во время нанесения метки можно управлять, увеличивая время воздействия кислоты или щелочи, а также пропуская электрический ток через травильный раствор, создавая электролит. Такой способ маркировки называется электрохимическим.

Фотохимический способ основан на химическом превращении веществ и их способности изменяться под воздействием света. Наносимое изображение маркировки предварительно фотографируется, после чего светокопированием переносится на поверхность изделия, на которой предварительно нанесен слой светочувствительной эмульсии. Этот способ обозначения обладает высокой сложностью технологического процесса, получаемые изображения обладают недостаточной прочностью, но, тем не менее, довольно широко распространены при нанесении изображений на изделия из стали, латуни, алюминия, органического стекла.

Ультразвуковой способ нанесения маркировочных обозначений применяется, когда необходимую информацию нужно нанести на материалы значительной твердости и хрупкости – стекло, фарфор, кварц, керамику, технические камни и т. п.

Маркировка при помощи лакокрасочных составов имеет широкое распространение, например, в пищевой промышленности. В основе данного метода лежит использование адгезионных свойств лакокрасочных составов, то есть на их способности после высыхания надежно соединяться с изделием. Такое обозначение можно наносить практически на любые поверхности, которые были предварительно обработаны механическим путем. Используемыми лакокрасочными составами могут быть краски, эмали, лаки, пасты и специальные составы, обладающие стойкостью к стиранию, устойчивостью к неблагоприятным погодным условиям, обеспечивающие четкость изображения.

Лазерная маркировка имеет свои особенности. Ее относят к наиболее перспективным методам, может использоваться на различных материалах. В процессе, направленном на реализацию отображаемой информации, участвует лазерный луч, который двигается по заданной траектории. Под его воздействием происходит испарение материала, способствующее отображению необходимой информации [3, с. 73]. Несомненным преимуществом этого способа нанесения изображений является отсутствие механического воздействия на готовое изделие.

Перечень товаров и изделий, на которые можно нанести лазерную маркировку, большой: от малых (ювелирные изделия) до больших (детали механизмов в авиастроительной промышленности); от хрупких (скорлупа куриных яиц) до твердых (агрегаты и детали, используемые в атомной промышленности). Она, помимо высокой скорости нанесения, характеризуется высокой точностью и детализацией наносимой на изделие информации.

Особенности изделий (материал, свойства, габариты и др.) ограничивают способы нанесения маркировок, т. к. они не всегда приемлемы для требований, предъявляемых в отношении конкретных наименований товаров. Представленные технологии из общего числа выделяют два, наиболее адаптированных вида маркировок – лазерная маркировка и маркирование лакокрасочными составами. Специфика их технологических процессов предполагает возможность идентификации установки нанесения маркировок, а это, в свою очередь, способствует проведению исследований в различных областях, в том числе и криминалистической.

Законодатель не предусматривает применение конкретного способа нанесения маркировок на товары и изделия массового производства, это, безусловно, является большим пробелом в правовом регулировании и, как следствие, может быть использовано лицами, имеющими умысел на осуществление незаконной предпринимательской деятельности. Считаем, что правоустанавливающие действия, направленные на закрепление способов маркировок конкретных категорий товаров, позволят при изучении отображаемых признаков маркировочных проявлений индивидуализировать и идентифицировать объект, тем самым подтверждая оригинальность товара.

Таким образом, важно отметить необходимость установления единых требований к маркираторам и предусмотреть их использование в соответствии с характеристиками материала изделия, требующего идентификации. Для их законной реализации внести предложения об изменении законодательства.

Список источников

1. Ермолова О. Н., Кавелина Н. Ю. Проблемы внедрения маркировки товаров средствами идентификации // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 11–13.
2. Кудинова Н. С., Сухарев А. Г. Лазерная защитная маркировка как средство предотвращения отдельных видов преступления: учеб. пособие. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2010. – 92 с.
3. Кудинова Н. С., Косыгина Т. А. Значение криминалистических исследований защитной маркировки изделий массового производства в целях обеспечения экономической безопасности // Информационная безопасность регионов. 2017. № 3–4. С. 72–76.

Информация об авторе

О. В. Сидоренко – кандидат юридических наук, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

Information about the author

O. V. Sidorenko – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor of the Department of Fundamentals of Forensic Activity of the Educational and Scientific Complex of Forensic Activity

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 118–123.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):118–123.

Научная статья
УДК 343.983

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ QR-КОДА ДЛЯ МАРКИРОВКИ ОРУЖИЯ И ИЗДЕЛИЙ, КОНСТРУКТИВНО СХОДНЫХ С НИМ

Федор Петрович Самуйленко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград
samuylenkof@yandex.ru

Аннотация. Актуальность затронутой в статье темы, обусловлена развитием техники и цифровых технологий, использование которых в значительной мере может способствовать раскрытию и расследованию преступлений. В данной работе рассматриваются возможности применения QR-кода, в котором будут содержаться данные о сертификате соответствия, заводе изготовителе и другая необходимая информация, при маркировке оружия и изделий, конструктивно сходных с ним, на примере образования графического изображения кода на клинке ножа.

Ключевые слова: маркировка объекта, QR-код, сертификация, холодное оружие, экспертное исследование

Для цитирования: Самуйленко Ф. П. Возможности использования QR-кода для маркировки оружия и изделий, конструктивно сходных с ним // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 118–123.

Original article

THE POSSIBILITY OF USING A QR-CODE TO MARK WEAPONS AND PRODUCTS STRUCTURALLY SIMILAR TO IT

Feodor P. Samuylenko

Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Volgograd
samuylenkof@yandex.ru

© Самуйленко Ф. П., 2023

Abstract. The relevance of the topic raised in the article is due to the development of technology and digital technologies, the use of which can greatly contribute to the detection and investigation of crimes. This paper examines the possibilities of using a QR-code, which will contain data on the certificate of conformity, the manufacturer and other necessary information, when marking weapons and products structurally similar to it, using the example of the formation of a graphic image of the code on the blade of a knife.

Keywords: object marking, QR-code, certification, edged weapons, expert research

For citation: Samuylenko F. P. The possibility of using a QR-code to mark weapons and products structurally similar to it // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):118–123.

На современном этапе открывается большой спектр возможностей внедрения современных цифровых технологий в процесс производства судебных экспертиз.

В настоящее время широкое распространение получила быстро развивающаяся технология, позволяющая кодировать различную информацию в графические метки – QR-код, который легко считывается, прост в формировании и нанесении, а также содержит большой объем разноформатной информации.

QR (англ. Quick Response – «быстрый отклик») – это двумерный формат штрих-кода, который быстро и четко считывается цифровым устройством и хранит информацию в виде серии пикселей в квадратной сетке. Визуально сетка выглядит как черно-белый узор.

Сегодня QR-коды используются в самых различных отраслях. Примером могут служить ссылки на сайты, номера телефонов или тексты, контроль качества, учет, пропускная функция и т. д.

QR-код представляет собой монохромную картинку. В ней может содержаться самая разная информация, различающаяся как по объему, так и по формату. Процесс создания QR кода (его генерации) можно подразделить на несколько этапов*: 1) кодировка необходимых данных; 2) добавление служебной информации; 3) деление информации на соответствующие блоки; 4) создание байтов коррекции; 5) объединение всех блоков.

Сгенерированный QR-код легко захватывается специальными устройствами обработки изображений, в том числе камерой смартфона, а затем обрабатывается цифровым способом для считывания содержимого.

В настоящее время существует достаточно большое количество ресурсов, предлагающих услуги по генерации QR-кода. Сам процесс генерации кода для пользователя представляет собой приблизительно следующее. Выбирается программа, в которой будет осуществляться кодирование, в соответствующее поле заносится информация, которую необходимо закодировать. Далее делается запрос о кодировании, после чего программа выдает изображение (QR-код), в котором будет содержаться представленная информация.

Возможность применения QR-кода в качестве маркировки холодного оружия, а также изделий, конструктивно сходных с ним, в котором будет содержаться информация о сертификате соответствия, заводе-изготовителе, дате изготовления и др., в значительной мере способствовало бы сокращению времени и усилий на производство экспертизы и способствовало повышению ее качества.

Порядок сертификации и маркировки холодного оружия, а также конструктивно сходных с ним изделий, в российском законодательстве строго регламентирован. Обязательная сертификация для холодного оружия и конструктивно сходного с ним изделий проводится таким же образом, как и для любой другой продукции, подлежащей обязательной оценке соответствия национальным стандартам. Эта оценка осуществляется по национальным схемам сертификации и декларирования, сертификаты выдают аккредитованные органы. По успешным результатам оценки выдается знак обращения на рынке РФ.

* Алгоритм генерации QR-кода [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/post/172525/>.

Сертификационные испытания проводятся специалистами в соответствии с отдельно разработанной методикой, на основании требований ГОСТов.

В рамках проведения сертификации образец подвергается полному и всестороннему комплексному исследованию, по результатам которого данный объект признается или не признается холодным оружием. При этом обязательно указывается его типовая принадлежность. При несоответствии ножа требованиям, предъявляемым к холодному оружию, определяется его принадлежность к объектам хозяйственно-бытового назначения (туристический, шкуроръемный или разделочный нож) [1].

Наличие сертификата соответствия, который выдается по результату проведенных исследований, является обязательным основанием для законного оборота гражданского и служебного оружия, а также конструктивно схожих с ним изделий на территории Российской Федерации.

Сертификаты выдаются уполномоченным органом по сертификации только при наличии результатов криминалистических исследований сертифицируемых образцов в аккредитованной испытательной лаборатории ГУ ЭКЦ МВД РФ, проводящей работы по установлению их принадлежности к определенному типу (виду) гражданского, боевого холодного оружия или изделиям хозяйственно-бытового назначения [2].

Дополнительно оформляется приложение к протоколу сертификационных криминалистических испытаний. Оно содержит описание последовательности и результаты всех этапов испытаний, вывод о принадлежности исследуемого образца к определенному виду и типу холодного оружия, в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об оружии», – сведения о порядке оборота, ограничении или запрете оборота конкретного образца на территории Российской Федерации.

В качестве приложения к протоколу заполняется также информационный листок, который оформляется в двух экземплярах. В информационном листке отражена следующая информация: номер и дата протокола; наименование испытанного образца; его номер по каталогу; производитель и страна изготовления; краткий вывод о принадлежности к холодному оружию; сведения о порядке оборота, ограничении или запрете оборота конкретного образца на территории Российской Федерации со ссылками на соответствующие положения Федерального закона «Об оружии» и другие нормативные акты, регламентирующие оборот, а также технические характеристики образца и фотоснимок его общего вида.

Один из экземпляров информационного листка помещается на оборотной стороне протокола, который направляется в орган сертификации. Оформление второго экземпляра осуществляется на отдельном листе и передается заявителю в качестве приложения к сертификату. Информационные листки к справке об исследовании оформляются аналогично. Копии информационных листков должны быть опубликованы. Данная информация является официальными справочно-методическими материалами.

Необходимо отметить, что в настоящее время размещение информационных листков довольно разрозненно, а поиск их в рамках проведения экспертного исследования достаточно хаотичен. Этот факт в значительной мере усложняет процесс проведения сравнительного анализа при производстве экспертизы. В результате этого увеличивается время на ее проведение, а также повышается вероятность ошибки.

Относительно маркировки холодного оружия, а также изделий, конструктивно сходных с ним, следует отметить, что маркировки в обязательном порядке подвергаются только изделия, принадлежащие к категории холодного оружия. Например, объекты, относящиеся к оружию, на основании требований Федерального закона «Об оружии» должны содержать маркировочные обозначения. В них должны быть отражены товарный знак или логотип завода изготовителя и номер, необходимый для его регистрации.

Способ нанесения маркировки на изделие может быть различным – штамповка, травление, гравировка, выжигание. При этом устойчивость регистрационного номера, а также клейма изготовителя на изделии должно обеспечиваться в течение всего периода эксплуатации. Располагаться маркировка должна на несъемной детали (клинок, ограничитель, рукоять). При их наличии ножен маркировочное обозначение товарного знака или логотипа завода изготовителя должно быть продублировано на них.

Регистрационные номера на объекты импортного производства, подлежащие обязательным сертификационным исследованиям, должны наносить соответствующие торговые предприятия, осуществляющие их оптовую или розничную продажу.

В рамках исследования изготовленных промышленным способом объектов, относящихся к холодному оружию, а также изделий, конструктивно с ним сходных, эксперту необходимо провести сравнительный анализ с данными информационных листов к протоколам сертификационных криминалистических испытаний. Учитывая сложности в поиске этих документов, возникает резонный вопрос: имеется ли возможность, используя современные технологии, упростить работу в этом направлении?

Для ответа на вопрос о возможности применения QR-кода был проведен эксперимент, в рамках которого поставлены следующие задачи:

- сгенерировать QR-код, содержащий информацию об объекте;
- нанести полученный код на изделие;
- считать QR-код с изделия для получения справочной информации.

Что касается программной стороны вопроса, то не составляет труда информацию об объекте, полученную в результате его сертификации, в полном объеме закодировать и сформированный код разместить на объекте. При этом отметим, что значительно удобнее использовать для кодирования соответствующий URL (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса) – адрес, где будут размещены оцифрованные документы, полученные при сертификации конкретного объекта.

Таким образом, в качестве кодируемой информации (образца) взят электронный адрес интернет-магазина «Русский булат». На веб-странице <http://rus-bulat.ru/photos/sertifikaty/> размещены сертификаты соответствия. С помощью ресурса QR Coder.ru данный адрес был сгенерирован в QR-код для последующего нанесения его на объект (рис. 1).

QR Coder.ru – это бесплатный онлайн-ресурс, не требующий регистрации учетной записи. Способен генерировать статичные QR-коды. Ориентирован для определенного контента, не требующего последующего редактирования после генерации. Предназначен для физических лиц, малого и микробизнеса. Позволяет генерировать следующий контент: URL-адрес веб-страницы; Vcard – виртуальную визитную карту; текстовые файлы (фрагмент текста); адреса электронной почты; SMS (для отправки заранее написанного SMS); Wi Fi-настройки для подключения к сети.

Рис. 1. Сгенерированный QR-код, в котором содержится адрес страницы сайта

Необходимо отметить, что в соответствии с требованиями к маркировочным обозначениям QR-код, нанесенный на холодное оружие, а также изделие, конструктивно сходное с ним, для полноценного функционирования должен отвечать целому ряду требований. К основным можно отнести устойчивость (износостойкость) на объекте, хорошую отображаемость, возможность беспрепятственного считывания. При этом необходимо учитывать стоимость его нанесения и отсутствие влияния на технические характеристики объекта. Размерные характеристики кода должны обеспечивать нормальное считывание и не нарушать декоративные свойства изделий.

В настоящее время существует достаточно широкий спектр технических возможностей для нанесения QR-кода на различные материалы. На основании изучения и анализа технологических процессов различных методов, заявленных технических характеристик, себестоимости, доступности, а также баланса положительных и отрицательных сторон получаемого результата для проведения эксперимента был выбран способ нанесения QR-кода с помощью лазерной гравировки.

В качестве экспериментального образца взят клинковый предмет с твердостью стали 42HRC. QR-код наносился лазерной гравировкой в районе пяты клинка. Размер изображения составил 15 x 15мм (рис. 2).

Рис. 2. Нож с изображением QR-кода, выполненного лазерной гравировкой в районе пяты клинка

Учитывая рельефность полученного отображения QR-кода на клинке ножа, его износостойкость – на высоком уровне. Дефектов на клинке, образованных в результате лазерной гравировки (сколы, трещины, потемнения, оплавления и т. д.), не выявлено. В процессе считывания кода отрицательных моментов не выявлено, код считывается отлично при каждой попытке, при этом открывается страница сайта, адрес которой был закодирован (рис. 3).

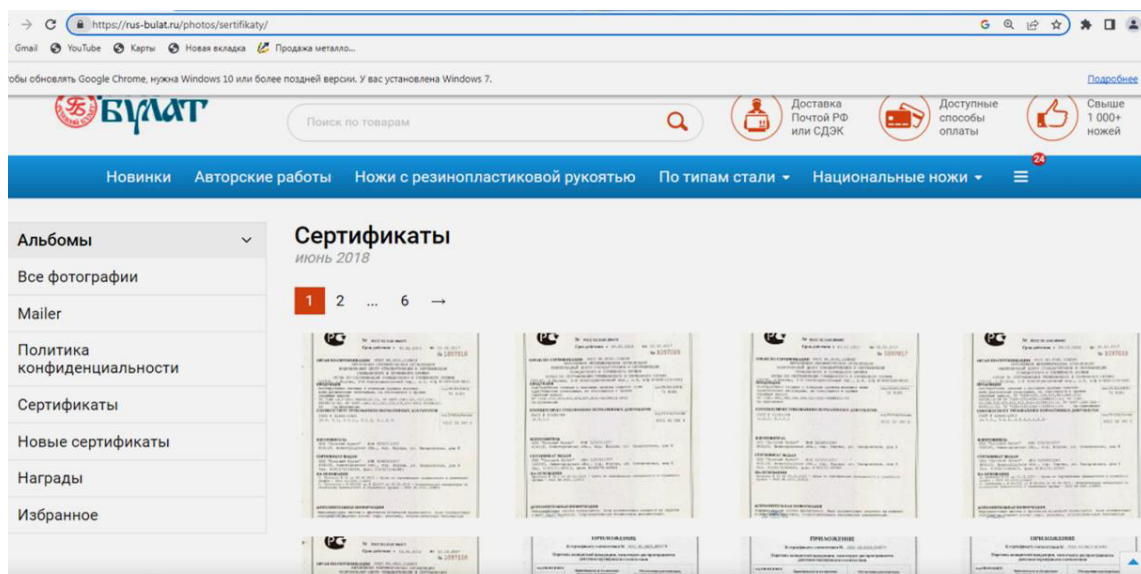

Рис. 3. Страница сайта, адрес которой сгенерирован в QR-код

Проведенный эксперимент выявил в качестве положительных сторон доступность данного метода (не требуется сложного дополнительного оборудования для считывания кода); достаточную скорость обработки и поиска данных; полноту получаемой информации.

Таким образом, необходимо отметить, что добавление QR-кода к существующим маркировочным обозначениям не составит больших сложностей (как с технической, так и с финансовой стороны). Относительно изделий, конструктивно сходных с холодным оружием, где маркировочные обозначения не являются обязательными, то можно отметить, что в QR-коде могут содержаться ссылки как на техническую информацию о сертификации изделия, так и на разноплановые информационные ресурсы производителя (продавца). В качестве примера можно привести возможность проверки подлинности изделия, подробной информации о нем, дополнительной рекламной информации и т. д. В результате могут быть нивелированы затраты, возникающие при обязательном нанесении закодированной информации на изделие.

С точки зрения эксперта, проводящего экспертное исследование, возможность использования QR-кода значительно упрощает поиск необходимой информации, систематизирует данный процесс, сокращает временные затраты на производство экспертизы. Помимо экспертных подразделений информация, генерированная в QR-коде, может быть полезна для участковых уполномоченных, а также для оперативных сотрудников.

Необходимо отметить также, что использование возможности кодирования информации и маркировки объектов довольно широко, в частности, в борьбе с контрафактной продукцией, с незаконным оборотом, с налоговыми преступлениями и т. д.

Список источников

1. Латышов И. В., Никитин И. И., Чулков И. А. Криминалистическая экспертиза холодного и метательного оружия: учебник. Волгоград, 2013. – 116 с.
2. Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия: метод. рекомендации / В. Н. Шведко, Е. Ю. Сеницын, О. Б. Антропова [и др.]. М., 2020. – 87 с.

Информация об авторе

Ф. П. Самуйленко – старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

Information about the author

F. P. Samuylenko – Lecturer of the Chair of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 124–131.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):124–131.

Научная статья
УДК 343.982.323

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММ С ТЕХНОЛОГИЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Виталий Андреевич Абрамов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград
ava047@mail.ru

Аннотация. Портретная экспертиза является одним из видов криминалистических экспертиз и доказательством в уголовном судебном производстве. С распространением всеобщей цифровизации объектами данной экспертизы часто становятся фотоизображения лиц, запечатленных на записи с камер наружного видеонаблюдения. Однако не всегда данные видеоматериалы являются пригодными для проведения по ним сравнительного исследования. В настоящее время развитие цифровых технологий идет быстрыми темпами, появляются программы, в работе которых используется технология искусственного интеллекта, в частности, графические редакторы, способные исправлять размытые, пиксельные и поврежденные фотографии. Результаты применения таких программ продемонстрированы в данной работе.

Ключевые слова: портретная экспертиза, искусственный интеллект, графический редактор, видеонаблюдение, идентификация, совмещение

Для цитирования: Абрамов В. А. Возможности использования программ с технологией искусственного интеллекта при производстве портретных экспертиз // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 124–131.

Original article

THE POSSIBILITIES OF USING PROGRAMS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN PRODUCING PORTRAIT EXAMINATIONS

Vitaly A. Abramov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd
ava047@mail.ru

Abstract. Portrait examination is one of the types of forensic examinations and evidence in criminal court proceedings. Currently, more and more objects of this examination are recordings from CCTV cameras. However, these videos are not always suitable for conducting research on them. A forensic expert in the production of this examination has to use various licensed graphic editors. Currently, the development of digital technologies is proceeding at a rapid pace, there are programs that use artificial intelligence technology in their work. One of these programs are modern image editors that are able to fix blurry, pixelated and damaged photos. The results of the application of such programs are demonstrated in this paper.

© Абрамов В. А., 2023

Keywords: portrait examination, graphic editor, mobile application, artificial intelligence, identification, combination

For citation: Abramov V. A. the possibilities of using programs with artificial intelligence technology in producing portrait examinations // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):124–131.

«Портретная экспертиза – это род класса криминалистических экспертиз, проводимых в соответствии с положениями процессуального законодательства в целях установления личности по признакам внешности, зафиксированным на различных объективных отображениях, и выполняемых с помощью специализированных методов исследования. Цели назначения портретной экспертизы разнообразны. Ими являются: установление личности неизвестных преступников, свидетелей, подозреваемых, погибших, умерших по неопознанным трупам; фактов принадлежности документов, удостоверяющих личность их владельцев; розыск преступников и иных лиц. Цели назначения экспертизы определяются ситуацией, из которой возникла необходимость установления конкретного индивидуума, его связи с определенным событием» [1].

В настоящее время с развитием всеобщей цифровизации и коммуникативных технологий объектами портретной экспертизы в 80 % случаях являются лица, запечатленные на записях с камер наружного видеонаблюдения. Это обусловлено распространенностью «молчаливых наблюдателей». В мегаполисах и больших городах человеку почти не удастся передвигаться по улице незамеченным, так как видеокamеры установлены повсюду – на домах и зданиях, на входе в магазины и ларьки, в помещениях офисов и магазинов, в подъездах многоквартирных домов и на территории частных домовладений и т. д. Но даже при таком большом количестве объектов, по которым возможно проведение портретной экспертизы, результаты экспертных исследований сводятся к выводу в форме НПВ. Это обусловлено качеством предоставляемых объектов.

Современные камеры видеонаблюдения, устанавливаемые как в помещении, так и на улице, многообразны и различаются по форме (купольные, цилиндрические и др.), размерам, цене, предназначению (для наружного или внутреннего наблюдения), по технологии передачи сигнала (аналоговые, цифровые). При этом дорогие экземпляры камер обладают высокой разрешающей способностью видеозаписи, что позитивно сказывается на качестве видео. Бюджетные варианты камер наружного наблюдения качество записи позволяет только запечатлеть человека, определить его пол, телосложение и носимые вещи. В большинстве случаев недорогие варианты камер видеонаблюдения устанавливаются частными лицами на территории своих домовладений, управляющими компаниями над подъездами многоквартирных домов, а также в подъездах; индивидуальными предпринимателями для предотвращения каких-либо хулиганских действий и совершения противоправных деяний.

На фото 1 запечатлен мужчина, находящийся в небольшом отдалении от камеры наружного наблюдения. На данном кадре можно отчетливо разглядеть мужчину в возрасте 25–30 лет среднего телосложения. Отчетливо видна его одежда и сумка, которую он несет на правом плече, можно разглядеть некоторые черты лица мужчины. Данной информации достаточно сотрудникам служб, занимающихся раскрытием преступлений, для розыска данного лица. Однако при производстве портретной экспертизы данное изображение лица человека будет признано непригодным для сравнительного исследования, в связи с тем, что все анатомические признаки внешнего облика человека отображаются нечетко, границы элементов размыты (фото 2).

Фото 1. Стоп-кадр видеозаписи, полученной с камеры видеонаблюдения с низкой разрешающей способностью

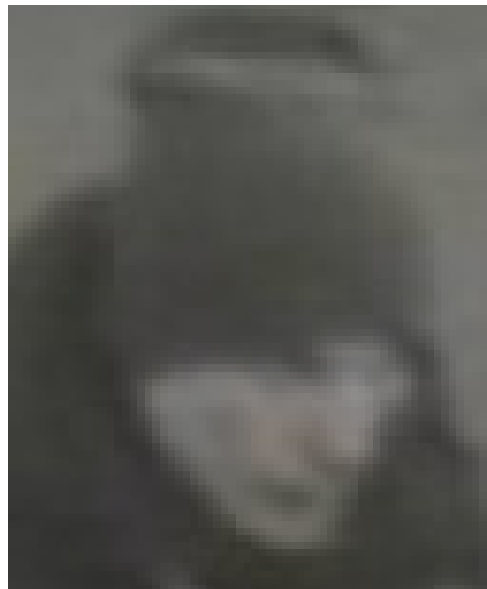

Фото 2. Увеличенное изображение лица мужчины, запечатленного на видеозаписи

Совсем другую картину имеют записи, полученные с камер видеонаблюдения с высоким разрешением, записывающим в качестве HD, Full HD или 4K (фото 3, 4).

Фото 3. Стоп-кадр видеозаписи, полученный с камеры видеонаблюдения, имеющей качество записи 4K

Фото 4. Увеличенное изображение лица мужчины, запечатленного на видеозаписи

На фото 3 запечатлен мужчина, одетый в спецодежду. Он находится на значительном расстоянии от объектива камеры, но при увеличении стоп-кадра (фото 4) установлено, что черты внешнего облика человека относительно четко видны и различимы, это позволяет признать данное изображение пригодным для производства портретной экспертизы.

Таким образом, от разрешающей способности камеры наружного видеонаблюдения напрямую зависит качество получаемой видеозаписи. Но как было отмечено выше, большая часть предоставляемых для производства портретной экспертизы видеозаписей и сделанных с них стоп-кадров низкого качества. Это обстоятельство негативно сказывается на собирании доказательственной базы по уголовному делу, так как в большинстве случаев выводы экспертов сводятся к признанию непригодными представленными изображения для идентификации лица, запечатленного на них.

В настоящее время быстрыми темпами идет создание и развитие программного обеспечения с использованием искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект (ИИ; англ. artificial intelligence, AI) – свойство искусственных интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека; наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ*.

Термин «искусственный интеллект» используется для обозначения большого направления научных и прикладных исследований. Такое название, закрепившееся за этим направлением, у большинства людей ассоциируется, скорее, с разумными роботами или мыслящими компьютерами, многочисленные образы которых были созданы в научно-фантастических произведениях.

Направления в ИИ, выделяемые по развиваемому в них инструментарию, включают: искусственные нейронные сети; эволюционные вычисления; распознавание образов; экспертные системы; эвристическое программирование; мультиагентный подход и т. д.

Сюда также можно отнести и ряд других направлений, включающих исследование более частных групп методов [2].

Обработка изображений в графических редакторах, использующих технологии искусственного интеллекта, продемонстрированы на фото 5, 6.

Фото 5. Исходное изображение

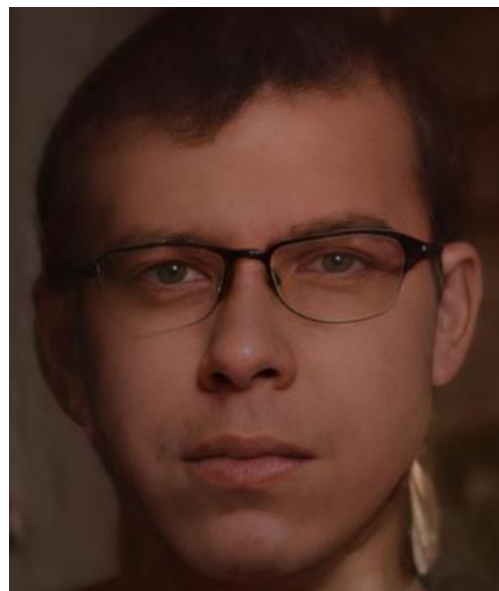

Фото 6. Изображение, отредактированное в программе с технологией ИИ

В рамках производства портретных экспертиз судебный эксперт использует следующие способы идентификации личности: сопоставление; совмещение; наложение.

* [https://ru.wikipedia.org/wiki/искусственный интеллект](https://ru.wikipedia.org/wiki/искусственный_интеллект) (дата обращения: 15.01.2023).

Сопоставление с использованием сравниваемых снимков состоит в поочередном восприятии экспертом одноименных внешних признаков и мысленном выявлении их различия или совпадения. Сопоставление является основным приемом сравнения.

В целях повышения объективности результатов сопоставления следует применять его с разметкой, показывающей на сравниваемых снимках величину, форму, контуры различающихся и совпадающих элементов внешности.

Нередко для сравнительного изучения лица в целом или его отдельных элементов, представленных на снимках в одном положении, применяют координатные сетки. Они накладываются на изготовленные в одном масштабе изображения, ориентируются по одноименным элементам внешности и служат в основном для сравнения величины и положения изучаемых элементов лица.

В целях сосредоточения внимания на сравнении отдельных элементов внешности они могут быть выделены из изображения лица. Это делают с помощью масок, закрывающих всю фотографию за исключением нужной части изображения, либо путем вырезывания из снимков одноименных фрагментов. Сопоставление фрагментов проводится обычным образом, т. е. как и целых изображений лица.

Существенные результаты может дать сопоставление результатов различных измерений. Этот прием используется в случаях, когда можно сопоставить размеры элементов внешности, расстояние между отдельными элементами, количественно определить особенности их взаимного положения. При этом к сравнению привлекаются данные измерений, проведенных при раздельном анализе.

Совмещение изображений лица в целом и деталей внешности применяется, как правило, в случаях их одинакового положения на снимках. При этом одинаковые по масштабу репродукции сравниваемых изображений разрезаются по линии совмещения, построенной на одноименных точках, затем совмещаемые части изображений складываются краями разреза так, чтобы изображение элемента внешности на одном снимке можно было рассматривать как продолжение изображения этой детали на другом снимке. Обычно применяется совмещение изображений лиц в целом, при этом изображение лица разрезается по срединной или зрачковой линиям (однако совмещения могут быть проведены и по любым другим линиям). Полученную часть изображения прикладывают к одноименным воображаемым линиям разреза на другом снимке, стремясь совместить элементы на границах сравниваемых частей. Различие или совпадение выявляется по расхождению или совмещению одноименных линий сравниваемых изображений элементов, которые при совпадении должны служить естественным продолжением одна другой и не разрушать анатомического единства элемента внешности.

Наложение применяется при наличии изображений сравниваемых лиц, сфотографированных в одном и том же положении, и состоит в помещении одного изображения на другое. Это делают таким образом, чтобы каждая пара сравниваемых одноименных частей (точек) изображений лица или другой части тела оказалась в одном месте [3].

Для оценки качества изображений, полученных при помощи графических редакторов с технологией искусственного интеллекта, было проведено сравнительное исследование исследуемого изображения и изображения, полученного в таком редакторе, с экспериментальным изображением анфаса лица. Сравнение проводилось при помощи графического редактора Adobe Photoshop следующими методами:

- совмещение изображений по медиальной линии (фото 8, 9);
- совмещение по ломаной линии (фото 10, 11);
- наложение (фото 12, 13).

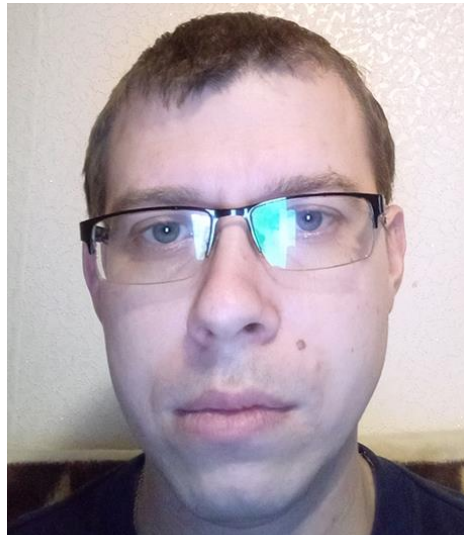

Фото 7. Экспериментальное изображение лица анфас

Фото 8. Совмещение по медиальной линии исходного и экспериментального изображений

Фото 9. Совмещение по медиальной линии отредактированного и экспериментального изображений

В результате проведенного сравнительного исследования установлено:

– при совмещении изображений по медиальной и ломаной линиям контуры элементов внешности лица в обоих изображения продолжают и дополняют друг друга. Однако в отредактированном изображении контуры элементов совмещались оптимальнее, чем в исходном изображении, так как границы этих элементов лучше видны и не размыты;

– при наложении экспериментального изображения на исследуемые также прослеживается более качественное «прилипание» элементов внешности лица друг к другу в отредактированном изображении.

Данное сравнительное исследование показывает эффективность применения графических редакторов с технологией искусственного интеллекта для оптимизации исследуемых изображений при производстве портретной экспертизы.

Фото 10. Совмещение по ломаной линии исходного и экспериментального изображений

Фото 11. Совмещение по ломаной линии отредактированного и экспериментального изображений

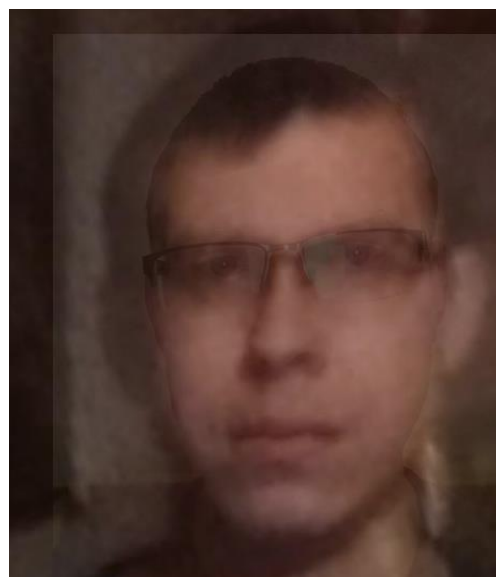

Фото 12. Наложение экспериментального изображения на исходное

Фото 13. Наложение экспериментального изображения на отредактированное

Таким образом, применение технологий искусственного интеллекта во многом способствует успешному решению разного рода задач, которые до этого момента имели отрицательный результат. Внедрение нового программного обеспечения, использующего технологии искусственного интеллекта, в работу правоохранительных органов неизбежно, а результаты работы таких программ будут способствовать успешному раскрытию и расследованию преступлений.

Список источников

1. Зинин А. М., Подволоцкий И. Н. Габитоскопия: вопросы и ответы. М., 2005.
2. Потапов А. С. Технологии искусственного интеллекта: учеб. пособие // СПбГУ ИТМО. 2010. Т. 218.
3. Снетков В. А. Габитоскопия. Волгоград, 1979.

Информация об авторе

В. А. Абрамов – преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

Information about the author

V. A. Abramov – lecturer of the department of traceology and ballistics of the training and scientific complex of expert criminalistics activity

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 20.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 132–139.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):132–139.

Научная статья

УДК 343.982

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДЛИННЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ, ИМЕЮЩИХ ДЕФЕКТЫ

Юлия Сергеевна Гречкина

Волгоградская академия МВД России, Волгоград

uliya-zvetkova@yandex.ru

Аннотация. В процессе изготовления любой полиграфической продукции, в том числе и защищенной, имеют место случаи производства продукции, не соответствующей по качеству, техническим условиям, нормативно-технической документации. То есть данная продукция имеет определенные дефекты или, другими словами, производственный брак. В статье рассматриваются разновидности дефектов современных подлинных денежных билетов, изготовленных предприятием «АО Гознак». Владение информацией о возможных разновидностях производственных дефектов денежных знаков позволит экспертам при технико-криминалистическом исследовании данных объектов правильно провести оценку выявленных различий и избежать экспертных ошибок.

Ключевые слова: дефекты денежных знаков, производственный брак, подлинность денежных знаков, технико-криминалистическое исследование денежных знаков, защищенная полиграфическая продукция

Для цитирования: Гречкина Ю. С. Технико-криминалистическое исследование подлинных денежных знаков, имеющих дефекты // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 132–139.

Original article

TECHNICAL AND FORENSIC EXAMINATION OF GENUINE BANKNOTES WITH DEFECTS

Yulia S. Grechkina

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

uliya-zvetkova@yandex.ru

Abstract. In the process of manufacturing any printed products, including protected ones, there are cases of production of products that do not correspond in quality, technical conditions, regulatory and technical documentation. That is, these products have certain defects or, in other words, manufacturing defects. The article discusses the varieties of defects of modern genuine cash tickets manufactured by the Goznak JSC enterprise. Possession of information about possible types of manufacturing defects of banknotes will allow experts to properly assess the identified differences and avoid expert errors during the technical and forensic study of these objects.

Keywords: defects of banknotes, manufacturing defects, authenticity of banknotes, technical and forensic examination of banknotes, protected printing products

© Гречкина Ю. С., 2023

For citation: Grechkina Yu. S. Technical and forensic examination of genuine banknotes with defects // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):132–139.

Акционерное общество «Гознак» – предприятие, которое более 200 лет, начиная с 1818 г., выпускает российские рубли. Предшественником «Гознака» была «Экспедиция заготовления государственных бумаг», основанная императором Александром I.

Сегодня «Гознак» – это целая система: восемь филиалов по всей России, включая два монетных двора (Московский и Санкт-Петербургский), две бумажные фабрики (Санкт-Петербургская и Краснокамская), одну типографию (Московская), собственный научно-исследовательский институт и две печатные фабрики (Московская и Пермская).

«Гознак» входит в пятерку крупнейших экспортеров на мировом рынке защищенной продукции. Ежегодно предприятием выпускается 11 тыс. т защищенной банкнотной бумаги, 7 млрд экземпляров банкнот, 3,5 млрд монет, до 40 млн паспортов, от 30 до 45 млн почтовых марок, а также большое количество федеральных специальных и акцизных марок на алкогольную, табачную продукцию и др.*

Как показывает экспертная практика, в единичных случаях на технико-криминалистическое исследование поступают подлинные денежные знаки, имеющие производственный брак. При исследовании данных денежных билетов проблема заключается в отнесении дефекта к производственному браку и формулировании соответствующего вывода об изготовлении денежных знаков производством «Гознак».

Очевидно, что изучение данного вопроса имеет практическое значение для установления экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел подлинности денежных знаков с производственным браком. Тем более, что в криминалистической литературе эта тема не затрагивается.

Для начала обратимся к технологическому процессу производства денежных знаков**. Производство начинается с изготовления специальной банкнотной бумаги, которая поступает на печатную фабрику с одной из двух бумажных фабрик «Гознака». Все банкноты печатаются на защищенной бумаге, которая содержит защитные нити, водяные знаки. Печать происходит в один прогон – и лицевая сторона, и оборотная. Для каждого технологического процесса, согласно рецептуре, предусмотрено необходимое количество краски, причем краски изготавливаются в специальном цехе и по определенной технологии. После рабочей смены начинается пересчет бумаги на счетной машине – сколько приняли листов, столько должны сдать на хранение. Уже на этой стадии листы подлежат осмотру на наличие каких-либо дефектов. Брак подлежит строгому учету. Если печатник заметил дефект, то этот лист откладывается, сдается в отдельную кладовую и потом уничтожается в виде мелких фракций (1,5 x 1,5 см). Печатник обнаруживает все дефекты до мелочей. Например, если в листах появился «разнотон» или точка, тогда печатник останавливает машину и смывает печатный вал, чтобы устранить этот дефект.

Между печатями существует технологическое время (1–3 дня) для высыхания полуфабриката между первой и второй стадиями печати.

На полуфабрикат, на будущую банкноту, наносятся защитные признаки. На лицевую и оборотную сторону банкноты под высоким давлением наносят соответствующие изображения. В последнюю очередь на банкноте печатается серийный номер и наносится микроперфорация.

Цех контроля – последний этап производства. Банкноты режутся, проверяются на наличие дефектов еще раз в автоматическом режиме (машина просматривает 25 банкнот в секунду). Далее банкноты считаются и упаковываются. Банкноты формируются пачкой в 1000 экземпляров, которая перевязывается специальной лентой и идет на пересчет.

* Гознак. Официальный сайт. URL: <https://goznak.ru/about/today/> (дата обращения: 25.02.2023).

** Место, где делают деньги: как печатают банкноты на Гознаке. URL: <https://riamo.ru/article/453829/> (дата обращения: 01.03.2023).

Если пачка «верная», то она упаковывается в специальную термопленку. Если у машины «сомнения», то она «выбрасывает» эту пачку, которая записывается, пересчитывается дополнительно и только потом направляется в Центральный Банк. После упаковки билеты становятся собственностью Центрального Банка, который обеспечивает их охрану и транспортировку. В последующем Банк вводит их в обращение.

Остановимся на понятии «брак». В нашем случае под браком банкноты понимается явление, связанное с возможностью появления ошибок на различных этапах печатания и контроля при производстве денежных средств и другой защищенной продукции. Причинами брака могут быть неправильная наладка печатного станка, неисправность печатного оборудования или отдельных узлов и механизмов, нарушение технологической дисциплины и т. д. Существуют следующие виды производственного брака*:

- промежуточный или исправимый (продукцию можно использовать после устранения дефектов);
- окончательный (дефекты устранить невозможно или экономически нецелесообразно);
- внутренний (выявляется до отправки продукции на реализацию);
- внешний (дефекты, которые обнаруживаются потребителями).

По нашему мнению, несмотря на достаточно сложный процесс производства денежных знаков, автоматизацию и строжайший контроль, имеет место быть окончательный вид производственного брака, который устранять экономически нецелесообразно. Поэтому такие денежные банкноты все же поступают в обращение, а их дефекты обнаруживаются потребителями.

Рассмотрим более подробно разновидности дефектов денежных билетов:

- дефекты банкнот, образовавшиеся при нанесении серийной нумерации (ил. 1–6);

Ил. 1. Отсутствие серийной нумерации на левом купонном поле

Ил. 2. Отсутствие серийной нумерации на купонных полях

* Производственный брак. URL: https://www.audit-it.ru/terms/accounting/proizvodstvennyy_brak.html (дата обращения: 01.03.2023).

Ил. 3. Разная серийная нумерация на купонных полях

Ил. 4. Сдвоенность серийных нумераций на купонных полях

Ил. 5. Смещение цифры «1» вверх в серийной нумерации

Ил. 6. Смещение серийной нумерации

– дефекты банкнот, образовавшиеся при замятии листов и нанесении изображений (ил. 7);

Ил. 7. Замятие края листа денежного знака

– дефекты банкнот, образовавшиеся при нанесении изображений гербов городов (ил. 8–10);

Ил. 8. Отсутствие изображения герба г. Хабаровска на денежном знаке достоинством 5000 рублей

Ил. 9. Отсутствие изображения герба г. Ярославля на денежном знаке достоинством 1000 рублей

Ил. 10. Смещение герба г. Ярославля и серийной нумерации на денежном знаке достоинством 1000 рублей

– дефекты, образовавшиеся при нанесении водяных знаков (ил. 11);

Ил. 11. Перевернутое изображение водяного знака денежного знака достоинством 5000 рублей (вид в проходящем свете)

– дефекты, образовавшиеся при внедрении защитных полос в бумагу (ил. 12);

Ил. 12. Поверхностное расположение защитной нити

– дефекты, образовавшиеся при нанесении изображений с одной стороны на противоположную (ил. 13)

Ил. 13. Совмещение изображений эмблемы Банка России и цифрового обозначения «500»

Существуют и другие разновидности дефектов денежных знаков, проявляющиеся в непропечатке изображений при нанесении красок, в наличии дополнительных окрашенных участков и т. д.

Также встречаются и следующие разновидности дефектов монет:

- отсутствие герба РФ (двусторонний оттиск «аверс – аверс» или «реверс – реверс»);
- отсутствие гуртильного оформления;
- перевернутое изображение герба РФ или разный угол наклона у аверса и реверса;
- изображения аверса и реверса разных номиналов на одной монете и др.

Несмотря на малое количество денежных знаков с дефектами, находящихся в обращении, и, соответственно, единичные случаи направления таких объектов на технико-криминалистическое исследование в экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел, приведенные описания различных видов производственных дефектов денежных знаков будут способствовать правильной оценке различающихся признаков и формулированию соответствующего вывода об изготовлении данных денежных билетов предприятием «АО Гознак».

Информация об авторе

Ю. С. Гречкина – преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

Information about the author

Yu. S. Grechkina – Lecturer of the Department of Fundamentals of Forensic Activity of the Educational and Scientific Complex of Forensic Activity

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 07.03.2023.

The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 07.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 140–145.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63): 140–145.

Научная статья

УДК 343.982.43

ВЛИЯНИЕ НЕОБЫЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПИШУЩЕГО НА ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА

Людмила Викторовна Самуйленко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград

sovidzem@yandex.ru

Аннотация. Вопросы влияния естественных сбивающих факторов, воздействующих на процесс письма, достаточно подробно рассмотрены учеными и экспертами-практиками в специальной криминалистической литературе. В то же время результаты анализа существующих разработок и проведенные автором экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что перечень данных факторов велик и они еще не все в полной мере изучены. Например, у экспертов-почерковедов возникают определенные трудности в изучении трансформации идентификационных признаков почерка под влиянием такого сбивающего фактора, как изменение положения пишущего.

Ключевые слова: естественные (объективные) сбивающие факторы, идентификационные признаки почерка, необычные положения пишущего

Для цитирования: Самуйленко Л. В. Влияние необычного положения пишущего на проявление идентификационных признаков почерка // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 140–145.

Original article

THE IMPACT OF THE WRITER'S POSITION FOR THE MANIFESTATION OF IDENTIFICATION FEATURES OF HANDWRITING

Lyudmila V. Samuilenko

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd

sovidzem@yandex.ru

Abstract. The issues of the influence of natural confounding factors affecting the writing process are considered in sufficient detail by scientists and expert practitioners in the special forensic literature. At the same time, the results of the analysis of existing developments and experimental studies conducted by the author indicate that the list of these factors is large, and they have not yet been fully studied. For example, handwriting experts have certain difficulties in studying the transformation of the identification features of handwriting, under the influence of such a confusing factor as a change in the position of the writer.

Keywords: natural (objective) confusing factors, identification features of handwriting, unusual positions of the writer

For citation: Samuilenko L. V. The impact of the writer's position for the manifestation of identification features of handwriting // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):140–145.

© Самуйленко Л.В., 2023

Значительную роль в эффективности расследования и раскрытия преступлений играет обеспечение следственно-оперативных органов внутренних дел своевременно ориентированной, надежной и точной доказательственной информацией. Один из источников этих данных – судебная экспертиза, а к числу наиболее востребованных ее видов можно с уверенностью отнести судебно-почерковедческую экспертизу.

Работа правоохранительных органов в настоящее время напрямую связана с использованием достижений науки и техники, а также с применением современных средств и методов, апробации новых методик исследования объектов в процессе производства экспертиз. Это направление, несомненно, актуально и при производстве почерковедческих экспертиз и исследований. Создание и апробация новых методик, переработка и модернизация уже существующих – актуальное направление научной деятельности в почерковедении.

В данной статье уделено внимание исследованию влияния на процесс письма такого малоизученного объективного сбивающего фактора, как необычное положение пишущего. Автором изучался комплекс идентификационных признаков почерка, отображающихся в рукописях, выполненных под влиянием необычного положения пишущего, а именно: характер и объем, пределы трансформации и разброса признаков, определение возможности их дифференциации по условиям выполнения.

Следует отметить, что данные о состоянии исполнителя, об условиях выполнения рукописного текста, полученные следственным, а также оперативным путем, имеют довольно большое значение и, несомненно, способствуют более тщательному и полному почерковедческому исследованию.

Вопросы и проблемы, связанные с изучением измененного почерка, притягивали интерес многих ученых-криминалистов. Так, например, еще в 1916 г. Ганс Шнейкерт, полагал, что основная задача почерковедческих исследований заключается в том, чтобы установить факт изменения письма. Криминалист провел свои собственные эксперименты, целью которых было исследование способов маскировки почерка, факторов, влияющих на возможность изменения почерка, и признаков, указывающих на то, что рукопись была выполнена измененным почерком. Как отмечает ученый, к данным признакам можно отнести «искусственные письменные формы, броское и необычное их украшательство, искажение письменных форм вследствие нарушения движений, последовательное применение различных форм одних и тех же букв, броское различие в высоте, разгоне и силе нажима, а также в наклоне в пределах рукописи» [1].

На наличие устойчивых и изменчивых элементов почерковедческого исследования также обратил свое внимание Е. Ф. Буринский, установивший зависимость почерка от анатомо-физиологических, временных и каких-либо случайных причин. Он отметил, что некоторые структуры механизма письма находятся под влиянием конкретных сбивающих факторов, которые проявляются в разной степени и в характере нарушений почерка [2, с. 182, 262]. В 1925 г. Генрих Мюллер провел похожие экспериментальные исследования и попытался дать индивидуальные характеристики разного рода способам изменения.

В СССР в середине XX в. изучение измененного почерка также становится довольно актуальным, и некоторые ученые-криминалисты занялись этим феноменом. В частности, А. В. Моисеева и С. А. Ципенюк посвятили свои исследования рассмотрению рукописей, выполненных измененным почерком путем подражания буквам печатного шрифта, а также скорописной маскировки. В научных трудах А. И. Колонутовой, М. С. Еливановой большое внимание уделено исследованию рукописных текстов, исполненных непривычной пишущей рукой (левой).

И в настоящее время учеными-почерковедами ведется работа по изучению влияния различных естественных (объективных) сбивающих факторов на проявление (трансформацию) идентификационных признаков почерка. Однако, несмотря на это, в данной области знаний остается все еще много «белых» пятен, требующих всестороннего исследования. Необходимость работы в данном направлении обусловлена практической надобностью.

С целью полноценного и всестороннего изучения трансформации идентификационных признаков почерка при выполнении рукописи лицом под воздействием такого сбивающего фактора, как необычное положения пишущего, нами было проведено экспериментальное исследование, задачей которого являлось сравнение степени, характера, объема, локализации и пределов изменений идентификационных признаков почерка под воздействием конкретного объективного сбивающего фактора (необычного положения пишущего).

Из всего многообразия необычных положений лица при письме были отобраны наиболее актуальные – лежа на животе и стоя. Для частоты эксперимента отбирались и образцы почерка, выполненные в обычном положении – сидя за столом. Все образцы почерка отбирались при прочих равных условиях: освещение – естественное, темп – привычный, степень выработанности почерка – от выше средней до высокой, материалы письма: белая нелинованная бумага формата А4, пишущий прибор – шариковая ручка. Текст выполнялся одинаковый, с достаточным количеством повторяющихся письменных знаков.

Основной контингент испытуемых – люди различных профессий, безработные, служащие, обучающиеся – насчитывал 50 человек. Возраст испытуемых – от 18 до 73 лет.

Для изучения трансформации признаков почерка под воздействием естественных (объективных) сбивающих факторов использовалась система общих и частных признаков почерка, разграничение диагностических и идентификационных признаков и определение их значимости для решения конкретных задач судебно-почерковедческой экспертизы.

Обработка экспериментального массива проводилась на каждого участника эксперимента с помощью сводных таблиц-разработок общих и частных признаков почерка.

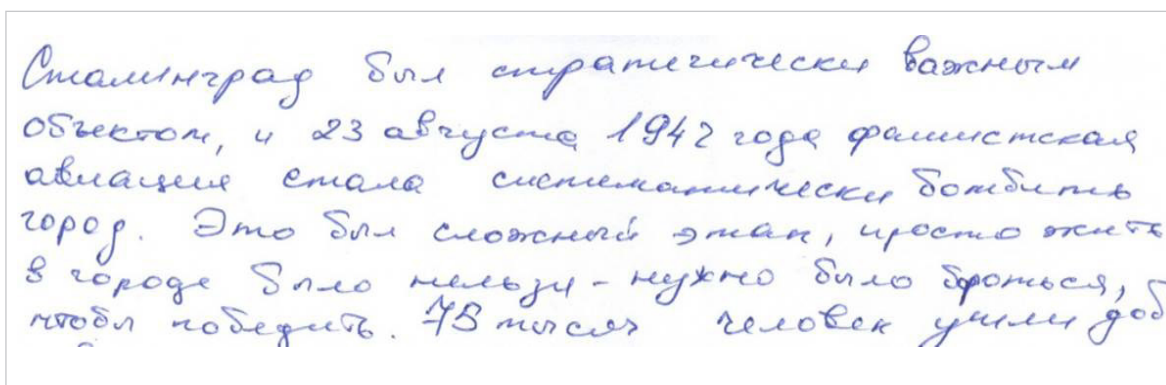
Первоначально изучалось проявление идентификационных признаков в текстах, выполненных в положении нормы, далее – изменения этих признаков, произошедшие вследствие выполнения записей в необычных положениях.

По окончании обработки полученных данных был проведен анализ результатов и сделан вывод о проявлении «классических признаков необычности» в рукописях, выполненных в непривычных для пишущего положениях, а именно:

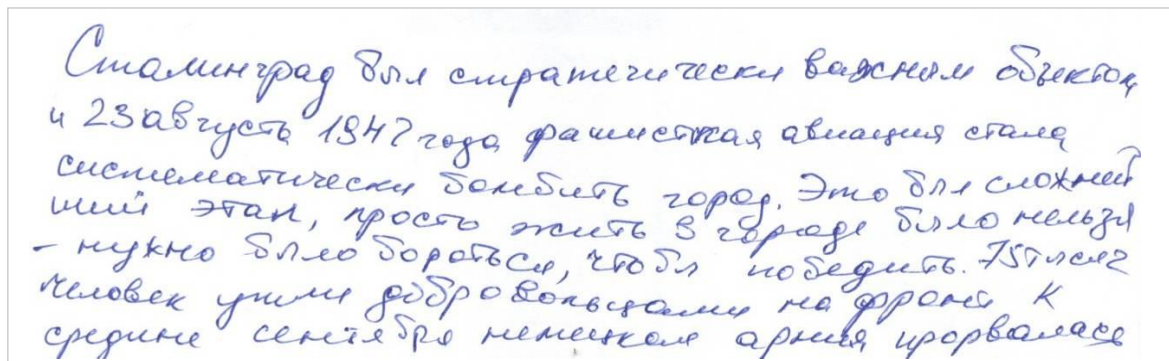
1. Признаки замедления темпа: увеличение размера штрихов проявились в большей степени в рукописных текстах, выполненных лицами в положении лежа на животе – 85 % (ил. 1, 2), в меньшей степени в рукописных текстах, выполненных в положении стоя – 25 %.

2. Немотивированные остановки при письме проявились практически в равной степени: в положении лежа – 90 %, в положении стоя – 80 %;

3. Увеличение размера почерка почти не происходило: в положении стоя – 10 %, в положении лежа – 15 %.

Ил. 1. Фрагмент почерка в рукописном тексте, выполненном испытуемым № 1 в обычных условиях

Ил. 2. Фрагмент почерка в рукописном тексте, выполненном испытуемым № 1 в положении лежа на животе

4. Признаки снижения координации движений первой группы, а именно многократная угловатость, изломы, извилистость штрихов: в положении лежа – 91 %, в положении стоя – 71 %.

5. Неустойчивое размещение точек начал, окончания, соединения, пересечения движений отобразилось практически в равной степени в рукописных текстах, выполненных в положении лежа – 73 %, в положении стоя – 68 %.

6. Наличие ретуши встречалось практически в равной степени: в положении лежа – 89 %, в положении стоя – 66 %.

7. Признаки снижения координации движений второй группы, а именно неравномерный размер букв, элементов в буквах наблюдались в большей степени в рукописях, выполненных в положении лежа, – 75 %, в положении стоя – 34 %.

8. Неустойчивый наклон букв, элементов в буквах проявился в большей степени в рукописях, выполненных в положении лежа, – 70 %, в положении стоя – 30 %.

9. Неустойчивый разгон и расстановка букв также в большей степени встречается в рукописях, выполненных в положении лежа – 89 %, в положении стоя – 69 %.

10. Извилистая или ступенчатая форма линии письма в большей степени характерна для рукописей, выполненных в положении лежа, – 93 %, в положении стоя – 74 %.

11. Неустойчивое направление линии письма в большей степени проявилось в рукописных текстах, выполненных в положении лежа – 90 %, в положении стоя – 74 %.

Также установлены следующие особенности проявления общих признаков почерка в изучаемом эмпирическом материале:

1. В общих признаках почерка, характеризующих пространственную ориентацию и размещение движений в рукописи, выявлено:

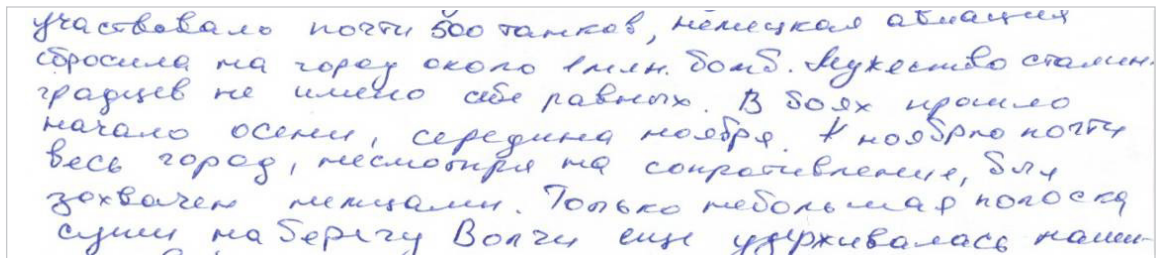
– левое поле в меньшей степени подверглось изменению в рукописных текстах, выполненных стоя, – 86 %, в среднем размере от 1 до 3 см, правое поле в 82 % текстов в большем размере – от 3 см и более. В рукописях, выполненных в положении лежа, левое поле до 1 см – 69 %, правое поле от 3 см и более – 80 %;

– форма полей в рукописях, выполненных стоя, – прямоугольная (69 %), в рукописных текстах, выполненных в положении лежа, – трапециевидная (62 %);

– конфигурация полей в рукописных текстах, выполненных в положении стоя: левое поле прямое (76 %), правое поле извилистое (92 %), в положении лежа: левое и правое поля извилистые (92 %);

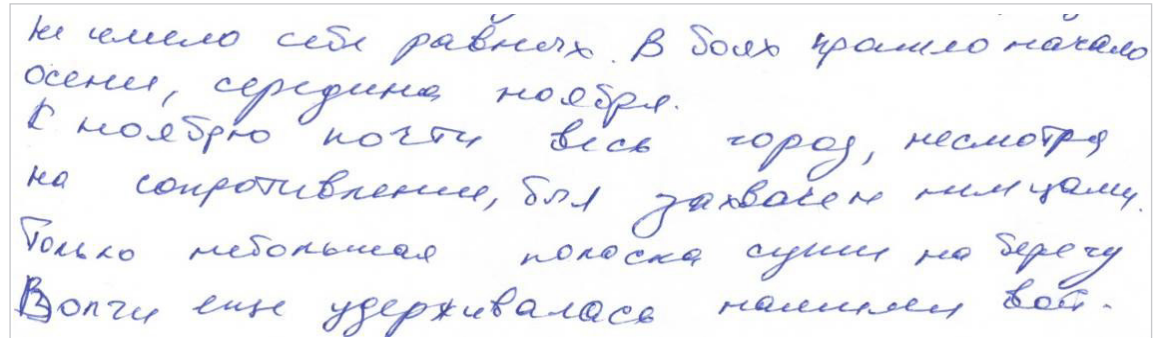
– красная строка в рукописях, выполненных в положении стоя, – от среднего до большого размера (73 %). В рукописях, выполненных в положении лежа, красная строка среднего размера (70 %);

– размер интервалов между строками неустойчив: в рукописях, выполненных в положении стоя, – 71 %, в положении лежа – 95 % (ил. 3, 4);

угасовало почти 500 танков, немецкая авиация сбросила на город около 1 млн бомб. Мужество сталинградцев не имело себе равных. В боях прошло начало осени, середина ноября. К ноябрю почти весь город, несмотря на сопротивление, был захвачен немцами. Только небольшая полоска суши на берегу Волги еще удерживалась нашими войсками.

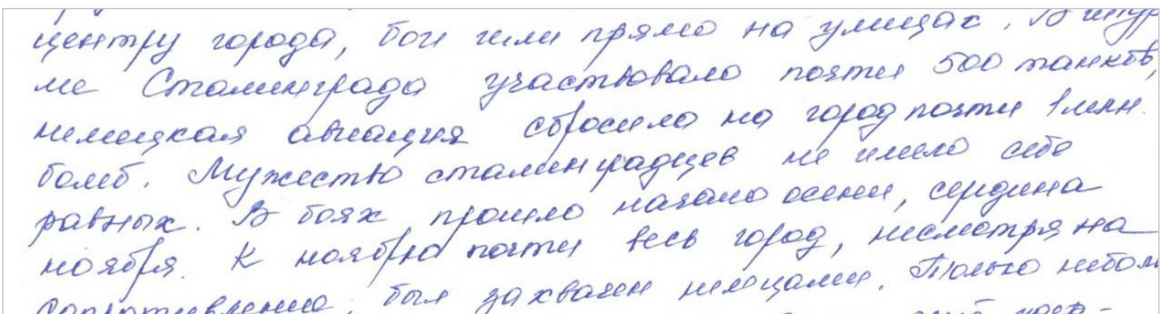
Ил. 3. Фрагмент почерка в рукописном тексте, выполненном испытуемым № 2 в обычных условиях

не имело себе равных. В боях прошло начало осени, середина ноября. К ноябрю почти весь город, несмотря на сопротивление, был захвачен немцами. Только небольшая полоска суши на берегу Волги еще удерживалась нашими войсками.

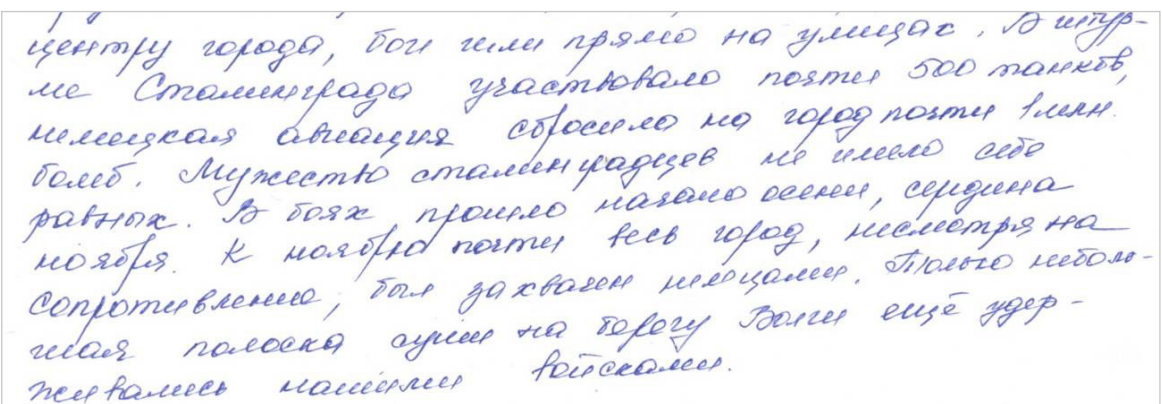
Ил. 4. Фрагмент почерка в рукописном тексте, выполненном испытуемым № 2 в положении лежа на животе

– направление линии письма также неустойчиво в обоих случаях: в положении лежа – 74%, в положении стоя – 78% (ил. 5, 6).

центру города, бомбы или прямо на улицах. В центре Сталинграда угасовало почти 500 танков, немецкая авиация сбросила на город почти 1 млн бомб. Мужество сталинградцев не имело себе равных. В боях прошло начало осени, середина ноября. К ноябрю почти весь город, несмотря на сопротивление, был захвачен немцами. Только небольшая полоска суши на берегу Волги еще удерживалась нашими войсками.

Ил. 5. Фрагмент почерка в рукописном тексте, выполненном испытуемым № 3 в обычных условиях

центру города, бомбы или прямо на улицах. В центре Сталинграда угасовало почти 500 танков, немецкая авиация сбросила на город почти 1 млн бомб. Мужество сталинградцев не имело себе равных. В боях прошло начало осени, середина ноября. К ноябрю почти весь город, несмотря на сопротивление, был захвачен немцами. Только небольшая полоска суши на берегу Волги еще удерживалась нашими войсками.

Ил. 6. Фрагмент почерка в рукописном тексте, выполненном испытуемым № 3 в положении лежа на животе

2. В общих признаках почерка, характеризующих степень и характер сформированности письменного-двигательного навыка, выявлены следующие закономерности:

в рукописных текстах, выполненных в положении лежа на животе, в 89 % случаев степень выработанности почерка понизилась до ниже средней или даже низкой степени. В положении стоя данный признак проявился в 75 % рукописей;

– темп медленный: при выполнении рукописи в положении лежа – 90 %, в положении стоя – 77 %.

3. В общих признаках почерка, отражающих структуру движений по их траектории, выявлены следующие особенности:

– в обеих исследуемых группах лиц с переменной положения при написании текста произошли изменения в форме движений с преобладанием более угловатой и извилистой – в положении стоя 72 %, в положении лежа – 92 % рукописей;

– неустойчивый наклон почерка – в 30 % рукописей, выполненных в положении лежа, в 40 % рукописей, выполненных в положении стоя;

– неустойчивый размер почерка в основном в рукописях, в положении лежа (70 %), в 47 % рукописей, выполненных стоя;

– разгон почерка неустойчивый в основном в рукописях, выполненных в положении стоя (91 %), в положении лежа – 56 %.

При детальном изучении проявления частных признаков почерка в рукописных текстах, выполненных лицами, которые находятся в необычных для письма положениях, было установлено, что они в своем большинстве устойчивы к воздействию данного объективного сбивающего фактора и существенных изменений не претерпевают, что позволяет сделать вывод о возможности проведения полноценного идентификационного исследования по подобным объектам. Подводя итог вышеизложенного, необходимо отметить, что проблема изучения различных объективных (естественных) сбивающих факторов, в частности непривычного положения пишущего, продолжает оставаться актуальной, поэтому исследования в этом направлении могут оказать действенную помощь на практике при производстве судебно-почерковедческих экспертиз.

Список источников

1. Богачкина Г. Ф. и др. Исследование рукописей, выполненных измененным почерком // Экспертная техника. 1972. Вып. 41.
2. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов. СПб., 1903.

Информация об авторе

Л. В. Самуйленко – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

Information about the author

L. V. Samuilenko – Lecturer of the Department of research of documents of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63).
С. 146–154.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
2(63): 146–154.

Научная статья

УДК 351.745.7

НЕОБХОДИМОСТЬ УЧАСТИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Анастасия Валерьевна Гамзина

Отдел участковых уполномоченных полиции и делам несовершеннолетних отдела
полиции № 7 МУ МВД России «Красноярское», Красноярск
gamzina_anastasia@bk.ru

Аннотация. В статье поднимаются проблемные вопросы, связанные с организацией взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних и уголовного розыска. На основе рассмотрения исторического аспекта совместной деятельности указанных подразделений, анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих организацию такой деятельности, и документов, определяющих работу с детьми и подростками, обосновывается необходимость ограниченного допуска подразделений по делам несовершеннолетних к оперативно-розыскной деятельности – в ближайшей перспективе и об их в возвращении в штат отделов уголовного розыска – в долгосрочной перспективе в целях повышения эффективности противодействия противоправной деятельности лиц, не достигших совершеннолетия. Описываются существующие проблемы и предлагаются конкретные шаги, направленные на улучшение совместной работы.

Ключевые слова: правонарушения несовершеннолетних, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, подразделения по делам несовершеннолетних, уголовный розыск, следственная группа, ограниченное участие, Интерпол

Для цитирования: Гамзина А. В. Необходимость участия подразделений по делам несовершеннолетних в оперативно-розыскной деятельности в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 146–154.

© Гамзина А. В., 2023

Original article

THE NEED FOR THE PARTICIPATION OF JUVENILE AFFAIRS UNITS IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN RELATION TO JUVENILE OFFENDERS

Anastasia V. Gamzina

Department of District Police Commissioners and Juvenile Affairs of the Police Department No. 7 of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Krasnoyarsk", Krasnoyarsk
gamzina_anastasia@bk.ru

Abstract. The article raises problematic issues related to the organization of interaction between juvenile affairs units and criminal investigation. Based on the consideration of the historical aspect of the joint activities of these units, the analysis of normative legal acts regulating the organization of such activities and documents defining work with children and adolescents, the necessity of limited admission of juvenile affairs units to operational investigative activities in the near future, and their return to the staff of criminal investigation departments – in the long term in order to increase the effectiveness of countering illegal activities of persons under the age of majority. The existing problems are described and concrete steps aimed at improving collaboration are proposed.

Keywords: juvenile delinquency, operational investigative activities, operational investigative measures, juvenile affairs units, criminal investigation, investigation team, limited participation, Interpol

For citation: Gamzina A. V. The need for the participation of juvenile affairs units in operational investigative activities in relation to juvenile offenders // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 2(63):146–154.

В Российской Федерации криминальная активность лиц, не достигших совершеннолетия, продолжает оставаться острой проблемой для государственных и общественных институтов.

Согласно официальным данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, за 2021 год было выявлено 29 126 совершивших преступления несовершеннолетних, что составляет 3,4 % от общего числа лиц, виновных в совершении общественно опасных деяний*.

Приведенные статистические данные однозначно указывают на широкую вовлеченность лиц, не достигших 18-летнего возраста, в противоправную деятельность, что обуславливает актуальность дальнейших исследований, направленных на совершенствование способов борьбы с преступностью данного вида. В свою очередь, это требует консолидации усилий как правоведов-теоретиков, так и практиков – сотрудников органов внутренних дел. Важно отметить, что именно органы внутренних дел традиционно выступают основным субъектом, осуществляющим противодействие преступлениям несовершеннолетних, а арсенал имеющихся в их распоряжении средств наиболее полно отвечает целям и задачам такой деятельности.

В данном контексте представляется целесообразным сделать акцент на аспекте применения в данном противостоянии средств оперативно-розыскной деятельности. При этом мы полностью солидаризируемся с мнением ряда исследователей, утверждающих, что эффективность ОРД позволяет назвать ее важнейшей составляющей борьбы с преступностью любого вида.

Так, по мнению Б. П. Смагоринского и К. А. Ефремова, «в настоящее время не вызывает сомнений утверждение о том, что оперативно-розыскная деятельность – основной

* Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года: стат. сб. М., 2022. С. 43.

эффективный инструмент своевременного выявления преступлений, установления их субъектов, документирования преступной деятельности, обеспечения раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 114].

В свою очередь, А. С. Базарбаев утверждает, что «для более эффективного решения такого рода задач [борьбы с преступностью – А.Г.] человечество пока не придумало чего-либо такого, что могло бы сравниться со средствами и методами ОРД» [2, с. 174].

Кроме того, мы считаем необходимым обратить внимание на уникальность средств и методов ОРД, поскольку их активное использование позволяет не только раскрыть уже совершенное преступление (что тоже крайне важно), но и дает возможность на основе оперативной информации его предотвратить.

При этом следует принять как постулат то обстоятельство, что преступность несовершеннолетних, обладая характерными только для нее особенностями, тем не менее, является частью преступности общей, а значит, и шаги, направленные на борьбу с ней, должны быть если и не идентичными, то во всяком случае схожими с мерами противостояния «взрослой» противоправной деятельности.

Исходя из вышесказанного, вполне оправданным для предотвращения, пресечения и раскрытия уголовно наказуемых общественно опасных деяний лиц, не достигших совершеннолетия, выглядит применение обширного арсенала ОРД специально ориентированными на это подразделениями по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). Их основной задачей как раз и является предупреждение преступлений, совершаемых рассматриваемой категорией лиц.

Важно отметить, что такая деятельность, в идеале, должна осуществляться в тесном сотрудничестве с отделами уголовного розыска (далее – УР), тем более, в поздний период истории советской милиции подразделения, предшествующие ПДН, входили в состав УР, но в силу различных обстоятельств они были выведены из штата аппаратов УР и исключены из числа субъектов ОРД.

Для объективной оценки последствий таких действий считаем целесообразным проследить исторический путь развития данных подразделений, уделив пристальное внимание эволюции нормативно правовой базы, регламентирующей их функционирование.

Как структура органов внутренних дел ПДН ведут свою историю от детских комнат милиции, которые, так или иначе, курировались органами УР. При этом, исходя из общности цели и задач подразделений, происходило постепенное сближение двух структур, которое ожидаемо привело к тому, что в начале 60-х гг. прошлого века, согласно приказу МВД РСФСР от 5 июня 1961 г. № 285 «Об изменении организации работы по борьбе с преступностью несовершеннолетних и детской безнадзорностью», детские комнаты милиции были переданы в прямое подчинение УР.

Дальнейший вектор интеграции предшественников современных ПДН в структуру УР был обозначен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г. № 5266-IX «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В соответствии с положениями данного нормативно-правового акта на базе детских комнат милиции были созданы инспекции по делам несовершеннолетних (далее – ИДН), также под руководством и в составе органов УР. Симбиоз данных подразделений просуществовал, эффективно функционируя, длительное время – до 1989 г.

Плодотворность такого союза подчеркивают многие исследователи, давая позитивную оценку данному этапу деятельности ИДН. В частности, Н. И. Остапенко высказывается следующим образом: «На период с 1979 по 1990 г. приходится наиболее заметный рост активности деятельности подразделений уголовного розыска по линии несовершеннолетних ...

Главным же фактором было функционирование ИДН и оперативного состава в структуре аппаратов уголовного розыска» [3].

Будучи в штате УР, сотрудники ИДН (как правило, женского пола) активно привлекались к ОРД, даже с определенным риском для жизни.

По мнению многих исследователей, в теории и практике ОРД того времени была построена достаточно эффективная система противодействия преступности [4, с. 85], и значимой частью данной системы являлись ИДН, органично входящие в штат отделов УР.

Однако, несмотря на весь положительный опыт функционирования ИДН в составе УР, в 1989 г. в соответствии с общим деформированием правоохранительной системы нашей страны, было принято необдуманное, на наш взгляд, решение о разъединении данных подразделений, что имело в будущем негативные последствия.

В 1991 г. ИДН были реорганизованы в подразделения по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних (далее – ПППН) [5, с. 28]. Получившие новое наименование подразделения в соответствии с Указом Президента РФ от 12 февраля 1993 г. № 209 «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» были введены в ее состав. В свою очередь, это еще более усилило разобщение уже и так отделившихся подразделений ПППН и органов УР.

Ряд исследователей, принимая во внимание мнение практических сотрудников, дают крайне негативную оценку данному решению. В частности, очень точно, на наш взгляд, по данному вопросу высказываются Г. М. Решетов и А. В. Шахматов: «Практические работники органов внутренних дел отмечают, что переименование ИДН в ПППН, переподчинение их службе милиции общественной безопасности из службы криминальной милиции желаемых результатов не достигли... просуществовавшее длительное время деловое взаимодействие между уголовным розыском и ИДН было нарушено. Единая цепь была разорвана, а ее звенья деформированы» [6, с. 72].

Отрицательный эффект от этого разделения, кроме прочего, выразился еще и в том, что такая разобщенность вызвала в дальнейшем нездоровое соперничество между структурами, т. к. в ОВД практически всегда присутствовали элементы «палочной системы». ПППН (а затем ПДН) и УР стали стремиться записать раскрытое преступление на себя, что, в свою очередь, вело к утаиванию от «конкурентов» значимой оперативной информации.

Таким образом, разобщение подразделений негативно сказалось на общей эффективности их работы, как самостоятельной, так и во взаимодействии с друг с другом.

Для эмпирической проверки этого и ряда других утверждений нами был проведен опрос в виде анонимного анкетирования среди ветеранов ОВД Красноярского края, Республики Хакасия и Иркутской области, служивших в данный период. В опросе приняли участие 83 респондента: инспекторы ПДН (или подразделений, им предшествующих), а также сотрудники УР, непосредственно работавшие с несовершеннолетними правонарушителями. Согласно результатам опроса, практически все его участники, а именно 77 чел. (92,8 %) высказались в том смысле, что общая эффективность деятельности ИДН после их вывода из штата УР и переподчинения службе милиции общественной безопасности понизилась; также большинство опрошенных – 75 чел. (90,4 %) считают, что вывод ИДН из состава УР отрицательно сказался на взаимодействии данных подразделений.

Возвращаясь к историческому аспекту, необходимо констатировать, что большое влияние на все субъекты ведения ОРД в целом и ПППН в частности в середине 90-х гг. XX в. оказала активная законодотворческая деятельность, направленная на правовую регламентацию данной сферы. Итогом данного процесса стал Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»), действующий до настоящего времени (с рядом изменений).

Необходимость данного правоустанавливающего документа была во многом продиктована тем обстоятельством, что в конце XX в. в нашей стране на законодательном уровне непосредственно ОРД упоминалась лишь в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР. Так, в частности, в ст. 118 УПК РСФСР было обозначено: «На органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших». Детальный же порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), как и их перечень, устанавливался главным образом закрытыми приказами и инструкциями, составлявшими государственную тайну [7, с. 76].

Вместе с тем новый ФЗ «Об ОРД» уже изначально имел ряд недостатков, на что неоднократно указывали и указывают исследователи. В частности, важным упущением – «острым углом» ФЗ «Об ОРД», как считает Н. С. Железняк, является положение о том, что ОРД могут проводить только оперативные подразделения [8, с. 65].

Конкретный перечень таких подразделений зависит непосредственно от субъектов, осуществляющих ОРД, что отражено в ст. 13 ФЗ «Об ОРД», в которой, в частности, отмечено: «Руководители указанных органов определяют перечень оперативных подразделений, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, их полномочия, структуру и организацию работы».

В системе МВД России к ОРД и контролю за ее осуществлением на описываемый момент времени допускались в числе других и начальники милиции общественной безопасности.

Таким образом, ПППН, ставшие 26 мая 2000 г. отделами по делам несовершеннолетних (далее – ОПДН) [9, с. 28], несмотря на положения ФЗ «Об ОРД» и формально не являясь оперативными подразделениями, все еще сохраняли ограниченную возможность осуществлять ОРД. Вплоть до августа 2011 г. они были опосредованно допущены к ОРД через начальников милиции общественной безопасности, в состав которой входили.

Алгоритм взаимодействия оперативников и рядовых инспекторов предусматривал дозированное доведение до последних, через руководство, оперативно значимой информации, что на тот период обеспечивало координацию совместной деятельности с отделами УР, хотя и менее эффективно, чем в советское время.

Окончательно отделы по делам несовершеннолетних, как, впрочем, и все службы охраны общественного порядка, были исключены из перечня подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять ОРД, с выходом приказа МВД России от 15 августа 2011 г. № 938 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России». Сменивший его и действующий в настоящее время приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» такое, на наш взгляд, ошибочное решение, не устранил. В утвержденный данным ведомственным документом «Перечень оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» ПДН также не входят. Это вступает в прямое противоречие с положением ряда нормативно-правовых актов и даже федерального закона, непосредственно регламентирующих повседневную деятельность рассматриваемых подразделений.

В настоящий момент выявление преступлений входит в основной состав задач ОВД в целом, что закреплено в пп. 10 п. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, где определено, что на полицию возлагается, в частности, обязанность «осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений». Данное положение конкретно для ПДН дополнительно дублируется в одном из основных ведомственных документов, регламентирующих их деятельность, – в утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних

дел Российской Федерации. Так, согласно пп. 2.3 Инструкции, инспекторы ПДН в числе прочего «выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления, других противоправных и (или) антиобщественных действий». Такое «выявление» вполне логично, на наш взгляд, должно предполагать применение хотя бы минимальных средств и методов ОРД.

Считаем необходимым отметить еще одно важное обстоятельство. Инспекторы ПДН в ходе своей профессиональной деятельности проводят мероприятия (в том числе и в отношении лиц, не достигших совершеннолетия), которые схожи с некоторыми ОРМ до степени смешения, но формально таковыми не являются. Для проверки данного предположения мы провели анонимное интервьюирование 189 действующих инспекторов ПДН Красноярского края, Республики Хакасия и Иркутской области о частоте использования ими в своей профессиональной деятельности названных действий. Результаты исследования приведены в нижеприведенной таблице.

Действия, совершаемые в процессе повседневной служебной деятельности инспекторами ПДН, похожие по внешним признакам на некоторые ОРМ (в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об ОРД») (перечислены в порядке убывания в зависимости от частоты использования)	Число респондентов, поставивших названное мероприятие на указанное место	
	человек	проценты
1. Опрос	189	100
2. Отождествление личности	161	85,2
3. Наведение справок	150	79,4
4. Наблюдение	96	50,8
5. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств	95	50,3
6. Проверочная закупка	89	47,1
7. Другое	8	4,2

Действия, похожие на ОРМ «Опрос», 100 % респондентов поставили по частоте использования на первое место (при этом данное ОРМ, по статистике, является самым распространенным и среди субъектов, имеющих право осуществлять ОРД).

Мероприятия, проводимые сотрудниками ПДН и имеющие сходство с ОРМ «Отождествление личности», по частоте использования на второе место определили 85,2 % участников интервьюирования, что объясняется широтой его использования, в частности при работе инспекторов с карточками профилактического учета.

Действия, напоминающие ОРМ «Наведение справок», 79,5 % опрошенных поставили на третье место, что также вызвано широтой использования, начиная от запросов характеристик на учащихся в учебных заведениях и заканчивая получением определенной информации в медицинских организациях.

Мероприятия, проводимые сотрудниками ПДН и схожие с ОРМ «Наблюдение», 50,8 % опрошенных определили на четвертое место, что свидетельствует об относительной частоте их применения в повседневной работе инспекторов. При этом на практике такое наблюдение может вестись как за гражданами, так и за помещениями, автотранспортом и т. д. Примером подобных действий (при этом так или иначе связанных с несовершеннолетними) может служить наблюдение за окнами квартиры в вечернее время (когда включится свет), чтобы установить, когда хозяева пришли домой, или в результате наблюдения выяснится, что в почтовом ящике накопилось большое количество корреспонденции, что может указывать на длительное отсутствие жильцов.

Действия, напоминающие ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», 50,3 % опрошенных поставили по частоте использования на шестое место, что вызвано активным привлечением инспекторов

при обследовании зданий и сооружений на предмет наличия взрывных устройств после возросшего в последнее время количества ложных анонимных звонков о готовящихся террористических актах.

Действия, схожие с ОРМ «Проверочная закупка», определили на седьмое место 47,1 % участников интервью. На первый взгляд, немного парадоксально выглядит сам факт упоминания инспекторами данного мероприятия. Однако это объясняется совершением аналогичных по своей внешней форме действий, проводимых при выявлении фактов незаконной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. При этом факт его проведения – необходимое случайное стечение обстоятельств – ставит под вопрос саму возможность его планового осуществления, что, в свою очередь, вынуждает инспекторов и других лиц, его проводящих, идти на ряд подготовительных мер и ухищрений. Это и делает данное действие похожим на ОРМ (при этом настоящее ОРМ, конечно же, не может проводиться для выявления административного нарушения).

Мероприятия, похожие на другие ОРМ, проводят 4,2 % опрошенных. Это указывает на то, что в своей работе инспекторы ПДН осуществляют и другие действия, напоминающие ОРМ, как-то: сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов и даже оперативное внедрение. Причем последнее, несмотря на свою сложность, эпизодичность и даже аномальность применительно к ПДН, тем не менее, случается. Однако перечисленные действия выполняются инспекторами ПДН намного реже, а следовательно, и возможность получения разрешения на их использование у них незначительна.

Тем не менее, мы считаем, что средства ОРД должны быть в полном объеме использоваться ПДН в борьбе с преступностью несовершеннолетних, для чего необходимо вернуть данные подразделения в штат УР. В данном аспекте мы также солидаризируемся с позицией ряда исследователей [10, с. 72] и с мнением большинства практических сотрудников, работающих «на земле», подтвержденными данными опроса, согласно которому:

- большинство респондентов – 59 чел. (71,1 %) считают, что отсутствие у ПДН допуска к ведению ОРД в отношении несовершеннолетних негативно сказывается на их деятельности;
- примерно такое же количество опрошенных – 60 чел. (72,3 %) твердо стоят на позиции, что современные ПДН необходимо вернуть в штат УР, обеспечив тем самым им доступ к ведению ОРД в отношении несовершеннолетних.

Кроме того, в обоснование выдвинутого нами предположения о необходимости участия ПДН в ОРД в отношении несовершеннолетних правонарушителей и повышения эффективности взаимодействия с УР обуславливается также и сложностью существующего в настоящий момент алгоритма взаимодействия УР и ПДН, который выглядит следующим образом. При получении информации от инспекторов ПДН о возможных преступных действиях лиц, не достигших совершеннолетия, или в их отношении оперативный сотрудник инициирует проведение в отношении субъекта необходимое ОРМ, к которому затем может привлечь (по своему усмотрению) сотрудников ПДН, доводя до них оперативную информацию в минимальном объеме. Такая дозированная подача сведений обуславливается не только (и не столько) служебной необходимостью, сколько отсутствием у инспекторов ПДН допуска к подобным сведениям. Данная схема выглядит сложной даже при ее описании. Практическое ее применение сопряжено с еще большими трудностями, вызванными, кроме того, банальной малочисленностью сотрудников ОУР, осуществляющих работу по линии несовершеннолетних.

Также проблемным вопросом, касающимся отсутствием у инспекторов ПДН допуска к ведению ОРД, является возможность их привлечения в состав следственных групп.

В соответствии с ч. 1 ст. 163 УПК РФ производство предварительного следствия по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено следственной группе. Если преступление с высокой степенью вероятности совершено несовершеннолетним, а также против него, то считается целесообразным привлечение следователем

инспектора ПДН, который в силу специфики своей служебной деятельности должен обладать важной криминологической информацией о лицах на обслуживаемой территории, с помощью которой есть вероятность быстрого раскрытия преступления по горячим следам.

Подобное сотрудничество необходимо и в силу того, что, как обоснованно утверждают Н. Е. Мерецкий и А. С. Пудовиков, «получение полной и достоверной информации о совершенном преступном деянии, о лицах, участвующих в его организации и реализации противоправного замысла, возможно лишь при надлежащем взаимодействии всех служб и подразделений правоохранительных органов» [11, с. 156].

Однако, согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ, к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а ПДН к таковым не относятся. Таким образом, вопрос о включении в состав следственных групп инспекторов ПДН представляется недостаточно урегулированным. Вместе с тем, как отмечают В. В. Николюк и В. А. Гусев, имеются попытки в ведомственных нормативных актах компенсировать отсутствие законодательных норм, регулирующих участие различных служб и подразделений правоохранительных органов в расследовании преступлений [12, с. 96]. Очевидно, что допуск ПДН к осуществлению ОРД если и не решит полностью указанные проблемы, то создаст значительный задел для их решения.

Понимая, что данный процесс достаточно длительный, в ближайшей временной перспективе мы считаем крайне необходимым обеспечить допуск ПДН к проведению таких ОРМ, как опрос, наведение справок, отождествление личности. В данном вопросе мы принимаем во внимание тот факт, что в настоящее время уже существуют примеры подобного ограниченного допуска. В частности, согласно п. 7 Перечня, право на осуществление указанных нами ОРМ имеют подразделения по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств – членов Международной организации уголовной полиции – Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола – проведение по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств оперативно-розыскных мероприятий «опрос», «наведение справок», «отождествление личности».

Подводя итог, отметим, что для повышения эффективности деятельности ПДН, как самостоятельно, так и во взаимодействии с отделами УР и следствием, а в конечном итоге для усиления борьбы с преступностью несовершеннолетних необходимо:

1) в долгосрочной временной перспективе, учитывая весь положительный опыт советской милиции, подготовив соответствующую правовую базу, передать ПДН в состав и под непосредственное руководство УР, обеспечив тем самым максимально эффективное их взаимодействие и допуск к ведению ОРД в полном объеме. Это даст правовые основания на законодательном уровне для включения инспекторов ПДН в состав следственных групп;

2) в ближайшей временной перспективе (по аналогии с подразделениями по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств) допустить ПДН к ОРМ, не требующим санкции руководства (опрос, наведение справок, отождествление личности). Для этого внести изменения в Перечень, изложив его пункт 10 в следующей редакции: «Подразделения по делам несовершеннолетних: опрос, наведение справок, отождествление личности».

Список источников

1. Смагоринский Б. П., Ефремов К. А. Оперативно-розыскная деятельность в международном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 113–120.
2. Базарбаев А. С. Роль оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 174–176.
3. Остапенко Н. И. Проблемы взаимодействия сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных уполномоченных уголовного розыска в предупреждении преступности подростков, осужденных к условной мере наказания // Российский следователь. 2007. № 9. С. 23–26.

4. Алексеев В. В., Бражников Д. А., Никольская А. Г. Пути повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности при противодействии преступности в современных условиях // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 4. С. 85–91.
5. Беженцев А. А. Эволюция отечественных государственных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4(8). С. 22–28.
6. Решетов Г. М., Шахматов А. В. Некоторые вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1(37). С. 71–76.
7. Игнащенко Ю. Ю. История правовой регламентации оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3(27). С. 76–81.
8. Железняк Н. С. «Острые углы» федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 65–69.
9. Беженцев А. А. Указ. соч.
10. Решетов Г. М., Шахматов А. В. Указ. соч.
11. Мерецкий Н. Е., Пудовиков А. С. Значение экспертной информации на первоначальном этапе расследования преступлений // Природа. Человек. Культура: мат-лы Третьего междунар. науч.-просвет. форума. Кисловодск, 4–8 октября 2022 г. Хабаровск: Дальневост. гос. ун-т путей сообщения, 2022. С. 156–159.
12. Николюк В. В., Гусев В. А. Привлечение инспектора по делам несовершеннолетних органов внутренних дел к участию в работе следственно-оперативной группы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4(64). С. 93–100.

Информация об авторе

А. В. Гамзина – старший инспектор по делам несовершеннолетних

Information about the author

A. V. Gamzina – Senior Inspector for Juvenile Affairs

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 02.03.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 02.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».

